

Кадеев В. И.

**Херсонес Таврический
в первых веках нашей эры**

Харьков
1981

ВВЕДЕНИЕ

В истории Юга нашей Родины важную роль сыграл Херсонес Таврический — древнегреческое государство, основанное в последней четверти V века до н. э. выходцами из Гераклеи Понтийской на месте современного Севастополя. Этот крупный для своего времени экономический и культурный центр в Северном Причерноморье просуществовал около двух тысячелетий и был здесь единственной дорийской колонией. Его история теснейшим образом связана с историей других античных государств Северного Причерноморья (Боспора, Ольвии), скифского царства в Крыму, племен тавров и сарматов, а также таких крупных государств древности, как Понтийское царство и Рим. Выгодное стратегическое и географическое положение, богатые природные ресурсы привлекали к Херсонесу внимание правителей не только Понтийского царства и Рима, но и Византии, превративших его в свой опорный пункт на территории Таврики. Это привело к тому, что Херсонес (Корсунь) стал яблоком раздора между Византией и Русью и после многомесячной осады оказался в руках киевского князя Владимира Святославича (989 г.). Позднее Херсонес неоднократно подвергался набегам татар и экономической блокаде генуэзцев.

Таким образом, насыщенная важными политическими событиями двухтысячелетняя история Херсонеса тесно связана с историей Причерноморья и Средиземноморья, историей нашей Родины, всего древнего мира.

Особую важность приобретает изучение истории Херсонеса Таврического периода его зависимости от Рима. В это время наблюдался кризис рабовладельческих отношений, произошли серьезные изменения в социальной структуре херсонесского общества, что отразилось на положении и свободных граждан, и рабов, проявилось в социальной мобильности отпущенников. Последние, благодаря политике римских властей, заняли высокое положение в обществе. Одновременно шел процесс обнищания широких слоев свободного населения. Серьезные изменения наблюдались в политической сфере (так как неоднократно менялся статус Херсонеса) и в государственных институтах, утра-

тивших прежние демократические черты. Изменялся этнический состав населения за счет выходцев из других античных государств и представителей туземных племен. На фоне общего экономического подъема в начале нашей эры некоторый упадок наблюдался в сельском хозяйстве, где после длительных опустошительных войн изменились удельный вес некоторых отраслей и характер землевладения, стала распространяться аренда земли. Бурно развивались рыболовный и соляной промыслы, а также ремесла, получившие характер товарных производств, рассчитанных на широкий рынок сбыта. Это способствовало увеличению масштабов торговли, которая в указанный период переживала наивысший расцвет.

Начало периода относится к I в. до н. э., когда после гибели Митридата VI Херсонес вышел из состава Понтийского царства и оказался в зависимости от вассального Риму Боспора, юридически будучи с ним в союзе (симмахии). В дальнейшем Херсонес сумел добиться от Рима элевтерии (свободы) и сохранить статус государства, собственные законы, право владения территорией, чеканку монет и т. п. Несмотря на политику римских властей и присутствие гарнизона, сильное нивелирующее влияние римской провинциальной культуры, в Херсонесе Таврическом вплоть до середины II в. н. э. сохранялся дорийский диалект, а традиционные имена и культы существовали в течение всего этого периода, который закончился, на наш взгляд, в конце III в. н. э. В это время в результате поворота римской политики при Диоклетиане Херсонес Таврический утратил свою элевтерию, а с ней привилегии, статус государства и превратился в ординарный провинциальный город на окраине империи, управляемый римскими чиновниками, т. е. прекратил свое существование как античное государство. Это и обусловило хронологические рамки настоящей работы.

Исследование истории античного Херсонеса указанного периода — это изучение кризиса его политического и социального строя, кризиса рабства. Оно дает возможность конкретно ознакомиться с этими процессами в Северном Причерноморье, позволяет лучше понять их в греческих государствах вообще в условиях зависимости от Римской империи, проникнуть в историю взаимоотношений последней с зависимыми государствами, осветить многие аспекты политики Рима на конкретных примерах его политики по отношению к Херсонесу. Выяснение взаимоотношений Херсонеса с Римской империей — шаг в изучении более широкой проблемы: Северное Причерноморье и Римская империя.

Однако главной задачей настоящей работы является исследование внутренней истории Херсонеса Таврического — его социально-политического строя, этнического состава населения, а также политического статуса в условиях римской оккупации Таврики, который до сих пор является предметом дискуссии.

Археологические исследования Херсонеса ведутся свыше 150 лет, но только в конце XIX в. они приобрели систематический характер. Это позволило выявить остатки античного города, получить массовые вещественные, эпиграфические и нумизматические материалы, без которых не могло быть речи об изучении античного Херсонеса. Однако исследования тормозились из-за повышенного интереса в царской России к церковным и христианским памятникам: Херсонес привлекал внимание Археологической Комиссии и Синода (между ними существовало соперничество), правительственных учреждений и Херсонесского мужского монастыря своими «святителями», «великомучениками», а еще более — как «колыбель христианства на Руси».

Так, два обобщающих труда, посвященных античному Херсонесу [40; 98], касались в основном политической истории, причем о первых веках нашей эры говорилось вскользь. Важная работа, посвященная государственному строю Херсонеса, была написана В. В. Латышевым [148], однако быстрый рост количества эпиграфических источников заставил его пересмотреть некоторые положения. Большое значение имели работы М. И. Ростовцева, посвященные взаимоотношениям Херсонеса с Римом [197], римской оккупации Херсонеса и Таврики [195; 198], политической истории Херсонеса в первых веках нашей эры [194]. Автор впервые обратил серьезное внимание на историю этого периода; некоторые его положения не утратили своего значения и до настоящего времени. Этим, собственно, и исчерпывается вклад дореволюционных историков в исследование античного Херсонеса.

После Великой Октябрьской социалистической революции подход к изучению Херсонеса коренным образом изменился. Внимание ученых сосредоточилось на исследовании экономики, социально-экономических отношений, этнического состава населения, взаимоотношений с туземным населением. Однако прошли годы, прежде чем были разработаны основные принципы исследований, принятые в современной советской исторической науке.

Среди советских ученых первые обобщающие очерки истории Херсонеса написали Г. Д. Белов и В. Ф. Гайдукевич. Херсонесу периода зависимости от Рима Г. Д. Белов посвятил раздел своей монографии, однако началом этого периода он считает 60-е гг.

I в. н. э., т. е. начало римской оккупации города [26]. Автор особо осветил взаимоотношения с римскими властями и гарнизоном, а также некоторые внутренние общественные процессы, возникшие под влиянием Рима: аристократизацию политического строя, распространение римского гражданства; показал состояние хозяйства (особенно виноделия, рыболовства и рыбозасолки, торговли), а также культуру Херсонеса, где главное внимание уделил культам и некрополю.

Еще более краткий очерк истории Херсонеса первых веков нашей эры дал В. Ф. Гайдукевич [56]. Он использовал при этом литературные и эпиграфические источники, а также достижения советской археологии довоенных лет. Автор показал взаимоотношения Херсонеса с Боспором и Римом, поход Плавция Сильвана и римскую оккупацию Таврики, рассмотрел в общих чертах состояние экономики, государственный строй. Заслуживает внимания мнение В. Ф. Гайдукевича об иеродулах. Однако бедность источниковедческой базы и, главное, ограниченный объем очерка не позволили автору подробно осветить историю Херсонеса того времени. Следует также отметить, что работа носила популярный характер.

При изучении истории Херсонеса рассматриваемого периода недостаточно внимания уделялось социальному строю, положению различных слоев свободного населения, а также рабов и вольноотпущенников. Исследователи обычно ограничивались констатацией существования в Херсонесе рабовладельческого строя и наличия рабов и вольноотпущенников [26; 110]. Значительно дальше пошел В. Д. Блаватский в своем исследовании, посвященном рабству в античных государствах Северного Причерноморья. Он не только показал социальную структуру общества, но и рабовладельческий характер сельского хозяйства Херсонеса, привел все известные в то время (работа опубликована в 1954 г.) свидетельства о рабах, выделил в особую категорию рабынь-гетер [37]. Специальную работу по проблеме римских вольноотпущенников в Херсонесе опубликовал автор настоящей книги, широко используя данные просопографии [108].

Определенное внимание в советской историографии уделено государственному строю Херсонеса первых веков нашей эры, но обобщающей работы до недавнего времени не было. В связи с находкой декрета в честь Папия состав херсонесского совета пытался определить Е. Г. Суров [227], который пришел к выводу, что в совете было 23 человека. Однако такая цифра представляется нам сомнительной [см. 105]. Коллегии номофилаков, сохранившей свое значение в первых веках нашей эры, посвя-

тила свою работу Р. И. Новикова [163]. Она считала, что наличие этого института в Херсонесе — свидетельство изначальной аристократичности государственного строя. На наш взгляд, такой вывод говорит о формальном подходе к изучению источников и не соответствует действительному характеру политического строя Херсонеса, представлявшего собой умеренную рабовладельческую демократию.

Ряд вопросов, связанных с отдельными магистратурами и государственным строем Херсонеса первых веков нашей эры, затронула Э. И. Соломоник в своих комментариях к новым надписям [213; 214]. Государственному строю Херсонеса рассматриваемого периода, его важнейшим магистратам, совету и Народному собранию посвятил специальную работу автор настоящего исследования [109].

В советской исторической литературе неоднократно затрагивались вопросы, связанные с этническим составом населения Херсонеса, но специально над этой проблемой работала только Н. В. Пятышева [183—185]. Итог своим многолетним исследованиям она подвела в статье, посвященной этническому составу Херсонеса в I—VI вв. н. э. [182]. По мнению автора, с самого начала своего существования Херсонес был не греческим, а греко-варварским городом, поскольку, как считает Н. В. Пятышева, в нем жили преимущественно греки и тавры; в первых веках нашей эры в большом количестве появились скифы, а позднее — сарматы. Автор приходит к выводу, что в это время в городе жили также выходцы из Сирии, Кавказа, Балканского полуострова, иудеи, персы, готы. Несмотря на отдельные интересные наблюдения, выводы Н. В. Пятышевой нас удовлетворить не могут, так как во многом они основаны не на свидетельствах источников, а на предположениях, причем довольно смелых. На это в свое время указывал А. И. Тюменев [240]. Н. В. Пятышева широко применяет своеобразную методику использования вещественных источников, состоящую в том, что по отдельным импортным предметам, ранее неизвестным в Херсонесе, делаются выводы о появлении новых этнических элементов. Это и привело ее к заключению о смешанном населении Херсонеса.

Большое влияние на такой вывод оказали труды Г. Д. Белова [26; 22] и С. Ф. Стржелецкого [226]. Расходясь в деталях, эти ученые доказывали, что скорченные погребения, часто встречаемые в некрополе города, принадлежали таврам. С критикой этого положения выступил автор настоящей работы [106]. Определенную роль в сформировании преувеличенного, на наш

взгляд, представления об удельном весе туземных элементов в составе населения Херсонеса сыграли труды А. П. Ивановой, которая приписывала туземному элементу все схематические или примитивные черты в местной скульптуре [100; 101], а также работа Б. Н. Гракова [74]. В ней носители имени Скиф рассматривались как лица скифского происхождения.

Подводя итог обзору исследований, посвященных Херсонесу периода зависимости от Рима, можно сказать следующее. Главное внимание советские ученые сосредоточили на изучении экономики. Исследования социального строя не проводились (только констатировалось наличие рабовладельческого строя, рабов и вольноотпущенников), не предпринимались попытки показать положение различных социальных слоев свободного населения, рабов и вольноотпущенников, их роль в политической жизни Херсонеса. Характеризуя государственный строй, исследователи, как правило, опирались на обобщающий труд В. В. Латышева. Однако они лишь уточняли отдельные устаревшие положения при публикациях новых надписей. Исключением являются работы Р. И. Новиковой, посвященные отдельным магистратурам, и труд Е. Г. Сурова, в котором сделана попытка определить состав совета.

Много внимания было уделено проблемам этнического состава населения и взаимоотношениям греков с туземным населением Таврики. Однако достигнутые результаты вызывают сомнения, поскольку преувеличивались удельный вес и влияние местного населения. Недооценивалась, на наш взгляд, роль Рима, преувеличивалась без достаточных на то оснований самостоятельность Херсонеса в условиях римской оккупации. Много ошибочных положений бытует в исследованиях, посвященных внешнеполитическим событиям того времени, истории взаимоотношений Херсонеса с Римом и Боспором, с местными племенами.

Для устранения указанных недостатков и восполнения пробелов в изучении истории Херсонеса периода симмахии с Боспором и римской элветерии потребуются коллективные усилия историков и археологов, дальнейшее разветвление исследований не только в Херсонесе, но и на Гераклейском полуострове, а также вдоль всего побережья Западного Крыма и в его внутренних районах.

Однако уже сейчас благодаря появлению новых археологических, эпиграфических и нумизматических материалов, новой интерпретации давно известных источников, широкому привлечению данных просопографии имеется возможность не только

устранить многие из отмеченных недостатков и восполнить пробелы, но и дать обобщающее исследование по истории Херсонеса Таврического I в. до н. э. — III в. н. э.

Целью настоящей работы и является изучение истории Херсонеса Таврического второй половины I в. до н. э. — III в. н. э. Автор рассматривает внешнеполитические и внутренние события, социальный и государственный строй, этнический состав населения Херсонеса в этот период. Важное место занимает освещение взаимоотношений с Боспором и Римом, проблемы статуса Херсонеса в условиях римской зависимости и военной оккупации, а также влияния Рима в социально-экономической, политической и культурной областях. Одна из задач работы — показать особенности Херсонеса как дорийского государства, с его традициями и консервативностью, которые во многом определили характер институтов, способствовали сохранению государственности, законов, некоторых обычаев и до определенного времени дорийского диалекта в условиях нивелирующего влияния Римской империи. Однако при этом автор стремился показать, что развитие рабовладельческого общества в Херсонесе подчинялось общим закономерностям развития рабовладельческой формации, было их проявлением в конкретных условиях, сложившихся в Юго-Западном Крыму. В работе также делается попытка объективно подойти к проблеме роли и удельного веса туземного элемента в Херсонесе.

Решению поставленных задач способствовало не только привлечение новых исторических источников, но и пересмотр свидетельств прежних. В процессе исследования автор широко использовал данные херсонесской ономастики, привлек сравнительные данные из Мегары и ее колоний, из восточных провинций Римской империи, особенно Малой Азии и Западного побережья Понта. Использовались материалы о римском законодательстве и методах управления в греческих городах, что позволило лучше представить взаимоотношения Херсонеса с Римом, а также статус Херсонеса в условиях римской оккупации Северного Причерноморья.

Литературные источники по рассматриваемой теме очень ограничены. Это свидетельства греческих и римских авторов относительно некоторых фактов истории Херсонеса, касающихся политики Понтийского царства, Рима и Боспора, а также войн со скифами и сарматами. Значительно меньше сведений дают эти источники для изучения экономики и социально-политического строя. Наиболее важными являются свидетельства Страбона, Тацита и Плиния Старшего.

Страбон не только оставил указание о местоположении Херсонеса, но и довольно подробно описал его окрестности, отметив бухты, озера, крепости, храмы и т. п. У этого автора имеется ряд интересных фактов, относящихся к истории Херсонеса, политике Митридата и Рима. Важное значение имеют свидетельства о взаимоотношениях греков с туземным населением, особенно о войнах со скифами, а также указание о зависимости Херсонеса от Боспора, который, в свою очередь, находился под властью Рима.

Произведение Тацита [234, XII], подробно освещавшее события римско-боспорской войны 40-х гг. I в. н. э., сохранилось частично, но ввиду важности этих событий для последующей истории Херсонеса даже имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные данные представляют значительный интерес. Они дают возможность выяснить хотя бы в общих чертах причины конфликта, а также участие Херсонеса в войне на стороне Рима, которое способствовало его освобождению от боспорской зависимости. Свидетельства Тацита позволяют лучше понять внутриполитические события в самом Херсонесе и последующую активизацию скифов, что превращает произведение этого автора в важнейший источник при изучении истории I в. н. э.

Большой интерес представляют сообщения Плиния Старшего (Plin., NH, IV, 85), который указывает не только местоположение Херсонеса, но и длину окружности его оборонительных стен. Он называет Херсонес самым блестящим пунктом западного побережья Крыма, городом, сохранившим греческие обычаи. Очень важным является свидетельство о даровании римлянами свободы Херсонесу, но, к сожалению, трудно сказать, к какому времени относится это свидетельство¹.

Отдельные сведения имеются у Иосифа Флавия, Флегонта Траллийского и других авторов. Первый, например, сообщает о численности римской армии и флота (Jos. Flav. Debell. Iud., 16,4), оккупировавших побережье Северного Причерноморья и Кавказа. Флегонт (Phl. Trall., XV, fr. 22) указывает на подчинение Херсонеса боспорскому царю Котису II.

Однако все эти в большей или меньшей степени отрывочные сведения, иногда очень важные, самостоятельного значения не имеют и могут быть использованы только в совокупности с другими историческими источниками. Кроме того, подходить к ним следует с известной осторожностью.

Значительно большее значение имеют эпиграфические источники, представленные лапидарными памятниками, клеймами², граффити и надписями краской на керамике. Наиболее важными

1

Некоторые исследователи считают, что оно восходит ко времени Агриппы, ссылки на которое мы находим в произведении Плиния. Если бы это полностью подтвердилось, тогда свидетельство Плиния доказывало бы возобновление Августом элевтерии Херсонесу.²

Следует отметить, что в рассматриваемое время появились клейма римских воинских подразделений, производивших строительную керамику.

являются лапидарные памятники, которые содержат многочисленные сведения о внешнеполитических событиях, внутренней истории — включая факты социально-политической борьбы и финансовых затруднений, — политическом строе, социальном и этническом составе населения Херсонеса и о многом другом. В этих надписях, как и в надписях на керамике, немало имен херсонеситов, что позволяет составить представление об ономастике Херсонеса, получить важные сведения об этнической принадлежности многих жителей города, а также узнать имена херсонеситов, игравших важную роль в политической жизни государства. Надписи имеют особое значение для изучения государственного устройства Херсонеса, поскольку в рассматриваемый период почетные декреты и проксении стали скрепляться личными печатями высших магистратов и членов совета. Это дало возможность выяснить состав магистратур и совета, сроки пребывания их у власти, существовавшую субординацию и многие другие вопросы. Большую роль при этом сыграли две надписи (129/130 и 130/131 гг.) с полностью сохранившимися списками должностных лиц [308, № 359; 38]. В некоторых надписях прямо говорится о рабах [308, № 564, 709] и вольноотпущенниках [308, № 508, 562, 571] в Херсонесе, но число таких надписей невелико. Поэтому особое значение для выявления происхождения, положения и роли рабов и вольноотпущенников приобретает изучение номенклатуры херсонесских надписей, поскольку имена в изучаемую эпоху отражали социальное происхождение и положение их носителей. Имеются также непосредственные указания на вспышки социально-политической борьбы, вызванной тяжелым материальным положением населения и существовавшим недовольством. Особенно ярко это отражено в двух надписях [308, № 355; 23]. Об экономических и политических связях Херсонеса с другими античными государствами свидетельствуют многочисленные проксении [308, № 351, 358, 359, 364]. Они же указывают на предоставление херсонесского гражданства иностранцам. Благодаря лапидарным источникам становится понятной политика Рима по отношению к Херсонесу, характер взаимоотношений последнего с Боспором, а затем и с римским гарнизоном. В этой связи следует отметить надписи в честь наместников Мезии [308, № 421, 422], переписку по поводу проституционной подати [308, № 404] и др. Данные о взаимоотношениях Херсонеса с метрополией содержатся в почетном декрете в честь гераклеотов [308, № 362]. Эти свидетельства официальных документов дополняются многочисленными эпитафиями, среди которых есть не только эпита-

фии граждан Херсонеса, но и иностранцев, проживавших в городе, в основном уроженцев Малой Азии. Латинские эпитафии, дополненные свидетельствами керамической эпиграфики в виде клейм воинских подразделений, позволяют составить представление о римском гарнизоне и о времени его пребывания в городе и окрестностях.

Таким образом, эпиграфические данные — один из важнейших видов источников при изучении истории Херсонеса, позволяющий осветить многие стороны его внешнеполитической и внутренней жизни исследуемого периода.

Важным дополнением к эпиграфическим свидетельствам служат нумизматические источники. Среди них можно выделить монеты местной чеканки, свод которых опубликовал В. А. Анохин [6; 7], и иногородние [62]. С помощью монет удалось установить время римско-боспорской войны, поставить вопрос о характере «царствования» Девы, показать связь между чеканкой денег и изменениями в политике Рима, доказать факты предоставления Римом элевтерии Херсонесу и т. п.

Еще разнообразнее данные археологических источников, полученные за многие годы раскопок Херсонеса. Их изучение позволяет получить представление о площади города в изучаемый период, о его социальной топографии, о некрополе, окружавшем город за пределами оборонительных стен. Археологические источники, особенно материалы некрополя, погребальные сооружения и инвентарь, который клали вместе с покойником, имеют важное значение при исследовании социальной дифференциации и этнического состава населения. Они значительно расширяют источниковедческую базу, давая сведения о таких фактах, о которых умалчивают другие источники, позволяют скорректировать свидетельства письменных источников, нередко тенденциозные.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники еще не позволяют в одинаковой степени осветить все затронутые в работе вопросы, и некоторые из них только поставлены или намечены. Например, малочисленность эпиграфических свидетельств III в. н. э. не дает возможности выявить изменения, происшедшие в это время в государственном строе Херсонеса.

Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. В первой главе дан исторический очерк Херсонеса в I в. до н. э.— III в. н. э. Последующие две главы посвящены соответственно социальному и государственному строю. В последней главе показан этнический состав населения Херсонеса. В заключении изложены основные выводы, вытекающие из работы.

ХЕРСОНЕС В I в. ДО Н. Э.— III в. Н. Э.

После смерти Митридата VI Евпатора города, племена и народы бывшего Понтийского царства, в состав которого входили Боспор, Херсонес и некоторые другие города Северного берега Понта, оказались в зависимости от Рима. Гней Помпей, руководивший военными действиями против армий Митридата и его союзника Тиграна, принял все меры, чтобы не только обеспечить римское господство на Южном берегу Понта, но и укрепить позиции в Северном Причерноморье. Не располагая достаточными силами для присоединения этого района к римским владениям, он восстановил Боспорское царство с зависимым от Рима правителем. Этим правителем стал предавший Митридата его сын Фарнак [11, 113]. Он был объявлен «другом и союзником римлян» и получил Боспорское царство, кроме области фанагорийцев [11, 113], которые первыми восстали против Митридата. Примеру Фанагории последовал Херсонес и также отделился от Митридата [11, 108].

Став царем Боспора, Фарнак провел ряд мероприятий по укреплению своей власти. Обуреваемый честолюбивыми планами по возрождению Понтийского царства, Фарнак, по-видимому, не имел возможности вмешиваться в дела Херсонеса. Поэтому даже влияние монетного дела Боспора, наблюдавшееся при Митридате и позднее при Асандре [65, с. 52], во времена Фарнака в Херсонесе незаметно. Можно отметить, что осаду Фанагории, а также военные действия на территории Понта и Малой Армении Фарнак начал только в разгар гражданской войны в Риме (Cass. Dio., XLII, 45), стараясь не упустить благоприятной политической ситуации для восстановления Понтийского царства в прежних границах. Следовательно, если зависимость Херсонеса от Боспора при Фарнаке была восстановлена, то она являлась номинальной.

Проримская ориентация Херсонеса созрела, видимо, после поражения Фарнака и во время междоусобной войны на Боспоре. Эти события показали могущество Рима и шаткость положения правителей Боспора. В этих условиях и отправилось посольство Херсонеса в Рим после гибели Фарнака. Возглавил

посольство почетный гражданин города Гай Юлий Сатир, сын Феагена [308, № 691]. Это событие достаточно подробно охарактеризовано М. И. Ростовцевым [197]. Поэтому позволим себе остановиться только на основных моментах, придерживаясь декрета в честь Юлия Сатира.

Посольство отправилось в Рим во второй половине 46 г. до н. э. (в декрете указано, что во время третьего консулата и третьей диктатуры Цезаря) во главе с Г. Юлием Сатиром, который не был уроженцем Херсонеса, но гражданство там получил, видимо, за какие-то услуги, оказанные Херсонесу еще при отцах магистратов, организовавших посольство. Судя по имени (наличие римских граепотен и попен), Сатир, сын Феагена, оказывал услуги не только Херсонесу, но и Риму, а вероятнее всего самому Юлию Цезарю, в ходе гражданской войны, за что и получил римское гражданство. Следовательно, выбор Сатира в качестве посла был не случайным. Можно отметить, что херсонеситы удачно выбрали не только посла, но и момент для посольства, поскольку в это время Цезарь, стремясь упрочить свое положение на Востоке перед завершающимися сражениями с помпеянами, укрепившимися в Испании, оформлял через сенат свои мероприятия в отношении греческих городов и вассальных государств, а также принимал посольства с различными ходатайствами.

Нам неизвестно, чем мотивировали херсонеситы свою просьбу о даровании им элевтерии, но, вероятнее всего, они говорили о своем выступлении против Митридата и указывали на несправедливость к ним Помпея, предоставившего «свободу» только Фанагории³.

3
М. И. Ростовцев полагал, что Херсонес мог оказать Цезарю помощь в войне против Фарнака, что представляется нам маловероятным.

Как правильно отмечал М. И. Ростовцев, издание декрета в честь Г. Юлия Сатира является доказательством того, что Херсонес не только добивался, но и добился «свободы» [197, с. 17]. О получении Херсонесом элевтерии от Цезаря свидетельствуют и нумизматические источники, в частности серия монет, которую можно рассматривать как специальный выпуск в ознаменование получения «свободы». Это монеты с изображением Девы и лани на лицевой стороне, бодающегося быка — на обратной и надписью ХЕРСОНΗΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ [97, табл. XXXVII, 1, 2].

Позднее эту элевтерию Херсонес, очевидно, утратил. Однако нельзя согласиться с тем, что это произошло сразу после смерти Цезаря, т. е. в начале 44 г. до н. э. [197, с. 18; 65, с. 50]. Против такого вывода свидетельствует тот факт, что все мероприятия Цезаря, в том числе по отношению к провинциям и вассальным

парствам, были утверждены римским сенатом через день после убийства Цезаря, 17 марта 44 г. до н. э. [10, II, 135]. Поэтому элевтерия Херсонесу могла быть отменена лишь во время пребывания Антония на Востоке, где он лишил некоторые греческие города дарованной Римом элевтерии [197, с. 19; 67, с. 72]. Можно предположить, что именно тогда (не ранее 42 г. до н. э.) и Херсонес мог лишиться элевтерии. Но прямых свидетельств этого нет, если не считать известного указания Страбона о том, что Херсонес находился со времени Митридата в подчинении у владетелей Боспора [222, VII, 4, 3].

Важным эпиграфическим источником, проливающим свет на историю Херсонеса последующих десятилетий, может служить известный декрет в честь одного херсонесского гражданина [308, № 355], по поводу датировки которого существуют большие разногласия [194, с. 14; 197, с. 18; 91, с. 90, прим. 3; 67, с. 96; 6, с. 21; 76, с. 129]. На наш взгляд, объективным критерием для датировки этой надписи являются ее палеографические особенности. Изучение букв Ε, Ο, Κ, Μ, Ο, Σ, Φ, Ω показало, что они имеют аналогии среди херсонесских надписей I в. до н. э. [308, № 347, 691], а Α и Π сходны с соответствующими буквами в надписях конца II в. до н. э. [308, № 352, 349]. Следовательно, по палеографическим данным надпись не может быть датирована позднее I в. до н. э. В пользу этой даты свидетельствует и упоминание в декрете ...ΤΟΥ ΜΕΓΙΣΤΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ ΚΑΙ ΤΑΣ ΣΥΝΚΛΙ[Η]ΤΟ[Υ...], т. е. величайшего императора и сената. Этот титул указывает на принадлежность декрета ко времени Августа, поскольку Цезарь получил постоянный титул императора только в 44 г. до н. э. без всяких эпитетов и в качестве *praepositi* [156, с. 292]. И только при Августе этот титул получил новое содержание — носителя верховной власти, — а также первые эпитеты. О времени Августа говорит и тот факт, что его преемник Тиберий отказался принять этот титул (Suet. Tib., 26). Что касается более точной даты декрета, то она, вероятно, в пределах 29—23 гг. до н. э.⁴

Таким образом, декрет в честь неизвестного гражданина, на наш взгляд, является источником по истории Херсонеса 20-х гг. I в. до н. э. В нем говорится об острой социально-политической борьбе, тяжелом экономическом положении беднейших слоев населения Херсонеса, их недовольстве, чем воспользовался «тиран» и произвел переворот. Источник не только ярко рисует обстановку в городе, но и позволяет лучше понять причины того, почему херсонесская верхушка так добивалась подтверждения «свободы», полученной от Цезаря. В создавшейся обста-

⁴ В 29 г. до н. э. Октавиан получил пожизненный титул императора, означавший носителя верховной власти. До 23 г. до н. э. все внешнеполитические дела в Риме решались Августом

при участии сената, поэтому упоминание в декрете «величайшего императора и сената» (стк. 29) позволяет считать 23 г. до н. э. в качестве *terminus ante quem*.

новке только вмешательство Рима позволяло правящим кругам сохранить «демократию» и безопасность Херсонеса, естественно, за счет потери суверенитета.

С учетом свидетельства рассмотренного выше декрета о получении Херсонесом элевтерии от Рима (сткк. 30—31) нам представляется справедливым мнение тех авторов, которые связывали введение новой эры в Херсонесе в 25 г. до н. э. с получением элевтерии [277, с. 268; 26, с. 97 сл.], а не с «царствованием» Девы [29, с. 63; 146, с. 325; 314, с. 542; 238, с. 108; 172, с. 120; 112, с. 109].

Событие, вызвавшее установление новой херсонесской эры, несомненно имело для Херсонеса очень важное значение. Вместе с тем оно не было непосредственно связано с «царствованием» Девы. Мнение о том, что провозглашение Девы «царицей» привело к установлению новой эры, возникло из-за неверного понимания характера «царствования» Девы, которое якобы было результатом реформы государственного строя. На самом деле «царствующей» Деву провозглашали неоднократно в тех случаях, когда не находили кандидатов на должность царя-эпонима. Судя по херсонесским монетам, такая практика возникла еще в первой половине I в. до н. э. Следовательно, введение в Херсонесе новой эры в 25 г. до н. э. вызвано другим событием. Нам представляется, что таковым явилось подтверждение Августом элевтерии Херсонесу. Аналогией может служить свидетельство Страбона в отношении города Амиса [222, XII, III, 14]. Последний получил элевтерию от Цезаря, а затем был лишен ее Антонием. После битвы при Акции город вновь получил элевтерию от Августа. Известны и другие факты предоставления элевтерии греческим городам после победы Августа в гражданской войне. Например, в 26 г. до н. э. элевтерию получил Хиос, в 25 г. до н. э. — Митилена, а в 19 г. до н. э. — Самос. Август также подтвердил элевтерию, дарованную Илиону Цезарем [311, с. 473]. Итак, прецедентов дарования и подтверждения элевтерии греческим городам в рассматриваемое время было немало. Это дает основания думать, что и Херсонес не был обойден вниманием Августа, особенно, если учесть настойчивость и энергию, с которой херсонеситы добивались элевтерии.

Получение элевтерии Херсонесом при Цезаре (поскольку она оставалась не оформленной юридически, как и многие другие мероприятия «вечного» диктатора) было ознаменовано только кратковременным выпуском монет. Совсем по-другому отмечалось подтверждение элевтерии во времена Августа, когда повсюду греческие города в честь этого события вводили

новое летосчисление. Херсонесские магистраты также решили ввести новую эру. Но и подтвержденная элевтерия оказалась кратковременной, что, видимо, и позволило позднее Страбону указать, что Херсонес был подчинен Боспору [222, VII, IV, 31].

Кратковременность элевтерии, подтвержденной Августом, объясняется тем, что римские власти, предоставляя подобные привилегии, прежде всего заботились о своих интересах. Поэтому, видимо с учетом сложившейся несколько лет спустя политической обстановки на Боспоре, они потребовали вступления Херсонеса в симмахию с Полемоном I, объявленным Римом боспорским царем⁵. Этот союз, заключенный в 14 г. до н. э. для оказания помощи Полемену I в борьбе со Скрибонием, в дальнейшем привел к зависимости Херсонеса от Боспора при преемниках Полемона, хотя формально элевтерия Херсонеса, вероятно, не отменялась⁶.

Об оказании Херсонесом военной поддержки Полемену свидетельствует надпись в честь херсонесского гражданина, стоявшего во главе отряда, посланного на помощь правителю Боспора [308, № 419]. По-видимому, этот отряд участвовал в походах Полемона, что и позволило последнему закрепиться на Боспоре. Некоторые исследователи допускают возможность того, что в указанных надписях [308, № 419, 704] речь шла о Полемене II [146, с. 102, прим. 2; 213, с. 189]. Однако против этого свидетельствуют как палеографические особенности надписей, так и их содержание. В обеих упоминается и говорится о царе, правившем на Боспоре. Таким правителем мог быть только Полемон I, поскольку Полемон II, хотя и был провозглашен императором Калигулой правителем Боспора, на Боспор не попал, а следовательно, не мог получать помощь от Херсонеса. По свидетельству Диона Кассия (Cass. Dio., LIX, 12, 2), Полемон II, сын Полемона, в 39 г. получил от Калигулы в дар Боспорское царство, а в 41 г. император Клавдий признал царем Боспора Митридата II. Полемон взамен получил область в Киликии (Cass. Dio., LX, 8, 2). Но, судя по монетам, правление Митридата II началось еще в 39 г. [97, с. 197]. Следовательно, Полемон II, получив от Калигулы Боспор, не попал туда из-за противодействия Митридата II, и позднее Клавдий вынужден был отменить решение Калигулы, признав правителем Боспора Митридата II [55, с. 326; 42, с. 172—173].

Симмахия, установившаяся между Херсонесом и Боспором при Полемене I, сохранялась и позднее, о чем свидетельствует херсонесская надпись, в которой идет речь о встрече в Херсонесе

5

Такое объяснение нам представляется более вероятным, чем предположение К. Э. Гриневича о том, что Херсонес сам просил союза у Полемона [81, с. 229].

6

Косвенно об этом может свидетельствовать надпись, которую исследователи считают фрагментом письма Полемона к херсонеситам [308, № 704]. Это письмо начиналось формулой, которой обычно правители начинали послания к городам, пользовавшимся автономией [122, с. 55; 213, с. 43].

боспорского посла Аминия (?), прибывшего в город по поручению царицы Динамии [308, № 354]. Симмахия существовала и при Аспурге, которому херсонеситы посвятили статую с соответствующей надписью, к сожалению, очень плохо сохранившейся [308, № 573]. О том, что во времена Аспурга Херсонес был в союзе с Боспорским царством, но не входил в его состав, свидетельствуют две надписи, в которых упоминаются области, города и племена, находившиеся под властью Аспурга [126, 39, 40]. Херсонес в этих перечнях отсутствует.

Что касается элевтерии, подтвержденной Августом, то не следует заблуждаться относительно ее истинного значения. Некоторые исследователи полагают, что Херсонес был независимым [230, с. 57], однако на самом деле каждый новый император мог подтвердить или отменить элевтерию, что и заставило херсонеситов неоднократно добиваться ее подтверждения римскими властями. Последние же, исходя из политической обстановки, то подтверждали «свободу» Херсонеса (особенно когда деятельность боспорских правителей внушала им опасения), то отменяли ее, предпочитая видеть Херсонес зависимым от Боспора, так как не имели достаточных сил для непосредственного вмешательства в дела Северного Причерноморья.

Изменения в положении Херсонеса произошли в связи с римско-боспорской войной (при Митридатe II) и активизацией скифов. Эти события позволили Херсонесу избавиться от боспорской зависимости и оказаться под непосредственным протекторатом Рима, приславшего свои войска для отражения скифов, осаждавших город.

Римско-боспорский конфликт связан с деятельностью боспорского царя Митридата II (39—45 гг.), который выступил против римского диктата еще при Калигуле и не допустил прибытия на Боспор Полемона II, а позднее, будучи признанным Клавдием царем Боспора, попытался проводить самостоятельную политику. К этому времени Рим уже оправился после сокрушительных поражений, нанесенных ему германцами, целой серии волнений и восстаний среди солдат и в провинциях, а также дворцовых переворотов. В этих условиях император Клавдий начал довольно активную внешнюю политику. Усмотрев в действиях Митридата II сепаратистские тенденции, особенно после доноса его брата Котиса, он направил на Боспор римские войска под командованием Авла Дидия Галла. В ходе военных действий армия Митридата была разбита, а сам он бежал на Азиатский Боспор. Позднее, узнав об уходе основных римских войск и использовав возмущение местных племен (дандаров), Митри-

дат стал готовиться к вторжению на территорию Европейского Боспора [234, XII, 15]. Но предавший его Котис и командир римского отряда Г. Юлий Аквила с помощью конницы аорсов предупредили вторжение Митридата и его союзников сираков, первыми начав военные действия. Митридат снова потерпел поражение и после измены царя сираков Зорсина вынужден был искать убежища у вождя аорсов Эвнона [234, XII, 16—18], который передал его римлянам при условии сохранения Митридату жизни. Позднее Митридата II доставил в Рим прокуратор Понта Юний Цилон [234, XII, 21]⁷.

Так закончилась римско-боспорская война, носившая довольно затяжной характер и потребовавшая от Рима немало сил и средств для переброски войск и для ведения боевых действий. Косвенно на это указывают: свидетельство Тацита о том, что Клавдий жаждал отомстить Митридату [234, XII, 20], освобождение на пять лет от податей Византия, истощенного войнами с фракийцами и Боспорским царством [234, XII, 63], а также предоставление преторства командиру вспомогательных когорт Г. Юлию Аввиле и консульства — прокуратору Юнию Цилону [234, XII, 21]. Столь высокая награда последнему может указывать на участие в боевых действиях войск, расквартированных в Понте. Об этом говорит и тот факт, что командир вспомогательных когорт Г. Юлий Аквила был родом из Амастрии и до назначения на Боспор занимался строительством дорог в Вифинии, а после войны возвратился туда в роли прокуратора [196, с. 125—126]. Следовательно, если справедливо мнение о том, что А. Дидий Галл был легатом Мезии и привел оттуда с собой войска [196, с. 125; 329, с. 87; 332, с. 130; 135, с. 183, прим. 36] — а основано оно на одном из возможных вариантов восстановления фрагмента надписи из Олимпии (ILS, I, № 970), где А. Дидий Галл упомянут в качестве легата императора Клавдия [332, с. 25; 333, с. 9], — то и тогда не исключено участие в римско-боспорской войне вспомогательных войск, размещенных на территории Малой Азии.

Факты, свидетельствующие о том, что римляне испытывали серьезные трудности в войне, а также херсонесские монеты этого времени (с изображением Ники) позволяют поддержать мнение В. А. Анохина о том, что Херсонес принял участие в римско-боспорской войне на стороне Рима [6, с. 20 сл.]. Видимо, Херсонес оказал помощь Риму, стремясь освободиться от боспорской зависимости. Это ему удалось, однако при сложившейся политической обстановке остаться автономным он уже не мог и попал в зависимость от Рима.

7

Вероятно, перечисленные события начались в 45 г., так как известны боспорские монеты, чеканенные Котисом в 342 г. боспорской эры. Следовательно, в этом году Митридат бежал, а Котис был провозглашен правителем Боспора. Окончание войны и пленение Митридата относятся к 49 г. [234, XII, 21].

Война привела к ослаблению Боспора, что позволило активизироваться скифам, которые начали военные действия против своих соседей на западе и юго-западе, — т. е. против Ольвии и Херсонеса⁸.

В результате этих действий Ольвия оказалась в руках скифов. Произошло это в 53—54 гг. [113, с. 119]. Позднее скифы подвергли осаде Херсонес. Собрав армию из подразделений, оставшихся в Мезии, (перед этим были отправлены подкрепления Корбулону в Армению), римляне организовали поход в Северное Причерноморье (CIL, XIV, № 3608).

Возглавил поход легат Мезии Т. Плавций Сильван. Это свидетельствует о серьезной обеспокоенности римских властей угрозой Херсонесу. Вопрос о времени похода до сих пор остается дискуссионным. Одни исследователи относят его к 57 г., связывая эту дату с новой эрой, введенной в г. Тире по случаю присоединения к провинции Мезия [328, с. 88; 134, с. 173, прим. 19], другие считают, что поход состоялся в начале 60-х гг. [26, с. 103; 55, с. 330; 6, с. 25]. Нам представляется более вероятной вторая точка зрения. Основным источником, который знакомит нас с этими событиями, является эпитафия Т. Плавция Сильвана Элиана, найденная недалеко от Тибура у мавзолея, служившего фамильной усыпальницей представителей этого рода (CIL, XIV, № 3608). В этой надписи — своеобразном послужном списке правителя Мезии — сообщается, что с прибытием в провинцию, а по уточненным данным это произошло в 56/57 г. [318, с. 300], Т. Плавций Сильван переселил сюда свыше 100 тыс. человек, ранее живших за Дунаем. Переселению, по-видимому, предшествовал поход римских войск в этот район. Далее говорится, что Т. Плавций Сильван «подавил начинающееся движение сарматов», а затем провел ряд мероприятий и переговоров, связанных с возвращением пленных даков, бастарнам, роксоланам и взятием у них заложников, что способствовало стабилизации обстановки в провинции и на ее границах. Только после этого легат Мезии приступил к действиям, в результате которых «царь скифов был отогнан от осажденного им Херсонеса, что за Борисфеном». Характер мероприятий, предшествовавших походу против скифов, и их крупные масштабы, свидетельствуют, что на это потребовалось несколько лет, а значит, поход легата Мезии в Таврику состоялся не в 57 г., а где-то в 60-х гг. Это подтверждается еще одним фактом, упомянутым в эпитафии Т. Плавция Сильвана. В ней говорится, что поход против сарматов он осуществил после отправки большей части войск в Армению, а поход на помощь Херсонесу произошел еще позже. Согласно

8

Д. С. Раевский пытается доказать, что скифы действовали якобы с ведома и благословения правителей Боспора, стремившихся усилить свое влияние в Ольвии и пресечь попытки Херсонеса отложиться от Боспорского царства [186, с. 115 сл.]. Однако он не учитывает результаты римско-боспорской войны, поскольку говорит о Боспоре как о патроне Херсонеса. Следовало бы также принять во внимание политические позиции царя Котиса — вассала Рима.

Тациту, V Македонским легионом, прибывшим в Армению, командовал Л. Цезенний Пэт [234, XV, 6], который оказался там только в 62 г., так как в 61 г. был консулом [234, XIV, 29].

Различные точки зрения существуют и по поводу характера похода Т. Плавция Сильвана. Некоторые исследователи склонны видеть в нем своего рода военную демонстрацию, сопровождавшуюся дипломатическими переговорами [81, с. 232]. Однако причастие *sumpto*, употребленное в эпитафии и происходящее от глагола *submoveo*, *ere* («отгонять», «отбрасывать», «заставлять отступать»), свидетельствует о вооруженном вмешательстве римской армии, которое и заставило скифов снять осаду города.

В. Н. Дьяков считал, что поход «...несомненно носил характер комбинированной военно-морской экспедиции. Эскадра военных судов состояла из кораблей Равеннского флота, командированных в распоряжение легата Мезии, так как своего военного флота Мезия еще не имела...» [92, с. 49]. Правильно оценивая характер похода, В. Н. Дьяков неверно указывал причину посылки к берегам Крыма кораблей Равеннского флота, поскольку Мезийский флот уже существовал [331, с. 131]. Видимо, причина посылки кораблей Равеннского флота была иной. Возможно, корабли, построенные для действий на Дунае, не были пригодны для длительного морского перехода, а может быть, ввиду малочисленности гарнизонов, оставленных в Мезии, для их усиления пришлось оставить на Дунае Мезийский флот.

В свое время Н. И. Репников указывал, что первая оккупация Римом побережья Крыма носила исключительно морской характер [191, с. 123]. Однако на участие сухопутных войск указывает тот факт, что скифы были «отогнаны» от Херсонеса. О присутствии сухопутных римских войск свидетельствует находка Прибрежнинского клада римских монет, зарытого в северо-западной части пересыпи Сакского озера между 75 и 80 гг. н. э. [63, с. 103].

Поход Т. Плавция Сильвана явился не только операцией по оказанию помощи Херсонесу: он сопровождался оккупацией римской армией городов на Северном берегу Черного моря и созданием новых опорных пунктов. Была освобождена от скифов Ольвия, на что указывает перерыв в чеканке монет с именем Фарзоя между 58 и 68 гг. [113, с. 199, 121], создан укрепленный пункт на Южном берегу Крыма — Харакс [39, с. 288 сл.], введены римские войска на Боспор [55, с. 330]. После завершения похода для охраны наиболее важных стратегических пунктов римляне разместили гарнизоны в Херсонесе, Хараксе и на Боспоре, а в соответствующие гавани ввели корабли Равеннского

флота. Сделано это было, вероятно, по распоряжению императора Нерона, готовившегося к походу на Восток и стремившегося поэтому обеспечить опорные пункты и базы снабжения для римской армии на Северном побережье Понта⁹. По-видимому, ослабление Боспора после затяжной войны второй половины 40-х гг. и возросший натиск скифов, грозивший перечеркнуть широкие завоевательные планы, заставил римские власти вмешаться в дела этого района и пойти на оккупацию побережья. Численность римских войск и флота, участвовавших в оккупации Северного берега Понта и Кавказского побережья, по сообщению Иосифа Флавия (Ios. Flav. De bell. Iud. II, 16, 4), достигала 3 тыс. солдат и 40 кораблей.

Следует отметить, что в литературе бытуют некоторые утверждения, не имеющие опоры в источниках. Например, Г. Д. Белов указывал, что «после окончания войны со скифами Пл. Сильван впервые вывез из Херсонеса в Рим большое количество хлеба и тем способствовал удешевлению его в Риме» [26, с. 103, прим. 2]¹⁰ Между тем, в эпитафии Т. Плавция Сильвана, на которую ссылался автор, говорится: «...primus ex ea provincia magna tritici modo annonam p(ropuli) R(omani) adlevavit» (CIL, XIV, 3608 = ILS, 986), т. е. что он первым (из правителей) этой провинции (Мезии) отправил много пшеницы, чем облегчил положение с продовольствием римского народа. Мы обращаем на это внимание в связи с тем, что Г. Д. Белов на этом основании приходит к неверному выводу о подъеме зернового хозяйства в Херсонесе, хотя город испытывал трудности с зерном. Еще большее недоумение вызывает утверждение Э. И. Соломоник о том, что «в надгробии Плавтия Сильвана I в. н. э. говорится о стоянке в Херсонесе части Равеннского флота» [213, с. 138] — со ссылкой на источник и статью К. Э. Гриневича. Однако в эпитафии таких данных нет, а К. Э. Гриневич высказывался по этому поводу предположительно, без ссылок на источник [81, с. 232].

Получили также распространение выводы В. Н. Дьякова о широких масштабах оккупации Римом побережья Крыма и о создании здесь Таврического лимеса [92]. Однако, на наш взгляд, автор преувеличил размеры римской оккупации, перенеся данные о рейнском и дунайском пограничных рубежах на крымскую почву, не приняв во внимание местные археологические источники.

Оккупация позволила римским властям более активно вмешиваться во внутренние дела Херсонеса, хотя он, по свидетельству Плиния (Plin. NH., IV, 85), и сохранял статус «свобод-

О подготовке Нероном похода к Каспийским воротам сообщали Тацит [235, I, 6] и Светоний [205, Neg., 19], а об использовании Черного моря для подвоза продовольствия римской армии, находившейся в Малой Азии в конце 50-х гг., — Тацит [234, XIII, 39].

10

Сходное толкование текста эпитафии давал и М. М. Слонимский, который указывал на отправку большого количества хлеба в Рим из Северного Причерноморья [209, с. 207].

ного» города. Особенно наглядно вмешательство Рима видно на примере монетного дела, так как чеканка монет находилась под римским контролем. Квазиавтономные типы монет и редкие серии золотых статов не должны вводить нас в заблуждение¹¹. Квазиавтономные монеты, т. е. монеты без изображений императоров и соответствующих легенд, чеканились и в греческих городах, входивших в состав римских провинций, например в Афинах, Коринфе, на Хиосе. Правом же чеканки обладало огромное число городов. Так, при императоре Тиберии только в азиатских провинциях чеканили свою монету 94 города [311, с. 472]. По мнению В. А. Анохина, золотая и медная чеканка Херсонеса полностью зависели от воли римских императоров. Поэтому смена последних влекла за собой изменения в городской чеканке [6, с. 17 сл.] При Нероне и Веспасиане, для политики которых характерно стремление ограничить права местных властей, в Херсонесе вообще прекратилась чеканка монеты. Исключение составляла только одна группа тетрассариев (с головой Девы на аверсе и головой бородатого мужчины на реверсе), на которых появилась легенда $\Sigma\text{HBACTHC EIPHNHC}$ [97, с. 157; 6, с. 26], т. е. Рах Augusta, свидетельствующая об усилении римского влияния¹². На возросшую зависимость Херсонеса от Рима в это время указывает установление в городе статуи наместнику Мезии—Сексту Веттулену Керялису [308, № 421]. Это могло быть связано с подготовкой к включению Херсонеса в состав провинции Мезия, так как ко времени правления Веспасиана относятся и другие факты, указывающие на то, что римские власти вели подготовку этого мероприятия. В частности, об этом свидетельствуют имена херсонеситов, в составе которых были граепотеп и потеп императоров династии Флавиев. Такие имена обычно получали римские граждане из числа пегринов во время правления этой династии [31, с. 24 сл.; 322, с. 6]. В Херсонесе указанные имена носили представители правящей верхушки местного общества [109, с. 30 сл.]. Наделение правами римского гражданства представителей местной аристократии за пределами провинций производилось в тех случаях, когда римские власти вели подготовку включения той или иной области в состав провинции [322, с. 6]. Вероятно, с римским влиянием следует связывать возвышение в Херсонесе коллегии архонтов, во главе которой находился первый архонт, сосредоточивший в своих руках исполнительную власть [109, с. 26 сл.]. Аналогичное явление, как результат римской политики, отмечалось в греческих городах Фракии [31, с. 43 сл.].

11

Чеканка золотых монет, по мнению некоторых исследователей, указывает на независимость Херсонеса [см. 30, с. 66 сл.].

12

При Нероне это было вызвано не только стремлением увеличить доходы, но, вероятно, и тем, что Херсонес получил право золотой чеканки от Клавдия, большинство постановлений которого Нерон отменил [205, Neg., 33]. При Веспасиане были лишены дарованной «свободы» Византий, Родос, Самос, Ахайя и Ликия [205, Vesp., 8]. Делалось это для поправки финансовых дел Рима. Естественно, что в

такой обстановке и Херсонес не мог рассчитывать на восстановление прежней привилегии.

Однако трудности, с которыми пришлось столкнуться римским властям, видимо, заставили их отказаться от осуществления своего плана уже при императоре Тите. Об этом свидетельствует возобновление выпуска золотой монеты в Херсонесе в 79/80 г. и позднее — в 84/85 г. [6., табл. III, 11, 12] при Домициане, когда Рим с переменным успехом вел в Дакии очень тяжелую войну, которая потребовала огромных средств, а также концентрации значительной армии в Придунайских провинциях [336, с. 45]. Понятно, что в такой политической обстановке римское влияние в Северном Причерноморье уменьшалось. Ослабела зависимость от Рима Боспорского царства, о чем свидетельствует чеканка золотой монеты с портретом, полным именем и титулом царя Рескупорида II [97, с. 201, табл. XLVII; 1, 2], тогда как при Веспасиане боспорская монета чеканилась с портретами римских императоров [97, с. 200]. По-видимому, в противовес Боспору был поставлен Херсонес, который получил разрешение на золотую чеканку в 84/85 г.

Некоторые ученые полагают, что в это время Домициан распорядился вывести римскую армию из Таврики [198, с. 12; 81, с. 233], а следовательно, из Херсонеса был выведен римский гарнизон [26, с. 106]. Против такого предположения свидетельствует обнаруженная в городе база статуи с надписью в честь наместника Нижней Мезии — Секста Октавия Фронтоня [308, № 422], который был легатом Нижней Мезии с 90 по 93 г. Видимо, именно к этим годам относится установление статуи. Наличие в Херсонесе статуи наместника Нижней Мезии указывает на то, что город зависел от него, и косвенно свидетельствует о присутствии римского гарнизона. Трудно представить, что лишенные военной помощи в условиях угрозы со стороны скифов херсонеситы поставили статую С. Октавию Фронтону. Против мнения о выводе римского гарнизона при Домициане свидетельствуют нумизматические данные. Среди римских монет, найденных в Херсонесе [62, с. 55] и Хараксе [198, с. 15], перерыва для этого времени не наблюдается.

Изменение в положении Херсонеса произошло позднее, когда город вновь оказался в зависимости от Боспора. Об этом говорил отпущенник императора Адриана Флегонт из Тралл в XV книге Олимпиад. Он указывал, что римский император подчинил Херсонес боспорскому царю Котису. Речь идет о Котисе II (123—132 гг. н. э.) [329, I, с. 512]. Это свидетельство подтверждается нумизматическими данными, поскольку в Херсонесе отсутствуют местные монеты, чеканенные между 107 и 132 гг. н. э. [6, с. 31].

Но после смерти Котиса II римские власти изменили свою политику по отношению к Боспору. Его протекторат над Херсонесом подтвержден не был, в то же время Херсонесу разрешили выпуск золотой монеты¹³. Обычно это делалось в тех случаях, когда Херсонес противопоставлялся Боспору. Возможно, что так было и на этот раз, поскольку позднее, уже при Антонине Пие, боспорского царя Реметалка [132—154 гг.] вызывали в Рим для разбирательства какого-то спора (Jul. Capit. Ant. Pius, 9), возникшего у него с римской провинциальной администрацией, вероятно, еще при Адриане.

Окончательное освобождение Херсонеса от боспорского протектората и превращение его в город со статусом «свободного» произошло во время правления Антонина Пия (138—161 гг.) после многочисленных ходатайств как самих херсонеситов, так и их метрополии — Гераклеи Понтийской. О событиях в Херсонесе, предшествующих этому, свидетельствуют эпиграфические документы. В одном из них — надписи с перечислением деяний Аристана, сына Аттины [308, № 423], — указывается, что Аристон дважды успешно возглавлял посольства к боспорскому царю Реметалку. Одно из них вело переговоры о союзе с Боспором. Из этих скурых данных можно сделать вывод о том, что в то время Херсонесу угрожали местные племена и, освободившись от боспорской зависимости, херсонеситы вынуждены были вести переговоры с Реметалком о военном союзе. Это предположение подтверждается свидетельствами найденного нами в 1968 г. почетного декрета в честь неизвестного херсонесского гражданина [76, с. 127—129]. Из текста декрета явствует, что Херсонес подвергался нападениям варваров, а в самом городе были беспорядки и финансовые затруднения. Но, видимо, не столько угроза со стороны варваров, сколько социальные конфликты и боязнь волнений среди наемников, не получавших жалования, заставила «отцов города» отправлять посольства к боспорскому царю. Здесь мы видим пример солидарности рабовладельцев, стремление идти на союз с давним противником в условиях внутренних социальных потрясений. Вероятно, этим же объясняется и настойчивость упомянутого Аристана, сына Аттины, одного из представителей господствующего класса, который после успешных посольств на Боспор в течение шести лет находился в Риме, ходатайствуя до «изнеможения», т. е., по-видимому, до самой своей смерти, о предоставлении Херсонесу «свободы». Несомненно, что как сам Аристон, так и магистраты Херсонеса, пославшие его, прекрасно знали, что такое «свобода», предоставляемая Римом. Следовательно, они сознательно шли на потерю

13

Это последний выпуск золотой монеты в Херсонесе, представленный статерами 158 г. херсонесской эры (134 г. н. э.) с изображением на аверсе бюста Херсонаса влево и на реверсе — Девы в полный рост с ее монограммой [6, табл. VI, 3].

суверенитета во имя защиты своих классовых интересов. Римская «свобода» обычно сопровождалась предоставлением некоторых привилегий богатой верхушке греческих городов, которая тем самым превращалась в социальную опору римских властей. Одновременно города утрачивали суверенитет, усиливалась эксплуатация основной массы их населения, включая полноправных граждан [154, с. 335]. Именно такое положение создано и в Херсонесе, в частности в I в. до н. э., о чем уже упоминалось в связи с декретом в честь неизвестного херсонесского гражданина [308, № 355]. В декрете говорится о волнениях херсонесской бедноты, финансовых затруднениях и попытках государственного переворота, что заставило добиваться у Рима элевтерии. Такая же обстановка сложилась в 30-х гг. II в. н. э.¹⁴.

Поскольку ходатайства самих херсонеситов успехом не увенчались, они обратились за помощью к своей метрополии — Гераклею, с которой находились в тесных политических и экономических отношениях. Об этом свидетельствует целый ряд почетных декретов в честь граждан Гераклеи, с предоставлением им в Херсонесе проксении и исополитии. Только к первой трети II в. н. э. относятся декреты в честь гераклеотов Фрасимеда [308, № 357], Диа..., сына Деметрия [308, № 359], Папия, сына Гераклеона [227, с. 154 сл.]. Два последних декрета датируются 129 и 130 гг., т. е. дарованы за несколько лет до обращения Херсонеса к Гераклею. Судя по этим документам, указанные гераклеоты неоднократно бывали в Херсонесе, где совершали соответствующие жертвоприношения и оказывали знаки внимания местным божествам и властям. В свою очередь, херсонесцы не только даровали гераклеотам проксении и гражданские права, что они делали в отношении граждан других городов, но старались подчеркнуть, что это делается «ради матери нашей... Гераклеи». При таких добрых отношениях между метрополией и Херсонесом магистраты Гераклеи сочувственно отнеслись к просьбе херсонеситов и отправили в Рим посольство к императору Антонину Пию [308, № 362]. В результате этого ходатайства Херсонесу была оказана помощь (в декрете об этом сказано: «оказали попечение о нашем спасении»), в которой он нуждался, и дарована элевтерия. Подтверждением этому служат херсонесские монеты, на которых с того времени появляется сокращенная или полная надпись ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ. Первая серия таких монет датируется около 145 г. [6, с. 34].

Вероятно, одновременно с предоставлением «свободы» в Херсонес вошли подразделения римской армии и корабли военного флота для защиты города от нападения местных племен и охраны

14

Б. Н. Граков и Ю. Г. Виноградов, сравнивая декрет, найденный в 1968 г., с двумя надписями 80-х гг. II в. н. э., сочли возможным датировать его последней четвертью II в. н. э. [76, с. 128]. Но в одной надписи (IOSPE, I², № 404), за исключением буквы кси, по словам самих издателей, «остальные буквы... отличаются от нашей». Что касается кси, то и она не «абсолютно аналогична рисунку этой литеры» в декрете, обнаруженном в 1968 г., в чем можно убедиться при сравнении оригиналов надписей. Ознакомление с другой «ближайшей аналогией» так-

римских коммуникаций на территории Таврики.¹⁶ Видимо, в этом и заключалась помощь (спасение), о которой упоминается в декрете в честь гераклеотов [308, № 362].

Судя по данным источников, обнаруженных в Херсонесе, Хараксе, на Гераклейском полуострове, у с. Заветное и в других пунктах Крыма, римские подразделения принадлежали к Мезийской армии, т. е. к легионам и вспомогательным войскам, расквартированным на территории Нижней Мезии. Эта пограничная провинция являлась одним из важнейших звеньев в системе римской обороны на Нижнем Дунае, которая в то время осуществлялась силами трех легионов и вспомогательных войск, состоявших из девяти ал конницы и 18 когорт пехоты¹⁶.

В условиях постоянной угрозы со стороны местного населения и участвовавших вторжений сарматов римское командование стало практиковать формирование отрядов из различных воинских частей с целью оказания помощи в случае возникновения опасности или (при необходимости) выделения солдат для оккупации областей за пределами провинции. Эти отряды (вексилляции) и составили римские гарнизоны в Херсонесе и в других пунктах Таврического полуострова.

Во II—III вв. н. э. в римском гарнизоне Херсонеса были вексилляции, куда входили солдаты I Италийского [308, № 547, 548], XI Клавдиева легионов¹⁷, а также I Киликийской [308, № 554]¹⁸, I Бракаравгустанской [308, № 553] и II Луцензиевой [308, № 555] когорт вспомогательных войск. Что касается пребывания в городе солдат V Македонского легиона, то долгое время этот вопрос оставался открытым, поскольку единственное надгробие, поставленное солдатом легиона брату [308, № 549], не могло подтвердить это. Но недавно были получены новые свидетельства пребывания подразделения V Македонского легиона в Херсонесе в первой половине II в. н. э. Такими являются клейма легиона на черепицах, обнаруженных при раскопках сельскохозяйственной усадьбы № 227 на Гераклейском полуострове [202, с. 56].

Следует отметить, что наряду с пехотой в составе римских войск, находившихся в районе Херсонеса, была конница. На это указывает случайно найденное в 1980 г. в районе Балаклавы надгробие с латинской эпитафией, в которой упоминается всадник Юлий Валес из алы Атекторигиана, проживший 40 лет¹⁹. Эта ала принадлежала к вспомогательным войскам, набранным в Лугдунской Галлии до 70 г. н. э., и затем находилась в Нижней Мезии [281, с. 174]. Отсюда всадники подразделения были направлены в Херсонес. Датируется памятник не позднее II в. н. э.

же не позволяет согласиться с выводом Б. Н. Гракова и Ю. Г. Виноградова. Удлиненная форма букв, их начертание, апексы, наличие точек-разделителей в этой надписи, как справедливо указывала Э. И. Соколомоник, находят аналогию в надписи IOSPE, I², № 404 [213, с. 72]. Декрет, найденный в 1968 г., по форме букв, их пропорциям, наличию лигатур имеет ближайшие аналогии среди надписей первой половины II в. н. э. [213, № 6; 214, № 116, 127]. В пользу такой датировки свидетельствуют доризмы, встречающиеся во многих надписях первой половины II в. н. э. [308, № 358—364, 423, 431; 213, № 6; 214, № 111, 113, 116, 127] и отсутствующие в надписях последней четверти II в. н. э. [308, № 404; 213, № 14, 26]. Упоминание о наемниках указывает на то, что в городе не

было римского гарнизона; он появился там не ранее 40-х гг. II в. н. э. Все это позволяет датировать декрет 30-ми гг. II в. н. э., когда Херсонес, освободившись от боспорской зависимости, добивался у Рима элевтерии.

15

На одновременность этих событий может указывать тот факт, что в районе Харакса появился пост бенефициария Уммидия Квадрата — легата Нижней Мезии 149—151/152 гг. [308, № 674].

16

В нижней Мезии во II в. н. э. находились I Итальянский, V Македонский и XI Клавдиев легионы. Вспомогательные войска представлены алами (I Asturum, I Gallorum Flavianiana, I Claudia Gallorum Capitoniiana, I Flavia Gaetulorum, I Hispanorum m., I Pannoniorum, I Vespasiana Dardanorum, II Hispanorum et Aravacorum) и ко-

и является первым свидетельством пребывания римской кавалерии на территории Таврики.

Размещался римский гарнизон, по-видимому, в юго-восточной части города, представлявшей собой цитадель площадью 0,9 га. Этот район находился в наиболее опасном с военной точки зрения месте и был хорошо укреплен с напольной стороны мощными стенами и круглыми фланговыми башнями. От остальной части города он ограждался стеной. В цитадели было обнаружено вытянутое прямоугольное здание, примыкавшее к оборонительной стене, характер помещений которого позволил предположить, что это казарма римских солдат [56, с. 93, прим. 1; 57, с. 306]. Такой вывод подтверждается находками римского алтаря, посвященного Юпитеру Лучшему Величайшему, и черепицы с клеймом XI Клавдиева легиона [78, с. 23; 213, № 60]. О размещении в цитадели римских солдат и матросов говорят и другие факты. В кладке оборонительной стены (19-я куртина) обнаружена плита надгробия II в. н. э. римского военного моряка Элия Максима [213, № 62; 216, с. 166], а в юго-западном углу цитадели в стене средневековой постройки — фрагмент римского надгробия конца II—III вв., принадлежавшего, вероятно, ветерану [213, № 637]. У оборонительной стены найдены два небольших фрагмента латинских надписей, в одной из них упомянут бенефициарий [213, № 68, 69]. Во время раскопок 1958—1959 гг. на территории цитадели были обнаружены 11 черепиц с клеймами римских воинских подразделений. Аналогичные клейма встречались здесь и ранее [44, с. 39 сл]. Наконец, еще одним свидетельством пребывания римских солдат в цитадели могут служить термы, открытые на ее территории [79, с. 43; 8, с. 270]. Здесь найдены гончарные трубы и плоские квадратные кирпичи, известные в римских постройках, а также черепица с клеймами XI Клавдиева легиона.

Судя по размерам цитадели, римский гарнизон численно не превышал квингенарной когорты, т. е. 500 человек.

Другим местом пребывания римских солдат в Херсонесе был район у западной оборонительной стены, где также обнаружены черепицы с клеймами XI Клавдиева легиона [80, с. 95]. Однако выяснить, размещалась ли здесь часть гарнизона или находился пристенный пост, пока не представляется возможным.

Одновременно со вступлением в город сухопутных войск в гавань Херсонеса вошли римские корабли. Судя по посвященной надписи 185 г. н. э., поставленной триерархом Флавиевого Мезийского флота Т. Аврелием Секундом [308, № 417], в Херсонесе находилась эскадра этого флота, поскольку трие-

рархи командовали не только кораблями, но и небольшими эскадрами [331, с. 43]. О пребывании в Херсонесе римского флота во II в. н. э. свидетельствует упоминавшееся уже надгробие военного моряка Элия Максима²⁰. К этому же времени относится еще одно надгробие, принадлежавшее моряку Мезийского флота [308, № 556]. Первой половиной III в. н. э. датируется алтарь, поставленный моряком с либурны «Стрела» Флавиуса Мезийского флота Юпитеру Лучшему Величайшему²¹. Следовательно, эпиграфические памятники, свидетельствующие о пребывании в Херсонесе римского флота (а возможно, и солдат морской пехоты, на что указывает употребление в надписях терминов *miles classis*), датируются II—III вв. н. э. Вывод Э. И. Соломоник о нахождении в Херсонесе римского флота в IV в. основан на датировке алтаря Юпитеру, который следует отнести к более раннему времени. Других данных, указывающих на пребывание римского флота в Херсонесе в IV в., нет.

Все сказанное о гарнизоне и эскадре подтверждает распространенное в исторической литературе мнение о том, что во II—III в. н. э. Херсонес являлся центром римской военной оккупации в Таврике [198, с. 7; 56, с. 93; 96, с. 123; 239, с. 246]. Об этом же свидетельствуют латинские надписи (гораздо более многочисленные, чем в других городах Северного Причерноморья) с упоминанием военных и гражданских лиц [308, № 404, 557, 558, 559, 560, 561 и др.; 213, № 60—68 и др.], принадлежавших к членам семей солдат гарнизона. На это указывают и надписи бенефициариев [308, № 674—676; 213, № 59, 60] с упоминанием офицеров римской армии и флота [308, № 404, 417], а также обнаруженный в Дура-Европос итинерарий первой трети III в. н. э. на шите римского солдата [282]. На итинерарии Херсонес указан в качестве промежуточного пункта между Тирой и Трапезунтом — на важнейшем для римлян стратегическом пути между Западным и Южным побережьем Понта.

Во главе херсонесского гарнизона стоял военный трибун. Под его командованием находились не только отряды, выделенные легионами и вспомогательными войсками, но и эскадра флота²². Командиру гарнизона подчинялись подразделения и посты бенефициариев, охранявшие побережье и сухопутные дороги Южного и Юго-Западного Крыма, о чем свидетельствует тот факт, что в Херсонесе и в других опорных пунктах римлян в этом районе дислоцировались подразделения одних и тех же легионов. Например, в Хараксе, как и в Херсонесе, находились солдаты I Итальянского и XI Клавдиева легионов [39, с. 254]. Солдаты последнего составляли гарнизон римского лагеря (об-

гортами (I *Bra-car-augustanorum*, I *Cilicum m.*, I *Claudia Sugambrorum Veterana*, I *Flavia Commagenorum*, I *Hispanorum veter. equit.*, I *Lepidiana* C. R., I *Lusitanorum Cyrenaisca*, I *Tyriorum*, I *Ubiorum*, II *Chalcidenorum*, II *Flavia Bessorum*, II *Flavia Brittonum equitata*, II *Gallorum*, II *Lucensium*, II *Mattiacorum*, III *Gallorum*, IV *Gallorum*, VII *Gallorum*) [291, с. 89; 245, с. 45 сл.; 59, с. 9]. В этот список подразделений вспомогательных войск Нижней Мезии, составленный болгарскими учеными, следует включить также алу *Atectorigiana* [281, с. 174]

17

О пребывании в Херсонесе XI Клавдиева легиона известно из надписей [308, № 550—552 (?), 748; 35, № 59] и благодаря клеймам на черепице [78, с. 23; 44, с. 39 сл.].

Это единственная из мезийских когорт — когорты милиария, состоявшая из 720 пехотинцев и 280 всадников. Сформирована в середине I в. н. э. [239, с. 241 сл.].

Публикацию этого надгробия готовит О. Я. Савелова.

Э. И. Соломоник датирует памятник II—III вв. [216, с. 166]. Но тщательное архитектурное оформление плиты и полное пометен gentile позволяют, на наш взгляд, датировать это надгробие не позднее II в. н. э.

Э. И. Соломоник датирует алтарь началом IV в. н. э. и делает вывод о пребывании римского флота в Херсонесе именно в это время. Одновременно она рассматривает алтарь в качестве свидетельства существования в этот период языческих верований. На наш

наруженного у современного с.Заветное), бывшего форпостом на дальних подступах к Херсонесу со стороны степи и державшего под контролем важную дорогу [53, с. 54 сл.; 54, с. 20]. Это подтверждают также свидетельства о бенефициарии Т. Флавии Цельсине из XI Клавдиева легиона, служившего в Херсонесе и Хараксе [213, с. 123].

Из состава херсонесской вексилляции выделялись также солдаты для охраны более близких подступов к городу, на что указывают находки на Северной стороне и на Гераклейском полуострове. В 1948 г. на Северной стороне Севастопольской бухты на западном склоне Безымянной балки был обнаружен могильник, занимающий довольно значительную площадь, в котором найдено надгробие римского солдата и погребальный инвентарь II—III вв. н. э. Открытие могильника позволяет ставить вопрос о наличии римского военного поста на мысу у самого входа в Севастопольскую бухту [225, с. 81]. На Гераклейском полуострове обнаружены упоминавшиеся уже черепицы с клеймами V Македонского легиона (что может свидетельствовать о наличии там построек, принадлежавших римской армии) и надгробие Юлия Валеса — всадника римских вспомогательных войск. Можно предположить наличие римского сторожевого поста на перешейке Маячного полуострова, где находился небольшой храм — возможно, фракийское святилище [265, с. 156].

Можно отметить и другие находки, связанные с пребыванием римских солдат на Гераклейском полуострове, но они еще не привлекли внимания исследователей. Особый интерес среди этих находок представляет бронзовая votивная табличка высотой 13 и шириной 9 см с рельефным изображением Диониса, найденная в 1966 г. во время земляных работ в Туровской балке. Подобные таблички культового характера хорошо известны на территории Нижней Мезии в местах пребывания римской армии. Вероятно, они помещались в храмах соответствующих божеств. В частности, целая серия аналогичных votивных предметов с изображениями Зевса и Геры, Артемиды, Геракла, Кибелы, Сабазия обнаружена в Абритусе (современный г. Разград — В. К.) [310, с. 121, рис. 156—161]. Находка бронзовой таблички с изображением Диониса в окрестностях Херсонеса может указывать на присутствие здесь еще одного римского военного поста, при котором могло быть небольшое святилище или храм.

Вместе с тем, некоторые распространенные в литературе гипотезы о римской оккупации Таврики не подтвердились. Это касается утверждения о существовании римских военных лагерей

на Западном побережье Крыма [264, с. 80; 262, с. 110 сл.; 63, с. 107], которых там не было, что убедительно доказала Т. Н. Высотская, критически рассмотревшая данные А. Н. Щеглова по этому вопросу [53, с. 22 сл. 55 сл.]. Не подтвердилось также широко распространенное утверждение о цепи римских укрепленных пунктов вдоль Южного берега Крыма, поскольку археологические разведки и раскопки на горе Кошка и на Аю-Даге не выявили следов пребывания римских войск в этих пунктах [261, с. 65; 15, с. 253]. Не подтвердился, следовательно, и вывод В. Н. Дьякова о существовании римского лимеса на территории Таврики.

Присутствие в Херсонесе римского гарнизона и эскадры флота позволило устранить опасность нападения со стороны соседних племен, обеспечило безопасность сухопутных дорог и морских путей сообщения, что в определенной мере способствовало оживлению торговли, развитию производства и промыслов [107]. Ранее херсонесским и иностранным кораблям, плававшим в Понте, нередко угрожали пираты, которые до оккупации римлянами восточного побережья обитали к северу от Питиунта. На своих быстроходных камарах они совершали нападения на корабли и прибрежные селения вплоть до западного побережья (Strab., XI, 2, 12; Plin., NH, VI, 5, 16).

Однако плодами экономического подъема воспользовалась главным образом верхушка херсонесского общества, тогда как у основной массы населения прибавились новые налоги, связанные с содержанием римского гарнизона.

В оценке элевтерии, полученной Херсонесом от Рима в 40-х гг. II в. н. э., до сих пор нет единого мнения. Одни исследователи считают, что «свобода», которой так добивались херсонеситы была номинальной [26, с. 111]. Другие указывают, что Херсонес пользовался автономией и Рим бережно хранил права херсонеситов, даруя им и элевтерию, и ателию, т. е. независимость и освобождение от налогов [230, с. 57].

Существование противоположных оценок статуса Херсонеса в условиях римской оккупации требует подробного рассмотрения этого вопроса. «Свобода», полученная Херсонесом от Рима, не означала того, что Херсонесу удалось добиться независимости, как полагал Е. Г. Суrows. В данном случае это была «свобода» в римском понимании. Обычно греческим городам предоставлялись внутреннее самоуправление и различные права (право собственных законов, право владения землей, право на внутренние налоги и морские пошлины, право чеканки монеты и др. [268, с. 43 сл.]), в зависимости от положения в иерархии,

взгляд, датировка Э. И. Соломоник ошибочна. Против этой даты говорят полное имя дедиканта и название флота (Флавиев Мезийский), который при императоре Гордиане III (238—244) получил почетное наименование «Гордианов» [331, с. 137].

22

Данные о трибунах, командовавших херсонесским гарнизоном, относятся к последней четверти II в. н. э. Это Флавий Сергиан Сосибий [308, № 417], Атилий Приммиан, Аррий Алквиад [308, № 404]. Т. Плавций Феликс Феррунтий [CIL, VIII, 619 = ILS, 2747].

установленной римскими властями для этих городов: город с италийским правом, «свободный и союзный», «свободный» и т. д. [154, с. 354 сл.; 268, р. 39 сл.]. Следует отметить, что «свобода» городов — за исключением союзных (*civitates foederata*), получавших эту привилегию на основе договора [268, с. 40—41], — часто бывала недолговечной, поскольку могла быть аннулирована волей императора [187, с. 44]. Последнее хорошо прослеживается в истории самого Херсонеса, о чем свидетельствуют случаи предоставления «свободы» и неоднократные ходатайства херсонеситов перед римскими императорами о ее даровании. В пользу принадлежности Херсонеса именно к таким «свободным» городам говорят и другие факты. Элевтерию город получил после многолетних ходатайств в Риме, к которым присоединилась метрополия Херсонеса — Гераклея Понтийская. Был издан соответствующий императорский рескрипт, определявший статус и право города и его граждан. Этим рескриптом, как следует из переписки по поводу проституционной подати [308, № 404], и руководствовались в своих взаимоотношениях власти и магистраты города. Документ показывает, что Херсонес подчинялся легату Нижней Мезии. Жители города имели право обращаться к правителю этой провинции за разьясениями, а в случае необходимости — непосредственно к самому императору, что херсонеситы и сделали, когда у них произошел конфликт с римским гарнизоном. Однако этот факт не может служить доказательством независимости Херсонеса. Он является только свидетельством того, что город обладал правом обращения к императору в соответствии со своим статусом «свободного» города, поскольку такое право обычно даже для городов, входивших в состав римских провинций.

Непосредственным представителем римской администрации в Херсонесе был военный трибун — начальник гарнизона [308, № 404, 417], который наряду с военными функциями исполнял обязанности посредника и судьи, выносившего приговоры по делам, связанным с податями и взаимоотношениями херсонесских граждан с римским гарнизоном. При этом он должен был руководствоваться рескриптами императора и указаниями наместников провинции Нижняя Мезия.

Следует отметить, что с получением «свободы» Херсонес прекратил чеканку золотой монеты. Сохранилась чеканка только медной квазиавтономной монеты, что наблюдалось не только в «свободных», но и во входящих в состав римских провинций городах. Поэтому чеканка медной монеты не может означать независимости этих городов. На зависимость Херсонеса от Рима

указывают система номиналов херсонесских монет, соответствовавшая римской [97, с. 153; 6, с. 47], а также тот факт, что основой денежного обращения в городе со второй половины II в. н. э. стал римский денарий [6, с. 50]. Это подтверждают находки римских серебряных монет [62, с. 3] сл.] и указания в эпиграфических документах, где счет ведется на денарии [308, № 440—446, 448]. О зависимости Херсонеса свидетельствует проживание в городе римских граждан — как из числа местных жителей, так и выходцев из других городов [109, с. 30 сл.]. Все они пользовались традиционной поддержкой римских властей и служили социальной опорой и проводниками политики Рима, при содействии которого они возглавили городское управление. Среди римских граждан были вольноотпущенники, также игравшие важную роль в политической жизни Херсонеса II в. н. э. [108, с. 83 сл.]. В независимой греческой общине такое явление было бы невозможным даже в наиболее демократических государствах.

В период римского владычества в Малой Азии и Фракии во многих греческих городах наблюдалось исчезновение местных государственных институтов. Шел процесс нивелировки, в результате которого на смену прежним демократическим учреждениям пришли совет и коллегия архонтов во главе с первым архонтом, тогда как Народное собрание играло номинальную роль [311, с. 640; 31, с. 43 сл.]. То же самое произошло и в Херсонесе в изучаемое время [109, с. 23], что также свидетельствует против мнения о его независимости.

Еще одним фактом, который до сих пор не привлек к себе внимания, является наличие в Херсонесе императорского культа, появившегося в конце II в. н. э. [213, с. 39]. Императорский культ Августов — явление, характерное для провинциальных городов. Он был вызван раболепием привилегированных слоев населения перед правителями Рима, поскольку в данном случае речь идет о поклонении правящему императору, как божеству. При этом божественные почести воздавались не только самому императору, но и членам его семьи [236, с. 27 сл.; 187, с. 93]. Во главе этого культа в греческих городах обычно стоял архиерей из местных граждан. Почетная надпись в честь херсонесского архиерея, который одновременно был проксенем малоазийского города Тия, была найдена в 1956 г. [213, с. 39 сл.]. Имя архиерея не сохранилось, и считается, что он был сыном Папия, но, поскольку жрецы императорского культа в большинстве своем — римские граждане, имени τῶν Παπίου должны были предшествовать γραεποπην и ποπην, а также cognomen,

служивший личным именем архиерея. Поэтому можно предположить, что τῶν Παλίων — не патронимикон, а имя деда, так как обычно в херсонесских надписях с членом употреблялось имя не отца, а деда [308, № 359; 227, с. 156].

Все приведенные факты свидетельствуют о том, что Херсонес Таврический с 40-х гг. II в. н. э. находился в зависимости от Рима на положении «свободного» города с соответствующими правами, вытекающими из этого статуса. Однако дарованные Херсонесу права не освобождали его население от содержания римского гарнизона. Это привело к усилению налогового бремени и уменьшению городских доходов, так как на содержание гарнизона уходила часть проституционной подати, обычно поступавшей в городскую казну²³. Как явствует из переписки по поводу этой подати, императорским рескриптом было установлено, что часть дохода должна поступать на содержание солдат гарнизона. Однако последние в конце II в. н. э. начали сами собирать подать, присваивая себе больше, чем было установлено, часть. Это являлось нарушением прав города, поэтому херсонеситы обратились с жалобой к наместнику Нижней Мезии, что привело к переписке с последним и к последующему решению вопроса в пользу Херсонеса [197, с. 63 сл.]. Переписка отражает взаимоотношения херсонеситов с римским гарнизоном и показывает, что усиление налогового бремени и злоупотребления римских солдат вызывали недовольство у населения города и, вероятно, инциденты и конфликты.

Однако финансовые повинности города в пользу Рима не исчерпывались выделением части дохода от указанной подати. Как свидетельствует надпись, представляющая собой, видимо, письмо императора Коммода к гражданам Херсонеса [213, № 14], город выделял в конце II в. определенные средства из государственной казны на содержание римского гарнизона.

Таким образом, «свобода», полученная от Рима, стоила Херсонесу не только суверенитета, она взвалила на плечи его жителей бремя дополнительных налогов.

Новая и очень серьезная угроза безопасности Херсонеса возникла в III в. н. э., когда начались походы готов и их союзников, которые опустошили и разрушили многие крупные города и целые области на территории Мезии, Фракии, Македонии, а позднее Малой Азии, материковой Греции, островов Эгейского моря [50, с. 352 сл.; 55, с. 440 сл.; 188]. По-видимому, в связи с нависшей угрозой в 245 г. в Херсонесе была укреплена оборонительная система. Об этом можно судить по фрагменту надписи, в которой упоминается укрепление башни [308, № 439]. Но,

23

Этим налогом облагались публичные дома и проститутки-одиночки, проживавшие в Херсонесе. Данные об этом мы имеем не только в переписке херсонеситов с наместником Нижней Мезии [308, № 404], но и в фрагменте надписи [308, № 705], где упоминаются арендаторы или откупщики налога (ΜΙΣΘΟΤΑΙ).

вероятно, Херсонес оказался в стороне от направлений основных ударов готов, боранов, герулов и других племен, что и позволило ему устоять, поскольку многие другие более крупные города, находившиеся под защитой сильных римских гарнизонов, были взяты штурмом и разрушены. Примерами могут служить Тримонциум (Филиппополь), который был разрушен в 250 г., а около 100 тыс. его жителей убиты [99, с. 117], и Трапезунт — стоянка Понтийского флота, окруженный мощными двойными стенами [49, с. 267]. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением Э. И. Соломоник, что Херсонес уцелел благодаря римским войскам, и особенно флоту, а также благодаря крепким стенам [216, с. 171].

В конце III в. н. э., по данным Константина Порфирородного [124, 53], херсонеситы приняли активное участие на стороне Рима в войне против Боспора и сарматов, совершивших нападение на Малую Азию. Организовав поход на Боспор, они захватили его столицу, укрепления на побережье Меотиды и в качестве заложников — семьи участников похода в Малую Азию. Это заставило Савромата вступить в переговоры с римским командованием, а затем и покинуть Малую Азию. За помощь, оказанную Риму, херсонеситы получили от императора Диоклетиана ателию, т. е. освобождение от уплаты податей.

Долгое время этот и другие факты, сообщаемые Константином Порфирородным, не привлекли во внимание, так как историки сомневались в их достоверности. Правда, Г. Д. Белов, считая, что рассказ Константина построен на херсонесских преданиях, отражающих реальные события, использовал его свидетельства для воссоздания истории Херсонеса III—IV вв. [26, с. 129 сл.]. Недавно к этому вопросу вернулся Я. Харматта, который полагает, что источник восходит к херсонесской хронике, возникшей не позднее V в. н. э. [250, с. 204 сл.]. По его мнению, поход в Малую Азию происходил в 291—293 гг. и возглавлял его боспорский царь Фофорс. Реальность этого похода доказывается свидетельствами сасанидской надписи из Пайкули. Таким образом, наиболее легендарная часть рассказа — поход в Малую Азию — подтверждается источниками, а поэтому реальные черты приобретают характер взаимоотношений Херсонеса с Боспором и Римом и возможность военного нападения херсонесцев на Боспор. К наблюдениям Я. Харматты можно добавить, что в пользу достоверности свидетельств Константина говорят упоминаемые им имена первых архонтов Херсонеса: Θέμιςτος Θέμιςτος и Χρῆστος Παλιῶν²⁴. Рассказ о посольстве от Диоклетиана с просьбой начать войну против Боспора и о сменяемости

зафиксировано в III в. н. э. [254, с. 80, № 10]. В других городах Северного Причерноморья оно неизвестно. Имя Папий в Херсонесе появилось с первыми колонистами, а позднее встречалось во II в. н. э. В других городах Северного Причерноморья оно встречено только однажды (в Фанагории) [257, с. 175 сл.].

первых архонтов указывает на наличие у Херсонеса элевтерии, что хорошо согласуется с данными нумизматических источников. Следовательно, свидетельства Константина Порфирородного — не плод фантазии, они имеют определенную историческую основу и с соответствующими коррективами должны учитываться при изучении событий конца III в. н. э.

Около 295 г. н. э. в Херсонесе прекратилась чеканка собственной монеты [6, с. 46]. Это событие рассматривается как результат упадка экономики и торговли [225, с. 82]. Однако для такого вывода у нас нет оснований, поскольку (за исключением некоторого спада во внешней торговле, вызванного последствиями «готских» походов) экономика Херсонеса упадка не переживала [107]. Кроме того, резко возрос приток римских монет [62, с. 55 сл.]. Выходит, что причина прекращения чеканки монеты в Херсонесе была иной.

На наш взгляд, заслуживают внимания наблюдения В. А. Анохина о том, что заключительный этап херсонесской чеканки не носит следов естественного затухания, а говорит даже о некотором расцвете. Поэтому он полагает, что прекращение чеканки в Херсонесе — результат деятельности Диоклетиана, закрывшего провинциальные монетные дворы [6, с. 46]. Это мнение перекликается с гипотезой Г. Д. Белова о том, что прекращение чеканки, возможно, «...было вызвано изменениями в отношениях Херсонеса с Римом; из «свободного» Херсонес мог превратиться в провинциальный город, непосредственно подчиненный Риму...» [25, с. 34; 26, с. 133].

Нам представляется, что именно превращение Херсонеса из «свободного» города в провинциальный, в связи с реформаторской деятельностью Диоклетиана, направленной на централизацию империи, было причиной прекращения чеканки. Став провинциальным городом, Херсонес лишился многих других прав «свободного» города. В дальнейшем он перешел в непосредственное подчинение провинциальных властей, наместниками которых в городе являлись трибун и комит. В конечном итоге Херсонес утратил не только «свободу», но и свойственную ему самобытность дорийского полиса, которая долго проявлялась, несмотря на многовековое влияние Боспора, а впоследствии Рима. Так в конце III в. н. э. из государства со своими институтами, законами и правами Херсонес превратился в город на далекой окраине Римской империи.

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Обычно население античных государств Северного Причерноморья по социальному положению подразделяют на три основные группы: граждане, иноземцы, рабы [37, с. 38].

Однако, на наш взгляд, социальная структура общества Херсонеса в изучаемое время была более сложной. Это обуславливалось возросшей ролью вольноотпущенников, а также тем, что представители каждой из перечисленных групп не были однородны в имущественном отношении и соответственно занимали разное положение в рабовладельческом обществе, переживавшем период кризиса. Поэтому, придерживаясь упомянутой схемы подразделения населения на социально-правовые группы, мы считаем необходимым выделить в отдельную группу вольноотпущенников, а в пределах этих групп — социальные группировки, возникшие в процессе имущественной дифференциации, показать их положение, а также отношения и факты социально-политической борьбы, развернувшейся в рассматриваемый период.

Граждане. Полноправными гражданами Херсонеса являлись, по-видимому, те херсонеситы, родители которых принадлежали к гражданской общине, образованной при основании города. Судя по декрету в честь Кая Евтихиана, эти херсонесские граждане назывались *πολίται ἄλο γένουσ* [308, № 364]. В большинстве своем это, видимо, потомки гераклеотов, т. е. лица, дорийского происхождения. На это указывают дорийские имена и дорийский диалект в официальных и частных документах вплоть до II в. н. э.

Первоначально граждане Херсонеса пользовались довольно широкими политическими правами, имея доступ в состав законодательных и исполнительных государственных учреждений: в Народное собрание, совет, различные магистратуры (коллегию архонтов, номофилаков и др.). Например, о доступе граждан в состав магистратур и Совета свидетельствует Херсонесская присяга [308, № 401, 22—24]. Но в отличие от других античных демократических полисов в Херсонесе существовали определенные ограничения законодательной инициативы граждан. Трудно однако решить вопрос, когда возникли эти ограничения: зало-

жены ли они в конституции Херсонесского государства при его основании или явились результатом реформы более позднего времени. Более вероятно последнее, поскольку в эпиграфических источниках имеются некоторые указания на наличие в раннем Херсонесе права законодательной инициативы у граждан. Например, как свидетельствует декрет III в. до н. э., инициатива о даровании проксении родосцу Тимагору исходила от двух херсонесских граждан — Феотима и Антигона [308, № 340]. В другом декрете того времени — о проксении ольвиополиту — говорится, что предложение также внес херсонесский гражданин [308, № 345]. Однако этот декрет сильно поврежден, и у нас нет полной уверенности, что херсонесский гражданин «... сын Афиня» не являлся должностным лицом. Имеется еще одно свидетельство III в. до н. э. Это широко известный декрет в честь историка Сириска, где с предложением выступил Гераклид, сын Парменонта [308, № 344]. Но и в данном случае у нас нет уверенности в том, что Гераклид был частным лицом, поскольку согласно другой надписи [308, № 343] он выступал с законодательной инициативой в качестве «стоящего во главе управления». В декрете же в честь Сириска начало надписи повреждено. Позднее, со II в. до н. э., законодательная инициатива полностью перешла в руки номофилаков [308, № 347, 351], а в первых веках нашей эры — проэдров [308, № 357, 359, 362, 364, 366—368; 227, с. 155].

По-видимому, ограниченностью прав граждан Херсонеса следует объяснять существовавшую здесь практику издавать декреты и законы от имени Совета и Народа, тогда как в наиболее демократических полисах это осуществлялось от имени Народа, т. е. собрания граждан²⁶. Следовательно, ограничение прав граждан было заложено в конституции умеренной рабовладельческой демократии, каким было херсонесское государство в момент основания. Таким образом, еще во времена «расцвета» демократии херсонесские граждане обладали более ограниченными правами по сравнению с гражданами других демократических государств. В изучаемый период, в связи с установлением олигархии, эти права еще более ограничиваются, так как Народное собрание играло номинальную роль, а в состав совета и на высшие магистратуры избирались представители одних и тех же семей.

В число гражданских прав херсонеситов входило право участия в суде [308, № 401, 351]; одним из наиболее важных было право на недвижимую собственность, позволявшее владеть землей и домами. Граждане участвовали в различных агонах, кото-

26

На умеренность демократии в Херсонесе указывает наличие такого института, как коллегия номофилаков, что характерно для аристократических государств [см. 12, IV, 5, 13].

рые устраивались в городе [308, № 433—436, 620; 213, № 20; 214, № 127] и за его пределами [170, с. 248 сл.].

Граждане имели также определенные обязанности перед государством. Важнейшими из них были: сохранение существующего строя, защита города и его владений. Каждый гражданин должен был сообщать городским магистратам, в частности дамиургам, о заговорах, направленных на свержение демократии или отторжение владений Херсонеса, честно исполнять свои функции при избрании в совет или магистратуру. Запрещалось давать и брать взятки, совершать преступления против других граждан и т. п.²⁶

В число обязанностей граждан Херсонеса входило несение литургий, т. е. расходование личных средств на общественные и государственные нужды. Обычно это делали богатые граждане, которые на свои деньги восстанавливали оборонительные сооружения [308, № 438; 213, № 25, 214, № 128], вели общественное строительство [214, № 129—133; 206, с. 245], отправлялись послами к правителям иностранных государств [308, № 423, 425] и провинции Мезия [308, № 420].

Кроме прирожденных, в Херсонесе были также почетные и новые граждане²⁷. Почетными гражданами становились граждане городов Южного берега Понта, с которыми Херсонес имел особенно тесные экономические связи. За услуги, оказанные херсонесскому государству, а также по политическим и экономическим соображениям гражданам этих городов от имени совета и Народного собрания даровались гражданские права херсонеситов и право въезда и выезда с имуществом в мирное и военное время. Например, гераклеот Фрасимед, сын Фрасимеда, получил херсонесское гражданство за пышные жертвоприношения, которые он устроил в Херсонесе [308, № 357]. Но в большинстве случаев о мотивах предоставления гражданства говорится в весьма цветистых, но расплывчатых выражениях. Первые декреты о предоставлении почетного гражданства иностранцам относятся к III в. до н. э. [308, № 340, 341, 345]. Известны они и позднее — во II в. до н. э. [308, № 349, 351] и в I в. до н. э. Например, почетным гражданином Херсонеса в I в. до н. э. был уже упоминавшийся Г. Юлий Сатир, сын Феагена, ходатайствовавший перед Цезарем о «свободе» Херсонесу. Но особенно широко распространилась эта практика в первых веках нашей эры [308, № 357—359, 364, 365; 213, № 5—7; 227, с. 155]. Судя по декретам, почетному гражданину даровались все права, которыми обладали коренные жители Херсонеса. В херсонесских декретах обычно говорилось: «...дать ему проксению, граж-

26

Эти обязанности записаны в присяге херсонеситов, датированной III—II вв. н. э. [308, № 401], но, очевидно, они сохранились и в более позднее время.

27

На наш взгляд, необходимо разграничить понятия почетный и новый гражданин, так как почетный гражданин мог превратиться в нового только в том случае, если он поселился в городе, предоставившем ему почетное гражданство.

данство... и участие в государстве во всем, в чем участвуют и херсонесцы». Следовательно, почетные граждане юридически имели доступ в Народное собрание, совет и к магистратурам. Однако дарованные права могли быть реализованы, видимо, только в том случае, если почетные граждане переселялись в город на постоянное жительство и таким образом превращались в новых граждан.

Среди почетных граждан Херсонеса (согласно декретам с указанием места происхождения почетного гражданина) известны три гераклеота [308, № 357, 359; 227, с. 155], амастриец [308, № 358], два синопца [308, № 364; 213, № 7] и другие уроженцы Малой Азии [308, № 365]. Таким образом, в количественном отношении первое место занимают декреты, в которых почетное гражданство предоставлялось жителям метрополии Херсонеса — Гераклеи Понтийской. Это, вероятно, может указывать на то, что гераклеотам отдавалось предпочтение при даровании прав гражданства²⁸. Однако многие почетные граждане, подобно Г. Юлию Сатиру, после получения этих прав и проксении исполняли обязанности херсонесских проксенов и не переселялись в город. Следует отметить, что херсонесские граждане, в свою очередь, удастивались проксений и почетного гражданства в городах, с которыми Херсонес имел тесные экономические и другие связи. Так, один из влиятельных херсонеситов был проксеном города Тия [213, № 13].

Что касается новых граждан Херсонеса, то они, по-видимому, также происходили из названных центров. Большинство исследователей считает, что их положение и права отличались от прав коренных граждан. Например, новые граждане обычно не пользовались правом собственности на землю, равными судебными правами, правом вступления в брак с коренными гражданами и т. п. [203, с. 45]. Однако единая форма декретов, в которых говорится о предоставлении новым гражданам всех тех прав, которыми обладали херсонеситы [308, № 357, 359, 364], позволяет предполагать, что новым гражданам предоставлялись равные права. Об этом свидетельствует и тот факт, что выходцы из других городов были в числе магистратов города и среди членов совета.

В Херсонесе были также лица с двойным гражданством — херсонесским и римским.

За заслуги перед государством некоторым гражданам Херсонеса присваивались почетные титулы. Одним из таких титулов был *φιλόλατρίς*²⁹. Он присвоен трем гражданам Херсонеса: Аристону, сыну Аттины [308, № 423], Демократу, сыну Арис-

28

Видимо, прав был Р. Х. Лапер, который считал, что в декрете в честь Фрасимеда [308, № 357] говорится о существовании исополитии между Херсонесом и Гераклеей [95, с. 54; 56]. По мнению же В. В. Латышева, исополития была предоставлена Фрасимеду, а не Гераклею [139, с. 135]. Но при таком толковании текста декрета получается, что Фрасимеду предоставили сначала исополитию, а позднее гражданство, что вызывает сомнения.

29

В. В. Латышев переводил этот титул, как «лю-

тогена [308, № 425], и ... сыну Папия [213, № 13]. Все перечисленные лица занимали высокое общественное положение: двое из них были послами к римским императорам, а третий — проксеном города Тия. Поэтому можно предположить, что титул $\phi\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ присваивался гражданам Херсонеса за заслуги перед государством на дипломатическом поприще. Херсонесские граждане награждались также венками [308, № 423]. За очень большие заслуги некоторым из них ставили медную или мраморную статую, на постаменте которой перечислялись должности, заслуги и награды [308, № 418, 423, 424, 427]. В исключительных случаях такой чести удостоивались женщины. Известна, например, часть мраморной базы с частично сохранившейся надписью, из которой явствует, что статуя по решению Народного собрания была поставлена Лаодике, дочери Героксена, жене одного из представителей могущественной семьи Флавиев — Т. Флавия Парфенокла [308, № 431].

Распространенным видом поощрения граждан, выделявших деньги на общественные постройки или возводивших их полностью на свои средства, было указание имен этих граждан или прикрепление мемориальных стел с соответствующим текстом на сооружения, построенные на их средства [308, № 438—446; 206, с. 245; 214, № 128—133].

Однако следует отметить, что все названные виды поощрения являлись достоянием граждан, принадлежавших к довольно узкому кругу семей — элите херсонесского общества.

К вопросу о филах в Херсонесе. Мы не располагаем непосредственными свидетельствами существования фил в Херсонесе, однако косвенные данные позволяют высказать предположение об их наличии. Это тем более вероятно, что филы известны в родственных Херсонесу дорийских государствах, где они существовали до первых веков нашей эры включительно [298, с. 99]. Дорийские филы нельзя относить к числу институтов родового строя, как это делают некоторые авторы [161, с. 54], поскольку уже в конце II тыс. до н. э. они были искусственными образованиями, возникшими после разложения родового строя [237, с. 99 сл.].

По-видимому, в Херсонесе существовало три филы. На это указывает количество членов коллегий херсонесских выборных магистратур. Например, в коллегии номофилаков было три человека, а в коллегии архонтов — шесть (число, кратное трем). Несмотря на изменения, происшедшие в функциях коллегий в первых веках нашей эры, количество их членов осталось неизменным. Это позволяет полагать, что филы, представители кото-

бщий отечества» [308, № 423, 425]. Э. И. Соломоник, сопоставляя его с $\phi\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ — «друг римлян», считает возможным переводить его как «друг отечества» [213, с. 39]. Однако возникает вопрос о правомерности такого сопоставления, поскольку $\phi\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ — это греческий перевод латинского титула, который предоставляли римские власти союзным правителям. В связи с этим, на наш взгляд, перевод В. В. Латышева больше соответствует содержанию титула.

Вероятно, в Херсонесе, как и в Мегарах — метрополии дорийских государств на Понте, — существовали традиционные дорийские филы: гиллеидов, димафов и памфилов. Косвенно об этом свидетельствуют широкое почитание Геракла (покровителя филы гиллеидов), Аполлона (покровителя димафов) и Деметры (ей поклонялись памфилы), а также распространение соответствующих теофорных имен среди херсонеситов (Гераклид, Аполлоний, Аполлонид, Даматрий, Деметрий и т. п.). Вывод о том, что Геракл, Аполлон и Деметра были наиболее почитаемыми божествами в Херсонесе, убедительно подтверждается специальными исследованиями херсонесских культов по данным посвященных граффити. Среди последних наиболее

рых избирались в коллегии ежегодно, видимо, существовали и в изучаемое время. Возможно, сохранялись и прежние традиции метрополии. К сожалению, названий херсонесских фил в дошедших до нас источниках нет³⁰. Сказанное позволяет предположить, что гражданская община Херсонеса состояла из представителей трех дорийских фил, в которые, судя по декретам о даровании гражданства, проникали, видимо, и новые граждане. Это привело к появлению в херсонесских филах иноземцев дорийского, а также недорийского происхождения, в большинстве своем граждан городов Малой Азии.

Социальные группировки в среде граждан. Граждане Херсонеса не были однородными в социальном отношении, и процесс их расслоения все более углублялся. Своего апогея он достиг в первых веках нашей эры, когда в Херсонесе существовали по меньшей мере три социальные группировки: олигархическая верхушка — булевты, демоты и беднота (ὑχλοι).

Верхушка херсонесских граждан со временем превратилась, видимо, в обособленную группировку, представители которой постоянно избирались в состав совета, высшими магистратами и на жреческие должности. Фактически именно булевты держали в своих руках государственную власть. Среди них были, по-видимому, крупные землевладельцы, так как процесс дифференциации в херсонесском землевладении, начавшись еще на рубеже III—II вв. до н. э. [308, № 403; 84, с. 29 сл.], в изучаемое время продолжался. В первых веках нашей эры появились также крупные рыбопромышленники и рыбороторговцы [107, с. 16 сл.], виноделы, в большом количестве производившие вино на продажу. Эта богатая верхушка по сути дела превратилась в своего рода замкнутое сословие (представители которого заключали браки, вероятно, только в своей среде), могущественное благодаря не только богатству, но и родственным связям. Родственные связи булевтов хорошо прослеживаются при изучении имен на надгробиях и других эпиграфических памятниках.

Еще В. В. Латышев обратил внимание на семью Флавиев [146, с. 318 сл.], представители которой занимали важные государственные должности, передавая их друг другу. Однако дальнейшее изучение показало, что в Херсонесе насчитывалось по меньшей мере три или четыре семьи, носившие родовое имя Флавиев. Их общее имя обусловлено тем, что при Флавиях эти семьи получили римское гражданство и право носить имя названной династии. Указанием на то, что они имели римское гражданство, служат имена членов этих семей с *tria nomina*, где *praenomen* и *patron* императорские, а *cognomen* — греческие имена. Наи-

более важным свидетельством является наличие попен, поскольку император Клавдий, который в целом благосклонно относился к пегриинам, запретил под страхом смертной казни лицам, не являвшимся римскими гражданами, принимать римские *popina* (Suet. Claud., 25, 3). Незаконное присвоение *tria popina* считалось подлогом (Dig., 48, 10, 13). Следовательно, присвоение римского попен, которое было сущностью римской системы номенклатуры, ограничивалось кругом римских граждан.

В условиях зависимости Херсонеса от Рима херсонеситы с двойным гражданством пользовались особым доверием и покровительством римской администрации. Они занимали высокое общественное положение, являясь высшими магистратами (архонтами, номофилаками, продиками) и членами совета. В их среде были римские отпущенники и их потомки. Особенно большую роль они играли во II в. н. э. [308, № 357, 359—361, 363, 374, 386, 389; 227, с. 154 сл.]. Эта категория римских граждан возникла из-за стремления римских властей создать себе социальную опору в провинциях, зависимых городах и областях, ввиду малочисленности самих римлян³¹. Римские граждане из пегриинов служили надежной опорой Рима в Херсонесе.

Представители этой социальной группы являлись наиболее зажиточной частью населения города. В их руках сконцентрировались значительные средства и ценности, ранее в Херсонесе неизвестные. В первых веках нашей эры уже не отдельные лица или семьи, подобно представителям семьи, погребенной в подстенном склепе № 1012 [127, с. 3 сл.; 77], а довольно значительное число херсонесских граждан затрачивало крупные суммы на сооружение фамильных наземных каменных гробниц [127, с. 10 сл.; 23], вырубных склепов с фресковой живописью на стенах [128, с. 98; 130, с. 118], мавзолеев с роскошными каменными саркофагами, украшенными рельефами на мифологические сюжеты [19, с. 38 сл.; 27, с. 266 сл.]. Отдельные булевты располагали настолько крупными средствами, что брали на себя расходы по постройке оборонительных сооружений [308, № 438; 213, № 25; 214, № 128], рынков [206, с. 245], терм [36, № 133], вносили пожертвования на постройку храмов [214, № 440].

Среди херсонесских граждан были еще две социальные группировки: *δαμόται* и *δύλοι*. К первой относились ремесленники, торговцы, мелкие землевладельцы и арендаторы, добывавшие средства к существованию в основном своим трудом. Сюда следует отнести также рыбаков, засольщиков рыбы и виноделов. Эти граждане, хотя и владели средствами производства, но, будучи занятыми в мастерских, на полях, в море, в лавках и на

лее значительны группы надписей в честь Аполлона, Артемиды, Деметры и Геракла. Следует отметить, что все культы хорошо известны в Херсонесе с первых веков его существования, а не привнесены позднее [14, с. 75 сл.].

31

Например, декрет Августа (7—6 гг. до н. э.) свидетельствует о том, что в провинции Киренаика проживало только 215 римлян. Малочисленность последних заставляла римские власти искать опору в среде богатых греков, которые и получали права римского гражданства [157, с. 181; 269, с. 39 сл.].

рынке, фактически не имели доступа к государственному управлению. Они входили в состав Народного собрания, но, видимо, не всегда могли присутствовать на его заседаниях, а если присутствовали, то только утверждали решения совета и высших магистратов, выразивших волю господствующей верхушки. Среди представителей этой социальной группы также происходило расслоение, так как одни разорялись и пополняли ряды немущих, а другие, разбогатеv, стремились попасть в состав плутократической верхушки. Но последних, вероятно, было немного. Об имущественном положении демоса свидетельствуют материалы херсонесского некрополя. Там представителям этого слоя граждан принадлежали довольно скромные погребения. Среди погребального инвентаря — глиняная посуда, светильники, недорогие украшения и «оболы Харона». Иногда встречаются предметы, относящиеся к профессии погребенных. Например, изредка в могилах находят рыболовные крючки [189, мог. 2687], шилья [189, мог. 2732]. В исключительных случаях орудия труда изображались на надгробиях [213, № 46]. Часть погребений вообще не имела никакого погребального инвентаря, за исключением «оболы Харона» [189, мог. 2508, 2542, 2561, 2562, 2573, 2581, 2592, 2600 и др.]. Наличие последнего позволяет считать погребения греческими и принадлежащими представителям немущих граждан Херсонеса. О люмпенпролетарских элементах среди граждан изредка упоминают и эпиграфические источники, называя их *ἄχλοι*. Эти низы херсонесских граждан были неизбежным продуктом развития рабовладельческого общества. Утратив свои земельные наделы и имущество, они, видимо, не имели постоянных занятий и доходов, что вызывало в их среде глубокое недовольство существующим положением и стремление его изменить. О выступлениях и участии низов в политической борьбе свидетельствует херсонесский почетный декрет в честь неизвестного гражданина [308, № 355], где говорится о том, что беднота выступала в поддержку тирана, а это значит, что она представляла собой определенную политическую силу и была, видимо, довольно многочисленной. Косвенно на существование в Херсонесе немущих слоев среди свободного населения указывает факт присутствия в городе *φρέλτοι*. В частности, последние упоминаются в надгробиях II в. до н.э. [308, № 709] и II в. н. э. [46, с. 109 сл.]. Как явствует из переписки Плиния Младшего с императором Траяном, в то время этот термин применялся по отношению к свободнорожденным детям, оставленным своими родителями из-за отсутствия средств для их воспитания, и ставшим рабами лиц, их подобранных ⁸².

82

Так, в своем ответе Плинию Младшему Траян писал: «Вопрос этот, касающийся этих (детей), рожденных свободными, выброшенных, затем подобранных кем-либо и воспитанных в рабстве, рассматривался часто» [178, X, 66].

Следовательно, *φρεστοί* — это дети свободной бедноты, превращенные в рабов.

Тяжелое положение херсонесской бедноты, обусловленное внутренними причинами, еще более усугублялось римской оккупацией. Содержание гарнизона и отряда флота, посягательство солдат на доходы города, а значит на доходы граждан [308, №404; 200], дополнительным бременем ложились на плечи населения Херсонеса и особенно беднейших слоев, что вело к их обнищанию.

Иноземцы. Эту группу населения составляли в основном греки — выходцы с Южного берега Понта (Гераклеи Понтийской [308, № 445, 544, 545], Амастрии [308, № 542]), постоянно проживавшие в Херсонесе. Будучи юридически свободными, они не имели политических прав. Но, несмотря на это, их, видимо, привлекали к исполнению некоторых повинностей. Известны факты, когда иноземцы делали пожертвования на строительство храмов [308, № 445], а это значит, что среди них были люди зажиточные. Об этом свидетельствуют мраморные саркофаги, в которых их погребали, и надгробные стелы. Судя по этим памятникам, иноземцы проживали в Херсонесе с семьями, и после их смерти наследники заботились о достойном погребении. Богатство этих иноземцев, а также их происхождение из городов Южного берега Понта, с которыми Херсонес в то время поддерживал весьма оживленные торговые отношения [106, с. 132 сл.], позволяют предполагать, что в большинстве своем они были купцами.

Кроме иноземцев греческого происхождения в Херсонесе на правах ксенов проживали и другие этнические элементы. В частности, нам известны факты присутствия в городе наследников и членов семей римских солдат [308, № 547, 553] ветеранов [308, № 484] — выходцев из придунайских и, возможно, других провинций. По-видимому, на правах ксенов жили в Херсонесе и представители туземного населения Северного Причерноморья. Их присутствие прослеживается по данным некрополя, где выявлен сарматский элемент. На правах иноземцев проживали также отдельные представители тавров. Указанием этому служит надгробие с надписью ΓΥΝΗ ΤΑΥΡΙΚΗ, датированное первыми веками нашей эры [308, № 528]. Несмотря на дорогой мраморный памятник с рельефным изображением, судя по эпитафии с указанием этника, погребенная не принадлежала к числу граждан.

Рабы. О существовании рабства в Херсонесе свидетельствуют немногочисленные, но достаточно убедительные данные: эпигра-

фики и археологии. К ним относятся три фрагмента рельефного надгробия конца II—III вв. н. э. с изображением сцены загробной трапезы, изданные сначала В. В. Латышевым [308, № 459, 518], а позднее М. А. Шангиным [254, № 5], который объединил в своей публикации все три фрагмента. Это позволило восстановить следующий текст: ...Ἡλ(ρ)ις Διονυσίου ζήσας ἔτη [...] ἡ σύνβιός μου | Μάτα ζήσασα ἔτη [... Ἄλ κίν]ους |... ζήσας ἔτη ✕ ... Αὐ [ρηλία...] |... ἡδίκη(?) Σα[τύρου(?)]. Не останавливаясь на некоторых сомнительных реконструкциях текста, обратим внимание на следующее место в надписи: ...ἡ σύνβιός μου Μάτα ξήσασα ἔτη..., которое М. А. Шангин переводил: «... сладчайшая (?) супруга моя Мата, прожившая лет...» Самого пристального внимания требует термин σύνβιος = σύμβιος. Долгое время он считался равнозначным γυνή и переводился как «жена», «супруга», что мы и видим в переводе М. А. Шангина. Но следует учесть, что нередко, особенно в первых веках нашей эры, этот термин употреблялся для обозначения сожителя или сожительницы, т. е. рабов и рабынь, находившихся в брачных отношениях. Некоторые исследователи вообще считают, что термин σύμβιος употреблялся для обозначения рабынь [66, с. 78]. Однако изучение случаев употребления его в эпитафиях показывает, что значение термина не было одинаковым в различных районах античного мира и даже в пределах одного района. Например, в надписях Филиппополя термин σύμβιος употребляли представители высших слоев местного общества по отношению к своим женам (IGBR, III, 1, № 992, 995, 997), но встречается он и как обозначение сожительницы (IGBR, III, 1, № 1018). Поэтому для определения статуса лиц, обозначенных этим термином, следует привлекать и другие данные. Вывод о принадлежности к рабам справедлив в тех случаях, когда отсутствует патронимикон, при наличии туземного имени и т. п.

Возвращаясь к надписи, нужно сказать, что в данном случае ΣΥΝΒΙΟΣ ΜΟΥ ΜΑΤΑ следует понимать в значении «сожительница моя Мата», поскольку в херсонесских надписях, когда речь идет о жене или супруге, употреблялся термин γυνή [308, № 453, 455, 517]. О том, что Мата была рабыней, указывают отсутствие патронимикона и ее имя, которое Л. Згуста относит к числу туземных малоазийских [345, с. 277].

Термин σύμβιος упоминается еще в одном херсонесском памятнике с эпитафией. Это грубое надгробие, датированное 115 г. н. э., с обрамлением, у которого сбита верхняя часть [308, № 543]. В. В. Латышев перевел эпитафию следующим об-

разом: «Хресима амастрианка супругу Аристоннику памяти ради поставила. Живший 30 лет. Года 179, месяца Лоя 3-го». Однако отсутствие у Хресимы и Аристонника патронимиконов позволяет полагать, что это лица рабского статуса, а следовательно, Хресима поставила памятник своему сожителю³³. В эпитафии Аристоннику указано, что Хресима уроженка Амастрии, поэтому, видимо, и Аристонник происходил оттуда, так как и дата на памятнике указана по амастрийской эре.

Есть в Херсонесе и латинская надпись, в которой названы рабы. Она найдена еще в 1900 г. на верхней части известнякового надгробия и несколько раз издавалась, но из-за неверного восстановления М. И. Ростовцевым 4-й строки содержание эпитафии искажалось³⁴. Эпитафия гласит: DIS MA MARINO ET VALERIO FRA VER GEMI ...AL, что позволяет восстановить текст следующим образом: DIS MA (nibus) MARINO ET VALERIO FRA (tribus) VER(nis). GEMI(nus?) (V)AL(erius?). При таком восстановлении вместо «Богам Манам, Марину и Валерию, братьям истинно близнецам ... Валерий(?)» будет: «Богам Манам, Марину и Валерию, братьям-рабам (доморощенным) (поставил) Гемин (?) ... Валерий (?)...», что существенно меняет содержание надписи³⁵.

Что касается других эпиграфических источников, то они не являются (как это считают некоторые авторы) свидетельствами существования рабства в Херсонесе. Например, трудно согласиться с широко распространенным в литературе мнением, что рабом был Дулий, сын Дельфа [228, с. 335; 229, с. 95; 224, с. 137]. Это мнение возникло в результате сопоставления имени Дулий со словом δοῦλος — «раб». Но имя Λοῦλας, Λοῦλης — довольно распространенное среди свободных, и в данном случае сопровождалось патронимиконом, что не дает оснований считать носителя этого имени рабом [35, с. 99].

На использование рабского труда в керамическом производстве Херсонеса эллинистического времени указывал в свое время Б. Н. Граков [68, с. 160; 72, с. 179]. Были рабы среди гончаров и в первых веках нашей эры, но в условиях сравнительно небольших мастерских, какими являлись херсонесские, применение рабского труда не могло быть значительным.

Видимо, в ограниченных масштабах применялся труд рабов и в литейных и медницких мастерских. Основные работы там выполняли, вероятно, мастера—владельцы этих мелких предприятий, а рабы использовались в качестве подручных [106, с. 76].

В значительно больших размерах применялся рабский труд в сельском хозяйстве. На это указывают довольно крупные раз-

33

Такой вывод подтверждает эпитафия амастрийца Элия, сына Элиты, также проживавшего в Херсонесе [308, № 542]. В этой надписи, в отличие от эпитафии Аристоннику, жена названа ΓΥΝΕΚΙΑΣ, а не ΣΥΜΒΙΟΥΣ, поскольку здесь речь идет о муже и жене, а не о сожителях.

34

М. И. Ростовцев восстанавливал в этой строке слова VERGEMI как VER(e)GEMI(nis), что приводило к чтению «братья истинно близнецы» [308, № 564]. Вероятно, он самой надписи не видел, а поэтому vacat и раздвигатель между VER(nis) и GEMI(nus?) остались без внимания. На наш взгляд, лучше восстанавливать GEMI(nus), чем GEMI(nius), поскольку последнее является по-прежнему сомнитель-

но, чтобы подчеркнуть указывались два *potina* в имени одного человека, хотя изредка в солдатской номенклатуре *poten* Valerius употреблялось в качестве *сognopen* [284, с. 87 сл.].

35

Аналогичное толкование надписи дает и Э. И. Соломоник [214, с. 237, № 192].

36

По поводу толкования термина до настоящего времени нет единой точки зрения, хотя большинство исследователей сходится на том, что этим термином обозначали рабов, воспитанных в семье хозяина. А. Камэрон, специально исследовавший этот вопрос на основе надписей Малой Азии, пришел к выводу, что термин применялся к приемным детям, к усыновленным и к рабам. Последние составляли подавляющее большинство [268, с. 27 сл.]. По мнению Е. С. Голубцовой, *φρελτοί*

меры участков земли при типично античных формах хозяйства, а также открытые в некоторых усадьбах эргастулы, где содержали рабов [224, с. 94]. Да и трудно представить, чтобы в условиях рабовладельческого хозяйства в имениях, в значительной мере занятых виноградниками, требовавшими для ухода и переработки продукции значительного количества рабочих рук, не применялся бы труд рабов.

Использовались рабы в качестве домашней прислуги. Об этом свидетельствуют надгробные рельефы II—III вв. н. э. с изображениями рабов и рабынь, прислуживающих своим господам [308, № 457, 459, 460, 528; 213, № 52, 53]. Вероятно, число домашних рабов в каждом доме было невелико, но в целом их насчитывалось немало.

Часть рабов была выращена и воспитана в домах рабовладельцев. На это указывает присутствие в городе *φρελτοί* [308, № 709; 46, с. 109 сл.]. Этим термином обозначали доморожденных рабов, рабов-вскормленников³⁶. На наш взгляд, более правильна точка зрения, согласно которой *φρελτοί* — не просто доморожденные рабы (*vernae*), а рабы, воспитанные из подкидышей (*αλιμνί*) [195, с. 81; 219, с. 297], т. е. из детей свободных граждан, не имевших средств растить своих детей и вынужденных бросать их. Именно такое толкование можно дать этому термину, исходя из ответа Траяна Плинию Младшему [12, X, 66]. Дети свободной бедноты, превращенные в рабов, имели особое правовое положение и нередко, став взрослыми, добивались освобождения с соответствующими правами. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что о них часто упоминается в актах об отпущении рабов на волю, на что в свое время указывал С. А. Жебелев [187, с. 106]. Рассмотренная особенность происхождения имеет важное значение при изучении источников рабства, поскольку указывает на один из них возникший в условиях обнищания широких слоев свободного населения. В Херсонесе, как свидетельствуют эпиграфические источники, это явление возникло во II в. до н. э. и продолжало развиваться в первых веках нашей эры.

На существование в Херсонесе рабынь-гетер указывает наличие в городе публичного дома. Высказавший это мнение В. Д. Блаватский [37, с. 40] опирался на свидетельство широко известного документа 185—186 гг. н. э., содержавшего переписку херсонеситов с римскими властями по поводу проституционной подати [308, № 404]. Однако это не единственный документ такого рода. Известна и другая надпись, из которой можно заключить, что в Херсонесе был публичный дом, а также прости-

гутки-одиночки [308, № 705]. В надписи говорится о существовании в городе откупщиков или арендаторов проституционной подати. Датируется она также II в. н. э. Следовательно, в Херсонесе проживало немало рабынь-гетер.

Были в Херсонесе и храмовые рабы (иеродулы). Об этом свидетельствует рельефное надгробие со стеной загробной трапезы. Надпись на памятнике гласит: «Сотерих богини Девы, проживший 80 лет, и его сожительница Конха, прожившая лет...» В. В. Латышев, издавший этот памятник [308, № 457], датировал его римским временем, а в комментарии указывал, что Сотерих являлся жрецом Девы, но не исключал, что он мог быть и иеродулом. Г. Д. Белов считает Сотериха жрецом [26, с. 120], а В. Ф. Гайдукевич — иеродулом [56, с. 92].

В связи со спорностью вопроса следует подробнее остановиться на надписи. На наш взгляд, Сотерих был иеродулом, а не жрецом. На это указывает формула $\Sigma\Omega\Theta\text{P}\text{I}\text{X}\text{O}\Sigma \Theta\text{E}\text{A}\Sigma \text{P}\text{A}\text{P}\Theta\text{E}\text{N}\text{O}\Upsilon$, где употреблен *genetivus possessivus*, а следовательно, нужно понимать, что Сотерих принадлежал или посвящен богине Деве. В пользу такого вывода свидетельствуют отсутствие у Сотериха патронимикона и указание в эпитафии, что Конха — $\text{H}\Sigma\Upsilon\text{M}\text{B}\text{I}\text{O}\Sigma \text{A}\Upsilon\text{T}\text{O}\Upsilon$, т. е. его сожительница, а не жена. Значит, она тоже была рабыней³⁷.

Итак, в Херсонесе в первых веках нашей эры существовали храмовые рабы, в частности при храме богини Девы, который был, вероятно, самым значительным храмом города, поскольку Дева — наиболее почитаемое божество Херсонеса. На важное значение храма указывает и тот факт, что в его притворе, по постановлению Совета и Народа, выставляли почетные декреты [308, № 344, 353]. По-видимому, жречество именно этого храма устраивало празднество Парфений с соответствующими процессиями [308, № 352]. В подготовке и проведении празднеств могли использоваться иеродулы. Но, находясь при храме, херсонесские иеродулы, очевидно, не были собственностью только храма или его жрецов, а принадлежали государству, поскольку культ Девы носил государственный характер, а сама Дева была высшим эпонимным магистратом. По мнению А. Г. Периханян, специально исследовавшей статус иеродулов, последние находились на положении, близком к положению общинных или государственных рабов [173, с. 53 сл.; 174, с. 116 сл.]. Обычно иеродулия носила наследственный характер. Другим источником иеродулии были дарения рабов храмам частными лицами [222, XI, 14, 16]. Что касается имущественного положения, то, судя по надгробию, выполненному по индивидуальному заказу, иеро-

тои — домашние рабы из числа подкидышей и детей рабынь, выросших в доме хозяина [66, с. 71—92], а А. Б. Ранович считал их «подкидышами, обращенными в рабство» [187, с. 81].

37

Следует при этом отметить, что имя Конха не греческое, а формула эпитафии явно малоазиатская.

дул Сотерих был человеком обеспеченным и, в свою очередь, владел рабами или рабом, о чем свидетельствует соответствующее изображение на его надгробии, которое датируется второй половиной II—III вв. н. э. [102, с. 84].

В Херсонесе имеется также памятник, указывающий на наличие в городе гладиаторов. Это рельеф с их изображением и надписью «Ксанф» [308, № 483; 121, с. 24, рис. 9]. На наш взгляд, это единственный памятник, который принадлежит к числу местных. Попытка А. Н. Щеглова использовать в качестве источников изображения на светильниках для доказательства существования гладиаторских боев в Херсонесе [263] представляется нам несостоятельной, поскольку привлекаемые им светильники — привозные [103, с. 160 сл.]. На социальное положение Ксанфа указывает его имя без патронимикона. Это свидетельствует о том, что он был, по-видимому, рабом, а не должностным лицом, как полагал А. Н. Щеглов [263, с. 105].

Итак, в Херсонесе Таврическом было несколько категорий рабов по происхождению и положению. Они использовались в сельскохозяйственном и ремесленном производствах, в домах местных рабовладельцев, при храмах, а также для зрелищ и увеселений. Следовательно, одни были заняты тяжелым физическим трудом, а другие — обслуживанием и развлечением рабовладельцев. Различным было и имущественное положение рабов. Некоторые из них жили в достатке и даже, в свою очередь, владели рабами. Таким образом, можно говорить о наличии в Херсонесе викарриев, принадлежавших рабам. Однако, как и в других рабовладельческих государствах, рабы Херсонеса не имели гражданских прав, не были юридическими лицами и, если состояли в браке, то не считались мужем и женой, а лишь сожителями, о чем достаточно ярко свидетельствует термин *ὄμιβιος*, употребляемый в надписях Херсонеса в отношении рабов-супругов.

По этнической принадлежности среди херсонесских рабов были греки, представители туземного населения Малой Азии и, вероятно, Крыма, хотя о наличии последних бесспорными фактами мы пока не располагаем.

Вольноотпущенники. Имеется несколько эпитафических памятников, которые прямо указывают на присутствие в Херсонесе вольноотпущенников. Например, на саркофаге Аврелии Тихе, датированном II в. н. э., обнаружена эпитафия на греческом и латинском языках, в которой говорится, что саркофаг и надпись заказали вольноотпущенники вместе с наследниками [308, № 508]. Надпись свидетельствует, что Аврелия Тихе в свое

время отпустила на волю нескольких рабов и теперь, выполняя свои обязательства, они приняли участие в погребении своей бывшей хозяйки. Имя Аврелия Тихе встречается среди римских рабынь и вольноотпущенниц, происходивших из восточных провинций (см. CIL, VI, № 8732; ILS, № 1798, 6373, 7540, 8361). Следовательно, оно позволяет полагать, что и погребенная была отпущенницей, вероятно гречанкой. Наличие императорского попен указывает на то, что она — отпущенница императорской фамилии (см. CIL, X, № 3540; 258 с. 233). В пользу греческого происхождения Аврелии Тихе говорит параллельный текст эпитафии на греческом языке.

Другие свидетельства о вольноотпущенниках — латинская надгробная надпись времен Нерона (в которой упомянуты имена трех отпущенников — Т. Цинция Басилия, Т. Цинция Эпиктета и П. Вадия Фрепта [308, № 562]) и надгробие с сильно пострадавшей латинской эпитафией, поставленное патрону его отпущенником [308, № 571].

Следует также обратить внимание на имена жителей Херсонеса. Наряду с именами, находящимися в тесной связи с получением представителями местной знати римского гражданства (а это обычно императорские *граепотен* и *потен* в сочетании с греческим именем в качестве *согнопен*), имеется группа римских имен другого происхождения. Даже беглый взгляд показывает присутствие среди них таких имен, которые были широко распространены среди римских рабов, в том числе Герман, Гиллар, Марин, Приск, Сабин и другие, которые исследователи обычно относят к числу имен рабов и отпущенников [296, с. 96, сл.; 338, с. 156]. Именно названные имена составляют большинство в этой группе, что является не случайным совпадением, а результатом присутствия в среде херсонеситов лиц соответствующего происхождения. Это заставляет нас детально рассмотреть эпиграфические источники, в которых упоминаются указанные имена, и выяснить все, что касается их носителей.

Прежде всего рассмотрим состав имен лиц, скрепивших свои печати декрет 130/131 г. н. э. о предоставлении проксении Папию, сыну Гераклеона [227, с. 155]. Здесь у одного из архонтов римское имя — Петроний Марин, состоящее из *потен* *Petronius* и *согнопен* *Marinus*. Оба имени стоят в номинативе, следовательно, имя двойное, построенное по римскому образцу. У греков не было в обычае носить двойные имена [126, с. 525, прим. 3]. Наличие родового имени Петроний, а в качестве *согнопен* имени Марин, известного среди рабов [338, с. 156], позволяет предположить, что первое принадлежало патрону, а Марин был

38

Вольноотпущенники, носившие имя Петроний, в конце республиканской эпохи известны в Аквилее, а позднее в Паннонии, Норике и Далмации [123, с. 60 сл.].

39

Например, могущественный вольноотпущенник и фаворит императора Клавдия носил имя Марк Антоний Паллас, а получил он граепотеп и потеп от триумвира Марка Антония [274, с. 210, прим. 14; 276, с. 43].

40

Эти указания рано вышли из употребления в Риме и Италии, но в провинциях продолжали существовать. Известны они и в Херсонесе, причем в более позднее время [308, № 417].

41

Наличие одинакового и очень редкого для Херсонеса патронимикона позволяет полагать, что это братья.

римским отпущенником, вернее, его потомком, получившим гражданские права в Херсонесе и со временем ставшим архонтом³⁸. Среди лиц, приложивших печать, во втором ряду того же декрета указан Луций Антоний Руф. В этом полном римском имени обращает на себя внимание известное родовое имя Антоний, принадлежавшее плебейскому роду, из которого вышли многие римские политические деятели. Но носили они это имя обычно без *согнопен* (Suet. Jul., 36; Aug., 9, 14, 15). Что касается имени Руф, то это одно из личных рабских имен [296, с. 96]. При отпуске раба на волю его личное имя присоединялось к *граепотеп* и *потеп* хозяина в качестве *согнопен*. Составленное таким образом имя превращалось в имя вольноотпущенника³⁹. Следовательно, у нас есть основания видеть в херсонесите Луции Антонии Руфе римского отпущенника. В пользу этого свидетельствует и факт отсутствия указания на филиацию, которое обычно является безошибочным свидетельством принадлежности к свободнорожденным [303, с. 521]⁴⁰

Весьма примечательны среди имен лиц, скрепивших своими печатями этот декрет, два имени — Луций, сын Гилара, и Понтик, сын Гилара⁴¹. Последний упоминался в декрете 129/130 г.н.э. Он занимал тогда должность номофилака [308, № 359]. Имена обоих должностных лиц — римские, но по своей структуре (имя с патронимиконом) — греческие, и, вероятно, их носили херсонеситы греческого происхождения. Но следует отметить, что указанные имена (особенно Гилар) принадлежали к числу имен, распространенных среди римских рабов [296, с. 98; сл.; 333, с. 275] и отпущенников (ILS, № 1491, 1822, 1984, 2823, 5084 и др.). Типично рабские имена и наличие общего патронимикона позволяют полагать, что оба названных лица происходили из семьи римского отпущенника.

Свидетельства о присутствии римских отпущенников в городе имеются и в других эпиграфических источниках. Например, один из херсонесских послов носил имя Валерий Герман [308, № 404], которое является несомненно римским и построено по римскому образцу, так как оба элемента стоят в номинативе. Оно состоит из *потеп* Валерий и *согнопен* Герман. Весьма показательно имя Герман, которое было распространено среди римских рабов, иногда означая этникон. Однако по большей части оно образовывалось от латинского прилагательного [296, с. 98]. Видимо, и в данном случае перед нами римский отпущенник или его сын.

В надписи, которая датируется примерно серединой II в. н. э., упоминается Эмилиан Сабин [214, № 111]. Это имя обра-

зовано из двух римских *cognomina*, но построено по греческому образцу: имя и патронимикон. Имена, подобные *Aemilianus*, с суффиксом *-ianus*⁴², иногда носили усыновленные [244, с. 83], но чаще всего рабы и отпущенники [31, с. 32; 340, с. 312]. У усыновленных свободнорожденных родовое имя с этим суффиксом превращалось во второй *cognomen*, а у рабов и отпущенников имя производилось от родового имени хозяина. Трудно предположить, что носитель имени, упомянутый в херсонесской надписи, принадлежал к старинному патрицианскому роду Эмилиев. Более вероятно, что он происходил из семьи римского отпущенника. В пользу этого вывода говорит и патронимикон, указывающий на то, что отец Эмилиана Сабина был вольноотпущенником, так как имя Сабин, известное среди свободнорожденных в качестве *cognomen* (*Suet. Vit.*, 15, 2, 3; *Vesp.*, 1, 3; *Tac. Ann.*, II, 46, 55), в среде рабов и отпущенников употреблялось как личное имя (*ILS*, №1778, 5159; 296, с. 99), что мы и видим в данном случае. На греческое происхождение Эмилиана, сына Сабина, указывает греческая структура имени.

Аналогичного происхождения был, вероятно, Юлиан, сын Аквилы, херсонесский архонт, упоминаемый среди лиц, скрепивших своими печатями декрет 30—60 гг. II в. н. э. [214, № 122]. Как и в предыдущем случае, имя по структуре греческое, но оба элемента — римские. Имя Юлиан имеет суффикс *-ianus* и происходит от родового имени Юлиев. Здесь оно употреблено как личное, что позволяет говорить о его принадлежности представителю семьи вольноотпущенников. Это подтверждает и патронимикон Аквила, который был личным именем, тогда как у свободнорожденных Аквила обычно *cognomen* [235, II, 44; III, 7; XII, 15, 21]. Можно отметить, что в качестве *cognomen* оно также стало распространенным именем. Его носили многие солдаты и ветераны, служившие в Дакии (*CIL*, III, № 1629), Нижней и Верхней Мезии (*CIL*, III, № 6178, 8110, 14409), принадлежавшие к числу уроженцев этих областей. Следовательно, имя Аквила превратилось в одно из так называемых шаблонных имен, которое носили провинциалы и отпущенники.

Вероятно, сыном императорского отпущенника являлся Аврелий Дионисий, пожертвовавший 300 денариев на колонну [308, № 443]. Его отец носил имя Приск. Обычно в римской среде это *cognomen* [254, III, 49—51; XIII, 28; XV, 71; XVI, 28, 29, 33, 35], а в качестве личного — одно из распространенных имен рабов, причем доморожденных и родившихся в городах [296, с. 99]. Имя Приск известно и среди отпущенников (*ILS*, № 1549, 1581, 7248, 7855, 7584, 8379). Отец Дионисия носил

42

В латинском языке с помощью суффикса *-ianus* образовались прилагательные, означающие собственность.

его в качестве личного. Это позволяет полагать, что он был отпущенником, причем (судя по наличию попен) императорской фамилии Аврелиев, а его сын Дионисий считался уже свободно-рожденным.

Представляет интерес имя первого архонта 185/186 г. н. э. — М. Авр. Василидиан Александр [308, № 404], в котором третий элемент — греческий, но имеет суффикс *-ιανος* (*-ianus*) подобно римским именам, о которых говорилось выше. В данном случае имя ΒΑΣΙΛΕΙΔΙΑΝΟΣ образовано от ΒΑΣΙΛΕΙΔΗΣ и могло принадлежать усыновленному Василидом Александру, который унаследовал от приемного отца, обладавшего правами римского гражданства, императорские *граепопен* и *попен*. Однако тогда следует признать, что в греческих семьях Херсонеса практиковались типично римские обычаи, связанные с усыновлением, а это мало вероятно, так как процесс романизации не был здесь настолько глубоким. Поэтому возможно и другое объяснение, а именно: Александр принадлежал к семье императорского отпущенника, у которого до императорской фамилии хозяином был некто Вацилид [207, с. 98, прим. 1, к № 8504].

Итак, эпиграфические источники указывают на присутствие и время появления римских отпущенников в Херсонесе, проливают некоторый свет на их имущественное положение и политическую роль. На основе свидетельств можно сделать вывод о том, что римские отпущенники появились в городе во второй половине I в. н. э. Затраты на изготовление надгробий и саркофагов для своих патронов позволяют считать их людьми достаточно состоятельными. Однако первоначально они не принимали участия в политической жизни города. Во II в. н. э. положение римских отпущенников, особенно выходцев из этих семей, имевших статус свободнорожденных, значительно изменилось. Мы имеем свидетельства того, что с конца 20-х гг. и на протяжении всего II в. н. э. часть отпущенников и особенно их потомки, наряду с местными богачами и знатью, входили в состав господствующей верхушки Херсонеса, получив доступ к магистратурам (в том числе к высшим) и в совет. В основном это лица греческого происхождения и наиболее вероятно — выходцы из малоазийских городов, с которыми Херсонес поддерживал тесные экономические отношения.

Может возникнуть вопрос, чем объясняется столь интенсивный процесс социальной мобильности римских отпущенников, которые достигали положения представителей господствующей верхушки Херсонеса. Объяснение этому явлению, на наш взгляд, следует искать в социальной политике Рима по отношению к гре-

ческим городам, находившимся в восточных провинциях империи. Это политика всяческой поддержки богатых слоев населения, наделения их правами римского гражданства, открытия перед ними путей к карьере в органах местного управления. Слой общества, о которых идет речь, особенно римские граждане (а в их число входили богатые отпущенники) составляли социальную опору Рима в греческих городах, были проводниками его политики.

Значительно сложнее выявить отпущенников с греческими именами. Однако положение далеко не безвыходное, особенно, если учесть наблюдения известного русского эпитафиста А. В. Никитского. Изучая дельфийские надписи, он обратил внимание на ряд признаков, характерных для имен отпущенников [162, с. XXIX сл.]. Особого внимания заслуживают: характер имен, так как имена-клички присваивались преимущественно рабам; наличие имен, в которых патронимикон повторял собственное имя, — явление, которое, по мнению А. В. Никитского, наблюдалось с увеличением числа вольноотпущенников среди свободного населения; присутствие некоторых теофорных имен, которых избегали свободнорожденные, поскольку они присваивались иеродулам. Если подойти к изучению имен херсонеситов с учетом этих признаков, то, на наш взгляд, можно с большей или меньшей долей вероятности выделить имена, принадлежавшие отпущенникам и их потомкам.

Обращает на себя внимание группа имен, в которых патронимикон повторял собственное имя херсонесита, иными словами, когда сыну присваивалось имя отца. Такой способ присвоения имен не типичен для греков, поскольку по греческим обычаям сыну давалось имя деда. Только в тех случаях, когда присваивалось составное имя (двухосновное), оно могло повторять одну из составных частей имени отца [16, с. 80]. У римлян же специальным постановлением сената 230 г. до н. э. ргаепоптеп отца, как правило, переходил к сыну [244, с. 73]. Изучение наиболее ранних имен херсонеситов, которые можно отнести к IV—III вв. до н. э. показывает, что в то время среди них не было лиц, носивших имена отцов. Например, среди имен на надгробиях, извлеченных из так называемой башни Зенона, которые по палеографическим особенностям датируются IV—III вв. до н. э. [84, с. 136 сл.], повторения патронимиконов не наблюдались. Нет таких имен и на надгробиях того времени, изданных В. В. Латышевым [308], Э. И. Соломоник [214—216], а также среди керамических клейм [45], где часто приводилось имя с патронимиконом. Исключение составляет надпись III в.

минается в надписи второй половины IV в. до н. э. [160, № 5].

сын Дада [308, № 91; 160, № 88]. Следовательно, имена, повторявшие патронимикон, — характерное явление для Ольвии первых веков нашей эры. Лица, их носившие, занимали должности архонтов, стратегов, однако, как и херсонеситы с соответствующими именами, они не имели предков в Ольвии. Это и заставило составителей почетного декрета, посвященного одному из названных лиц — Каллисфену, сыну Каллисфена, — указать, что он — «муж, происходящий от предков славных, известных Августам, основавших наш город ...» [308, № 42], т. е. сочинить легенду о несуществовавших славных предках.

Обращает на себя внимание то, что среди ольвийских имен присутствуют теофорные (Дельф, Феофил, Менофил), а также имена римского происхождения (Луций), причем некоторые из них находят себе аналогии в городах Боспора и в других центрах. Например, Дад, сын Дада, известен во II в. н. э. в Танаисе [126, № 1260], Феофил, сын Феофила — в Пантикапее в I в. н. э. [126, № 429]. В последнем встречены в конце I—II вв. н. э. также Папий, сын Папия, и Трифон, сын Трифона [126, № 629, 79 A]. Феофил, сын Феофила, известен в Магнезии, а Агафокл, сын Агафокла, — в Аттике [334, с. 3]. Это, видимо, не случайность, а отражение того, что подобные имена носили лица определенного происхождения.

Приведенные данные, на наш взгляд, позволяют считать, что повторявшие патронимиконы имена, которые появились в Херсонесе и других городах Северного Причерноморья во II—I вв. до н. э. и распространились в первых веках нашей эры, в основном принадлежали вольноотпущенникам и их потомкам. Образовывались они, по-видимому, двумя способами. Если имя принадлежало вольноотпущеннику, то он превращал его в патронимикон, повторяя в генетиве⁴⁵. Сыновьям же, ввиду отсутствия свободнорожденных дедов, вольноотпущенники присваивали свои имена.

Только в исключительных случаях такие имена носили свободнорожденные, которые, однако, иногда к патронимикону добавляли имя деда, видимо, для того чтобы показать свое происхождение. Примерами могут служить имена из Херсонеса, Гераклеи, городов Боспора. В херсонесском декрете в честь Диа... гераклеота упоминается первый архонт Т. Флавий Аристон, сын Флавия Аристона. К этому имени, повторяющему патронимикон, прибавлено имя деда — Агеполис, вероятно, для того чтобы показать происхождение из семьи свободнорожденного. Полностью его имя выглядит следующим образом:
Т. ФΛΑΟΥΙΟΣ ΑΡΙΣΤΩΝ ΥΙΟΣ ΦΛΑΟΥΙΟΥ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ

45

Особенно наглядно об этом свидетельствуют имена тех лиц, которые к новым именам присоединяли свои прежние туземные. Например, один ольвинополит носил имя ΝΕΙΚΗΡΑΤΟΣ ΝΕΙΚΗΡΑΤΟΥ Ο ΚΑΙ ΥΜΦΑΛΑΚΟΣ [308, № 227], которое

ΤΟΥ ΑΓΕΠΟΛΕΩΣ. На статус свободнорожденного указывает также употребление слова ΥΙΟΣ, как было принято у римлян⁴⁶. Справедливость такого вывода подтверждает имя брата первого архонта Агеполиса, носившего обычное для греков имя, к которому имя деда не присоединено [308, № 359]. О том, что такое употребление имен в данном декрете не было случайностью, показывает декрет следующего года (130/131 г. н. э.) в честь Папия, где также приведены имена Аристана и его брата Агеполиса со всеми теми же элементами, иными словами, имя Аристана сопровождалось, кроме патронимикона, именем деда, а имя его брата Агеполиса имело только патронимикон [227, с. 155].

Имя деда входило в состав имени Фрасимеда, сына Фрасимеда, прирожденного гражданина Гераклен. Последнее специально подчеркивалось в проксении, дарованной ему херсонеситами во II в. н. э. [308, № 357]. Именем деда сопровождалась имена, повторявшие патронимиконы, у ряда граждан боспорских городов. Особый интерес в этом смысле представляет надпись второй половины II — начала III вв. н. э., найденная в районе Горгииппии [126, № 1179]. Здесь упомянуты несколько лиц с именами, повторявшими патронимиконы, но у одних (ΛΥΣΙΜΑΧΟΣ Δ ΥΣΙΜΑΧΟΥ) они без имени деда, а у других (ΠΟΘΕΙΝΟΣ ΠΟΘΕΙΝΟΥ ΓΝΑΦΙΣΚΟΥ, ΦΑΡΝΑΚΗΣ Β' ΕΡΩΤΟΣ) сопровождалась таковым. Последнее наблюдалось даже у тех лиц, имена которых не повторяли патронимикон, но были довольно прозрачными по происхождению, поскольку представляли собой типично рабские имена: Филодеспот, Эрот и т. п. Свидетельства указанной надписи наглядно показывают, что добавление имени деда вытекало из стремления подчеркнуть свое происхождение от граждан или же скрыть свое подлинное происхождение, что делалось лицами, достигшими определенного положения в рабовладельческом обществе, но происходившими из числа рабов и вольноотпущенников.

Итак, на наш взгляд, имена, повторявшие патронимиконы, за небольшим исключением принадлежали вольноотпущенникам и их потомкам, которые благодаря своему богатству заняли видное общественное положение. Как показывают приведенные примеры, это явление было характерным не только для Херсонеса Таврического, но и для других государств Северного Причерноморья и особый размах приобрело в первых веках нашей эры. В пользу такого вывода свидетельствуют: присутствие среди указанных имен таких, которые хорошо известны в рабской среде; наличие большого числа теофорных имен, также имевших распространение среди рабов и вольноотпущенников;

показывает, что патронимикон создан искусственно, поскольку отец Имсила не мог носить греческое имя Никерат. Таким же образом возникло имя танаита ΗΡΑΚΛΕΙΔΗΣ ΗΡΑΚΛΕΙΔΟΥ Ο ΚΑΙ ΑΥΝΑΜΟΣ [126, № 1882].

46

Это, видимо, делало понятным происхождение Аристана и для греков, и для римских властей.

сравнительно недавнее появление и редкость этих имен в ономастических названных центрах; появление обычая указывать имя деда в связи с увеличением количества имен, повторявших патронимикон, а следовательно, с увеличением численности отпущенников и их потомков в составе населения.

Социальная борьба. Несмотря на скудость свидетельств источников, которыми мы располагаем, можно заключить, что Херсонес в первых веках нашей эры несомненно переживал социальный кризис. Он проявился, с одной стороны, в углублении имущественной дифференциации, в появлении людей, располагавших большими средствами, а с другой — в ослаблении государства, в хронической нехватке средств в государственной казне, а также в росте числа неимущих граждан. Наконец, кризис проявлялся в социально-политических конфликтах. Обо всех этих явлениях недвусмысленно говорят эпиграфические и археологические источники того времени. Но особенно ярко об этом свидетельствуют два почетных декрета. Один из них, времен Августа [308, № 355], найден еще в конце XIX в., а другой, датируемый II в. н. э. обнаружен нами при раскопках в портовом районе в 1968 г. [107, с. 287; 76, с. 128 сл.].

В первом документе, который сохранился полнее, говорится о нехватке хлеба (стк. 24), о тяжелом финансовом положении города (стк. 23), о волнениях среди городской бедноты, которая выступила в поддержку «тиранов», делавших попытки свержения существующего строя (сткк. 14, 15, 19, 31, 40). Хотя в декрете говорится о том, что «тираны» выступали против «демократии» и «свободы», а им противостоял «народ», совершенно очевидно, что в действительности речь идет о борьбе неимущих против рабовладельческой верхушки, установившей в Херсонесе олигархический строй и эксплуатировавшей не только рабов, но и своих сограждан-бедняков. Это и вызвало волнения среди последних и заставило поддержать «тиранов», которые, преследуя свои цели, вероятно, выступали с демагогическими лозунгами об улучшении положения народных масс.

Во втором документе (от него частично сохранилось 12 строк) также говорится о финансовых затруднениях города, который не мог выплатить жалования солдатам, видимо наемникам, упоминается о восстановлении «демократии» чествуемым гражданином, происходившим из «отменных мужей» (стк. 11 сл.) Последнее может указывать на то, что во II в. н. э. в Херсонесе был совершен государственный переворот, направленный против установившегося олигархического строя. Это очень важный факт; свидетельствующий об остроте социально-политической борьбы

в городе, которая проходила с переменным успехом, но в конечном итоге завершилась победой олигархии. Такой вывод напрашивается в связи с тем, что под восстановлением «демократии» (о чем говорится далее в декрете), очевидно, следует понимать реставрацию существовавшего строя, который по существу уже не был демократией. Хотя выборность и некоторые демократические институты сохранились, фактическая власть принадлежала олигархической верхушке, одним из представителей которой и был «отмененный гражданин», удостоенный почетного декрета.

Итак, структура общества и социальные отношения в Херсонесе во многом напоминали соответствующий строй Римской империи, где, говоря словами Ф. Энгельса, «... население все больше и больше разделялось на три класса, состоявшихся из самых разнообразных элементов и национальностей: богачи, среди которых было *немало вольноотпущенных рабов* (см. Петроний), крупных земледельцев, ростовщиков, или то и другое вместе, вроде... Сенеки; *неимущие свободные* — в Риме их кормило и увеселяло государство, в провинциях же им предоставлялось самим заботиться о себе; наконец, огромная масса рабов» (курсив наш.— В. К.) [1, с. 310]. Это было не только проявлением политики и влияния Римской империи, но и отражением общих закономерностей в развитии античного рабовладельческого общества.

З

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ХЕРСОНЕСА

Вскоре после своего основания Херсонес Таврический представлял собой рабовладельческое государство, граждане которого являлись владельцами клеров, т. е. земельных наделов, распределенных по жребию. Об этом говорит херсонесский декрет III в. до н. э. в честь Агасикла, размежевавшего земельные участки [308, № 418]. Следовательно, в Херсонесе, как и в других дорийских государствах, первоначально существовала «община равных», которой соответствовал определенный государственный строй в виде рабовладельческого демократического полиса. Задачей этого государства было поддержание относительного равенства среди граждан, создание крепкой армии (ополчения граждан для защиты и расширения земельных владений, удержания в повиновении рабов), а также административного аппарата, который способствовал бы соблюдению внутреннего порядка и разрешал споры среди граждан, стоял на страже их интересов и собственности. Высшим законодательным органом было собрание граждан — Народное собрание. Большую роль играл совет, в состав которого избирались полноправные граждане из числа бывших магистратов и по положению входили высшие магистраты. Исполнительными органами являлись коллегии архонтов, стратегов, номофилаков, дамиургов, симмномов, агораномов, астиномов. Существовал гражданский суд. Делами культа ведал царь-эпоним, его именем датировались документы. Наряду с государственной казной в Херсонесе имелась священная казна, которой заведовали специальные казначеи. В условиях рабовладельческого демократического строя, большинство институтов которого было заимствовано из метрополии, юридически все полноправные граждане имели доступ к должностям. Свидетельством существования в Херсонесе такого государственного строя является «Херсонесская присяга» и другие документы того времени [308, № 342, 343, 401, 418 и др.].

В результате социально-экономического развития, несмотря на меры со стороны государства, начался процесс неуклонного имущественного расслоения, свидетельствами которого являются надпись о продаже земель [308, № 403; 35, с. 29 сл.], указы-

вающая на появление в частной собственности крупных и мелких участков земли, присутствие богатых погребений в некрополе [127, с. 10 сл.], ранее здесь неизвестных, и другие факты⁴⁷. В условиях прогрессирующей имущественной дифференциации рабовладельческая демократическая республика перестала отвечать интересам не только разорвавшихся землевладельцев, бедноты, но и разбогатевших херсонеситов, которых больше устраивал олигархический строй. Изменения государственного строя требовала тяжелая и затяжная борьба со скифами, которые во II—I вв. до н. э. систематически угрожали Херсонесу и его владениям в Западном Крыму [308, № 352]. Определенную роль в преобразованиях сыграли также утрата Херсонесом автономии после походов Диофанта и размещение в городе митридатского гарнизона, что сопровождалось экономическими затруднениями.

Все перечисленные факторы привели к тому, что политическая перестройка в виде демократического государства перестала соответствовать новым отношениям и была заменена аристократической республикой. Начало преобразований в государственном строе Херсонеса относится, вероятно, ко времени появления митридатского гарнизона. Тогда была упразднена коллегия стратегов, поскольку херсонесское ополчение стало вспомогательным отрядом. К этому же времени относится возникновение затруднений с кандидатами на должность царя-эпонима, что привело к практике замещения ее богиней Девой, сначала эпизодически, а впоследствии систематически. Это свидетельствует о номинальности названной должности, игравшей в свое время важную роль. Процесс антидемократических преобразований продолжался и позднее, очевидно, под давлением римских властей, заинтересованных в создании государственного аппарата, послушного воле Рима. Последнее обстоятельство не всегда принималось во внимание авторами, изучавшими государственный строй Херсонеса первых веков нашей эры [26, с. 104 сл.; 56, с. 92; 163, с. 102 сл.; 214, с. 43]. Но без учета роли Рима нельзя объяснить изменения, происшедшие в государственном строе Херсонеса, факты замещения высших магистратур римскими гражданами из числа местных жителей и римских отпущенников, тенденцию сокращения числа магистратур, их унификацию, сосредоточение власти в руках первого архонта, т. е. все те перемены, которые характерны не только для Херсонеса, но и для многих греческих государств Малой Азии в эпоху римского владычества [310, с. 643].

В результате преобразований, начавшихся в I в. до н. э.,

47

Например, в Херсонесе появились настолько богатые граждане, что они на свои средства строили рынки, термы, оборонительные стены и т. в.

в первых веках нашей эры Херсонесское государство превратилось из демократической республики в аристократическую. В. И. Ленин, говоря о классовой сущности таких изменений в рабовладельческом государстве, указывал: «В аристократической республике небольшое число привилегированных принимало участие в выборах, в демократической — участвовали все, но опять-таки все рабовладельцы, все кроме рабов» [2, с. 75]. Установление аристократической республики сузило социальную базу государства, вызвало недовольство не только в среде эксплуатируемого населения, но и среди граждан. Об этом свидетельствуют вспышки социально-политической борьбы, о которых говорилось в предыдущей главе.

Все органы государственного управления Херсонеса изучаемого периода можно подразделить на законодательные и исполнительные. К первым относились Народное собрание и совет, ко вторым — коллегии архонтов, номофилаков, дамидурги, продики, агораномы и др.

Народное собрание. Носителем верховной власти и высшим законодательным органом номинально продолжало оставаться Народное собрание, от имени которого издавались декреты, даровались права гражданства, проксении, награждались херсонесские граждане и иноземцы за услуги, оказанные государству [308, № 357—360, 362, 364 и др.]. Но фактически Народное собрание утратило свое первоначальное значение, о чем свидетельствует факт появления узкого круга лиц, скреплявших своими печатями декреты, издававшиеся от имени Народного собрания. К этим лицам относились высшие магистраты и члены совета, роль которых возросла, поскольку именно они санкционировали вступление в силу декретов Народного собрания, чего ранее не требовалось.

Совет. В изучаемый период не только повысилось значение совета, но и произошли изменения в его составе. Об этом свидетельствует тот факт, что в херсонесских надписях того времени исчезли прежние упоминания об айсимнетах. В советах Мегары и ее колоний они исполняли функции, близкие к обязанностям пританов [17, с. 57; 144, с. 69; 314, с. 540; 297, с. 147; 312, с. 834], в отличие от ионийских городов, где айсимнеты встречались в одном лице, иногда в качестве эпонимов [309, с. 35].⁴⁸ Подобно пританам, являясь дежурной частью совета, они были представителями определенных фил и исполняли свои обязанности в течение соответствующего срока⁴⁹.

Последнее упоминание об айсимнетах содержится в декрете в честь Диофанта и относится к концу II в. до н. э. [308, № 352].

Это позволяет сделать вывод о том, что совет был реформирован, и в изучаемый период айсимнеты в него уже не входили. Что представляли собой реформированный совет и его состав? На наш взгляд, ответ на вопрос можно найти при сравнении двух эпиграфических документов — декрета в честь Диа... гераклеота [308, № 359] и декрета в честь Папия, сына Гераклеона [227, с. 154 сл.]. Свидетельства этих источников имеют очень важное значение для определения состава совета, так как в первом приведен список лиц, скрепивших своими печатями декрет 129/130 г. н. э., а во втором — аналогичный список 130/131 г. н. э. Можно согласиться с автором публикации второго декрета Е. Г. Суоровым в том, что докуметы скрепляли своими печатями члены Совета [227, с. 156]. В пользу этого свидетельствуют формула декрета, в которой говорится: «Так постановил Совет и Народ», и присутствие в списке секретаря совета, в обязанности которого входило удостоверение официальных документов совета. Однако, на наш взгляд, Е. Г. Суоров неправ, утверждая, что в состав совета избиралось 23 человека [227, с. 156].

Изучение списков лиц, скрепивших своими печатями декреты, показывает, что в них представлены высшие магистраты — архонты во главе с первым архонтом, а также номофилаки, продик и лица без указания магистратуры⁵⁰. Присутствие в списках должностных лиц — носителей исполнительной власти — указывает на то, что магистраты скрепляли декреты своими печатями вместе с членами совета. Это — свидетельство того, что они присутствовали на заседаниях совета в силу своего положения. Кроме высших магистратов в лице архонтов здесь постоянно присутствовали номофилаки и продик, что, по-видимому, должно было указывать на законность декретов, так как последние составлены в соответствии с законами Херсонесского государства, что и удостоверяли печати номофилаков (хранителей законов) и продика.

Из 23 человек, которые скрепляли своими печатями декреты, 12 названы без указания занимаемых должностей. На наш взгляд, эта цифра не случайна. Будучи кратной числу три, она, видимо, имела связь с числом фил в Херсонесе. Если признать, что в Херсонесе было три филы, то можно предположить, что именно эти 12 лиц являлись представителями фил в совете — по четыре от каждой. Еще одним членом совета был указанный в списке секретарь, который вел дела и составлял официальные документы. Эти 13 человек, на наш взгляд, были выборными членами совета в первых веках нашей эры. Остальные входили в его состав благодаря своему положению.

49

Сопоставляя херсонесские свидетельства с одной халкедонской надписью, В. В. Латышев пришел к выводу о пребывании айсимнетов в должности в течение месяца [147, с. 51].

50

Последних В. В. Латышев рассматривал как «именитых граждан, быть может, бывших магистратов...» [146, с. 327].

Секретарь Совета занимал должность в течение года, после чего избирался новый. Это можно установить при сравнении декретов в честь Диа... гераклеота (129/130 г.) и в честь Папия, сына Гераклеона (130/131 г.) Первый декрет упоминает секретаря совета Аристона, сына Аттины, а второй — Героида, сына Зета. Таким образом, налицо ежегодная смена секретарей совета. Некоторые члены совета находились в его составе в течение двух лет, что можно видеть при рассмотрении списков лиц, приложивших свою печать. В названных декретах, в этих списках присутствуют одни и те же лица: Зет, сын Аристона, Афе-ней, сын Диогена, Гермокл, сын Аполлония, Филомуз, сын Аполлонида, Аристон, сын Антилоха, Зет, сын Пифодота. Обращает на себя внимание количество присутствовавших в списках в течение двух лет. Их шесть человек, т. е. половина выборных членов совета. Из этого можно сделать вывод о том, что в последнем соблюдалась определенная преемственность при смене состава, так как ежегодно, после двухлетнего пребывания в совете, из 12 его членов шесть выбывали, а шесть оставались. Следовательно, выборный состав херсонесского совета ежегодно обновлялся наполовину.

В совет избирались бывшие магистраты. На это указывает тот факт, что первый архонт 129/130 г. н. э. Т. Флавий Аристон, сын Флавия Аристона, и протектор Метродор, сын Диоскурида, в следующем, 130/131 г. стали членами совета. И наоборот, бывшие члены совета вновь становились магистратами. Например, Т. Флавий Агеполис, сын Флавия Аристона, член совета 129/130 г., в следующем году стал первым архонтом; члены совета 129/130 г. Демократ, сын Боиска, Понтик, сын Гилара, в следующем, 130/131 г. стали соответственно архонтом и номофилаком [308, № 358; 227, с. 155 сл.].

По-видимому, из своей среды члены совета избирали проедров, которые поочередно председательствовали на заседаниях совета и Народного собрания⁶¹.

Наличие в составе совета 12 выборных членов позволяет предположить, что свои обязанности проедры исполняли в течение месяца. К ним перешли права законодательной инициативы, прежде принадлежавшие номофилакам. Все декреты первых веков нашей эры обычно начинаются словами: «Проедры херсонеситов... предложили» [308, № 357, 359, 362, 364 и др.]. Передача функций номофилаков совету — дополнительное свидетельство усиления его роли в изучаемый период.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что, несмотря на сохранение выборности, в совет и на высшие должности попа-

61

В настоящее время среди исследователей нет единого мнения о функциях херсонесских проедров. Одни считают, что проедры были председателями совета [26, с. 136], а другие видят

дали по сути одни и те же лица, нередко связанные между собой родственными узами. Следовательно, в первых веках нашей эры в Херсонесе не только сузился состав Совета, но что указывает исчезновение айсиметов, но и появилась тенденция сосредоточения законодательных и исполнительных функций в руках одних и тех же лиц, переходивших из Совета в магистраты и из магистратов в совет⁵².

К вопросу о «царствовании» богини Девы. В период независимости Херсонеса высшим эпонимным магистратом являлся царь. Эта должность была, очевидно, заимствована из метрополии, поскольку она хорошо известна в Гераклее Понтийской [297, с. 152 сл.], Мегаре и Калхедоне [125; с. 62 сл.; 147, с. 56], а также в Каллатии [303, с. 155; 83, с. 197; 85, с. 96]. В свое время, как свидетельствует титул, это была высшая должность. Однако херсонесские цари-эпонимы уже не обладали высшей властью, как, впрочем, «цари», «монархи» и другие высшие эпонимные магистраты того времени в греческих государствах [311, с. 58]. Они выполняли только религиозные функции, их именем обозначался год, датировались документы, а также, вероятно, и монеты [172, с. 113 сл.]. Религиозные функции херсонесских царей, видимо, очень тесно были связаны с культом Девы, поскольку некоторые из царей-эпонимов одновременно со своими обязанностями исполняли жрецами Девы [308, № 414, 415] или становились жрецами Девы позднее, по истечении полномочий царя-эпонима [308, № 410].

В настоящее время известны восемь надписей с упоминанием царей-эпонимов [308, № 352—354, 402, 403 В, 410, 414, 415]. Датируются они с IV в. до н. э. и до последнего десятилетия II в. до н. э. К более позднему времени (17—14 гг. до н. э.) относится лишь одна надпись [308, № 354]. Однако из-за плохой сохранности возникают затруднения в определении высшей эпонимной магистратуры. Сохранилась только часть слова ΒΑΣΙΛΕΥ..., поэтому В. В. Латышев в своем комментарии совершенно справедливо указывал, что могут быть два варианта ее прочтения: ΒΑΣΙΛΕΥ(ΟΝΤΟΣ ΤΟΥ ΔΕΙΝΟΣ) — как в ранних надписях, т. е. имея в виду царя-эпонима, или ΒΑΣΙΛΕΥ — [ΟΥΣΑΣ ΠΑΡΘΕΝΟΥ] — как в надписях римского времени [308, с. 309 сл.]. Нам представляется, что нельзя отвергать первый вариант восстановления надписи, как это делают некоторые исследователи [6, с. 16, прим. 50], поскольку, судя по нумизматическим данным, цари-эпонимы Херсонеса известны не только во II в. до н. э., но и в I в. до н. э. В качестве эпонимов они ставили свои имена на монетах⁵³. Признание этого варианта

в них членом совета [56, с. 92]. На наш взгляд, обе точки зрения справедливы, поскольку проедры, будучи членами совета, поочередно председательствовали в совете и Народном собрании, о чем свидетельствует и сам термин.

52

Э. И. Соломоник в публикации [214] новых надписей из Херсонеса под № 112 объединила четыре фрагмента, найденные в разные годы, в том числе фрагмент «г», в свое время опубликованный А. К. Тахтаем [232, с. 58 сл.], а ныне утерянный. Изучение публикаций не позволяет согласиться ни с восстановленным текстом, ни с комментарием, в котором Э. И. Соломоник указывает на увеличение до 38 числа лиц, скреплявших своими печатями декреты, при одновременном уменьшении количества отдельных магистратов. На этом основании Э. И.

Соломоник делает далеко идущие выводы об изменении государственного строя Херсонеса. Против такого восстановления надписи с включением фрагмента «г» свидетельствует начертание букв последнего, которые отличаются от шрифта остальных фрагментов. В частности, отличаются буквы альфа, дельта, лямбда, ипси-лон, омега и другие. На принадлежность фрагмента «г» к другой надписи указывают и нелепые, с точки зрения римской номенклатуры, имена, восстановленные Э. И. Соломоник, в которых отцы и сыновья имеют различные попи-па, что само по себе невероятно. Все это ставит под сомнение выводы автора относительно изменений государственного строя Херсонеса во II в. н. э.

58

Например, известны херсонесские монеты с изображением Девы, поражаю-

позволяет предположить возможность существования в Херсонесе царей-эпонимов после 25/24 г. до н. э., а следовательно, поставить под сомнение вывод о том, что введение новой эры в городе связано с провозглашением Девы «вечной» царицей, как это принято считать в литературе.

На наш взгляд, провозглашение Девы царицей в Херсонесе не было единовременным актом, сделавшим богиню Деву «вечной царицей». Дева неоднократно провозглашалась царицей как в первые два века нашей эры, так и в более раннее время, замещая должность царя-эпонима. Следовательно, последняя продолжала существовать, но из-за отсутствия претендентов из числа херсонесских граждан обязанности царя-эпонима исполняла Дева, а фактически — жрецы ее храма. Поэтому нам представляется неверным вывод о частичной реформе государственного строя только на том основании, что в херсонесских декретах первых веков нашей эры вместо царей-эпонимов упоминается царствующая Дева [146, с. 321; 56, с. 92].

Большинство исследователей вслед за А. Л. Бертье-Делагардом [29, с. 63] связывает царствование Девы с установлением в Херсонесе в 25/24 г. до н. э. новой местной эры [172, с. 113 сл.; 146, с. 325; 26, с. 74 сл.; 314, с. 542; 56, с. 83; 112, с. 109]. Однако против одновременности и связи этих событий свидетельствует целый ряд фактов, на что справедливо в свое время указывал А. Н. Зограф. В числе этих фактов он указывал на следующие: 1) надписи с упоминанием царствующей Девы появляются не в последней четверти I в. до н. э., а во II в. н. э.; 2) самая ранняя датированная монета с монограммой Девы относится к 73 г. херсонесской эры, т. е. появляется значительно позднее установления последней; 3) монеты с монограммой Девы не являются специфическим признаком периода «царствующей» Девы, так как встречаются и в предшествующий период [97, с. 154].

Несмотря на то что ему не удалось опровергнуть приведенные факты, В. А. Анохин продолжал настаивать не только на синхронности установления херсонесской эры и провозглашения Девы «вечной царицей», но и на том, что новое летосчисление в Херсонесе было вызвано признанием Девы царицей [6, с. 13 сл.]. Только в последней своей работе он согласился с тем, что провозглашение Девы царицей не связано с установлением эры [7, с. 61, 74].

Поскольку вопрос остается открытым, но вместе с тем имеет важное значение для изучения истории государственного строя Херсонеса, мы считаем необходимым вернуться к его подробному рассмотрению.

Прежде всего неверно само представление о Деве как о «вечной царице» Херсонеса, а отсюда и мнение о существовании целого периода ее «царствования». Оно возникло под влиянием исследования А. Л. Бертье-Делагарда, который считал, что почти на всех монетах выделенной им второй группы «свободы» (половина I в. до н. э. — конец II в. н. э.) имеется монограмма Девы [29, с. 51 сл.]. Опираясь на это наблюдение А. Л. Бертье-Делагарда, а также на находки декретов, принятых в «царствование» Девы, В. В. Латышев предположил, что херсонеситы в результате реформы государственного строя в римскую эпоху сделали богиню Деву «вечной царицей», причем не номинально, а с известными функциями и атрибутами власти [146, с. 321]. В. В. Латышев указывал, что у греков было принято обоготворять политические понятия, поэтому вполне естественно, что херсонеситы воплотили в богине Деве идею верховной власти. Следовательно, первым из исследователей херсонесскую Деву назвал «вечной царицей» В. В. Латышев⁶⁴. В. В. Латышев высказал также предположение о связи между признанием Девы «царицей» и новым летосчислением херсонеситов [146, с. 325], но сделал это в очень осторожной форме, приведя факты, свидетельствующие против его предположения. В конечном же итоге В. В. Латышев пришел к заключению, что «вопрос приходится оставить открытым в надежде, что в будущем, быть может, найдутся более прочные данные для его разрешения» [146, с. 326].

Предположение В. В. Латышева принял и развил А. В. Орешников, который указывал, что облечение божеств магистратурами имело место и в Византии [171, с. 12 сл.]. Казалось бы, после этого должен последовать вывод о характере «царствования» Девы как о факте замещения божеством магистратской должности⁶⁵. Но следует отметить, что А. В. Орешников, как и В. В. Латышев, указывал, что решение вопроса — задача будущих исследований. Позднее осторожность В. В. Латышева в выводах последующими исследователями, вероятно под влиянием его большого научного авторитета, была отброшена, а высказанное им предположение постепенно превратилось в аксиому.

Как уже отмечалось, цари-эпонимы являлись высшими магистратами по делам культа, руководили официальными жертвоприношениями, культовыми празднествами и процессиями. Проведение празднеств и процессий требовало значительных расходов, которые полностью или частично оплачивали из своих средств цари-эпонимы. К тому же во многих греческих государствах царь-эпоним за предоставление этой должности вносил

шей оленя, и бодающимся быком на оборотной стороне с именем Аполлониды, которые чеканились в 40-х гг. I в. до н. э. [172, с. 116 сл.; 97, с. 153].

64

На то, что В. В. Латышев понимал под «вечной царицей», указывает его гипотеза о «царице» Деве, заменившей чужих (боспорских) царей [146, с. 326]. Однако такое понимание противоречит не только характеру полномочий царя-эпонима, который утратил верховную власть задолго до основания Херсонеса, но и херсонесской конституции, а также принципам выборности магистратов на определенный срок.

65

Однако, признав, что наделение божеств маги-

стратскими должностями в Херсонесе и Византии — явления, по существу, сходные, автор вместе с тем подчеркивал «их внешнее различие: херсонесцы избрали Деву вечной царицей, византийцы же своих богов избирали на городские должности на известный срок» [171, с. 14]. Таким образом, уже здесь предположение В. В. Латышева о «вечной царице» Деве принимается как постулат и служит аргументом для доказательства мнимых различий в положении божеств Византии и Херсонеса.

56

Размеры затрат царя-эпонима увеличивались по мере оскудения государственной казны и обогащения частных лиц.

определенную сумму денег. Она являлась даром городу от обладателя должности в обмен за честь, которой он удостаивался [310, с. 650]. Как видим, вступление в должность царя-эпонима влекло за собой значительные расходы, поэтому исполнение этой обязанности было по плечу лишь богатейшим гражданам. Примеры этому мы имеем во многих городах Малой Азии и островов Эгейского моря [310, с. 59, прим. 52]. Вероятно, аналогичное положение создалось и в Херсонесе⁵⁶. Должность царя-эпонима, хотя и была почетной, фактической власти не давала, особенно в изучаемый период, когда Херсонес утратил независимость. Поэтому во время экономических и финансовых затруднений, которые нередко переживали греческие государства, очень трудно было найти граждан, которые брали бы на себя расходы, связанные с отправлением должности царя-эпонима и других почетных, но номинальных магистратур. В таких случаях и прибегали к крайнему средству, которое выражалось в том, что затраты на религиозные празднества и жертвоприношения оплачивались из казны наиболее крупных и могущественных храмов, а обладателем эпонимной должности становилось соответствующее божество [299, с. 167; 312, с. 59]. Например, эпонимным стефанфором в Милете был Аполлон, в Магнезии — Артемида, в Приене — Зевс и Аполлон; должность эпонимного гиппарха в Кизике исполнял Посейдон, а эпонимным «монархом» на Косе был Асклепий [310, с. 839, прим. 24]. Иными словами должность эпонимного магистрата исполняло то божество, храм которого располагал достаточно богатой казной. Такая же практика существовала и в родственном Херсонесу Византии (где в римское время обязанности должностных лиц исполняли Деметра, Дионис и другие божества [171, с. 13 сл.; 323, с. 56]) и Каллатии, где место царя-эпонима занимал Благой бог еще в III в. до н. э. [34, с. 52 сл.]

В большинстве случаев божество исполняло функции эпонимного магистрата в течение года, но нередко и в течение ряда лет, особенно в периоды серьезных экономических затруднений, войн и т. п. Так, в Милете Аполлон был эпонимным стефанфором семь раз на протяжении военных лет между 276 и 260 гг. до н. э., четыре раза подряд в 229—226 гг. до н. э. и восемь раз в 196—184 гг. до н. э. [310, с. 839, прим. 24]. Неоднократно занимали магистратуры Деметра, Дионис и Ника в Византии [171, с. 13].

Существование такой практики в греческих государствах позволяет поставить вопрос о том, что «царствующая» Дева в Херсонесе — явление не уникальное, а обычное для греческого

государства, испытывавшего экономические или финансовые трудности. Тем более, что нам известно о больших экономических затруднениях Херсонеса в конце II—I вв. до н. э., вызванных войной со скифами и политической зависимостью от Митридата, а впоследствии от Боспора и Рима. Существовали финансовые трудности и в первых веках нашей эры [76, с. 127 сл.], в связи с необходимостью неоднократного отражения нападений скифов, содержанием римского гарнизона, волнениями бедноты и попытками государственных переворотов. Мы уже говорили о социальном кризисе, переживаемом Херсонесом, о глубокой имущественной дифференциации, что несомненно уменьшило поступления в государственную казну, тогда как у отдельных лиц, а также, видимо, в казне храма Девы сосредоточились значительные денежные средства. В этих условиях эпизодические провозглашения Девы «царицей»⁵⁷ в дальнейшем могли превратиться в хронические, но «вечной царицей» Дева не провозглашалась. Об этом свидетельствует тот факт, что декреты с указанием «царствующей» Девы появляются не ранее 20-х гг. II в. н. э., а также многочисленные данные нумизматики. Из более чем 300 монет периода «царствования Девы», опубликованных В. А. Анохиным в каталоге херсонесских монет, 91 монета имела монограмму Девы и 5 монет — полную надпись ΠΑΡΘΕΝΟΣ. Иными словами, в «царствование» Девы выпущено менее одной трети всех известных монет херсонесской чеканки того времени. В так называемый «период царствования Девы» известны монеты, датированные херсонесской эрой, но без указания имени или монограммы Девы, а также монеты с изображением божества Херсонас, а не Девы. На наш взгляд, все приведенные факты свидетельствуют против представления о Деве как о «вечной царице» и говорят в пользу Девы как эпонимного магистрата, заменявшего царя-эпонима из числа херсонесских граждан. И причина этого отнюдь не символическая (что утверждал А. Н. Зограф), а вполне материальная. В то время не «образ воинственной защитницы» охранял город от нападения врагов, а казна ее храма, где, по-видимому, хранилось немало сокровищ, поскольку это был самый значительный храм Херсонеса⁵⁸. На большое значение храма Девы в жизни города указывает и тот факт, что в его притворе, по постановлениям Совета и Народа, выставляли почетные декреты [308, № 344, 353]. При храме находились иеродулы. Его жречество устраивало празднества Парфении с соответствующими процессиями [308, № 352] и, вероятно, состязаниями, что требовало больших затрат. Именно жрецы этого храма иногда совмещали свои

57

На это указывают херсонесские монеты с монограммой Девы, которые появились в первой половине I в. до н. э. [97, табл. 36, 19; табл. 37, 1].

58

Мы имеем и прямое указание на то, что священная казна использовалась для нужд государства, когда

понадобились средства на статую Диофанта [308, № 352].

функции с обязанностями царя-эпонима, о чем уже говорилось. Следовательно, функции царя-эпонима в Херсонесе были тесно связаны с культом Девы. Поэтому появление «царствующей» Девы, на наш взгляд, не являлось результатом реформы государственного строя и провозглашения Девы «вечной царицей», при котором отменялась должность царя-эпонима, а произошло из-за отсутствия претендентов на эту должность в условиях тяжелого финансово-экономического положения и социального кризиса в Херсонесском государстве. Вероятно, провозглашение сначала было принято в качестве экстраординарной меры, а затем вошло в практику.

При таком толковании «царствования» Девы становятся понятными факты присутствия ее монограмм на монетах первой половины I в. до н. э., задолго до введения новой херсонесской эры, а также причины столь позднего (II в. н. э.) появления упоминаний о «царствовании» Девы в эпиграфических документах.

Итак, должность высшего эпонимного магистрата в Херсонесе Таврическом с I в. до н. э. до середины II в. н. э. периодически исполняла богиня Дева. Однако это не являлось результатом реформы государственного строя, которая якобы произошла в 24/25 г. до н. э.; а было вызвано финансово-экономическими затруднениями, социальным и политическим кризисом, возникшими в связи с зависимостью от Понта-Боспора, а впоследствии Рима. Несмотря на наличие в Херсонесе очень богатых граждан, видимо, почти не находилось охотников нести огромные расходы, а взамен получать должность царя-эпонима, уже не имевшую реального значения в государстве. В создавшейся ситуации богатые херсонеситы предпочитали исполнять жреческие функции, связанные с культом Девы, что давало им почет и возможность распоряжаться казной храма. Фактически высшими эпонимами в первых веках нашей эры стали жрецы богини Девы, имена которых в годы «царствования» последней начали указывать после ее имени, между годом и месяцем принятия декрета⁵⁹. Предположение Р. Х. Лепера относительно того, что жрецы богини Девы занимали должность не один год [149, с. 58] и, следовательно, не были эпонимами, не подтвердилось. Сравнение декретов в честь Диа... гераклеота и в честь Папия показало, что в 130/131 г. вместо Хрестнона, сына Боиска, исполнявшего обязанности жреца Девы в 129/130 г., жрецом стал Тит Флавий Ксанф, сын Насона. Косвенно о большом влиянии жрецов Девы свидетельствует тот факт, что среди них появились лица с правами римского гражданства [308,

59

Обычно в декрете указывалось: «Это постановили Совет и Народ в царствование Девы, в году... при жреце таком-то, месяце... в день при секретаре

№ 357, 358; 227, с. 155], принадлежавшие к наиболее могущественным фамилиям Херсонеса.

Коллегия архонтов. Это высшая магистратура в Херсонесе в изучаемый период. Первое упоминание об архонтах содержится в одной фрагментированной надписи III в. до н. э. [308, № 346]. Все остальные эпиграфические документы, где упоминаются архонты, относятся к первым векам нашей эры [308, № 359, 363, 372, 383, 389, 391, 392, 404, 420, 471; 213, № 79; 214, № 111; 232, с. 59]. Следовательно, подавляющее большинство надписей, в которых говорится об архонтах, относится к первым векам нашей эры, и только одна указывает на их существование в более раннее время. Однако это единственное свидетельство очень важно. Оно не только опровергает утверждение о том, что «самое раннее упоминание должности архонта относится к I в. н. э.», но и не позволяет согласиться с мнением о замене коллегии стратегов коллегией архонтов [164, с. 206, 208], поскольку первоначально обе коллегии сосуществовали. Поэтому речь может идти не о замене одной коллегии другой, а о передаче военных функций архонтам после упразднения коллегии стратегов. Таким образом, архонты первых веков нашей эры являлись высшей магистратурой, располагавшей гражданской и военной властью. Однако значение последней было невелико, учитывая присутствие римского гарнизона.

В коллегию архонтов входило шесть человек во главе с первым архонтом. Это число установлено благодаря находке полностью сохранившегося декрета в честь Папия, сына Гераклеона [227, с. 154 сл.]. В данном случае оно определено наличием среди граждан Херсонеса представителей трех фил, о чем уже говорилось. Следовательно, от каждой филы избирались по два архонта, включая и первого архонта. Свои обязанности они исполняли в течение года, после чего избирались новые. Об этом свидетельствуют составы коллегий архонтов 129/130 и 130/131 гг. н. э., известные нам из декретов в честь Диа... гераклеота [308, № 359] и в честь Папия, сына Гераклеона [228, с. 155]. В 130/131 г. н. э. коллегия полностью обновилась, а некоторые из архонтов предыдущего года перешли в состав совета. Например, членом совета стал первый архонт 129/130 г. Т. Флавий Аристон, сын Флавия Аристона.

Должность первого архонта появилась в I в. н. э. [308, № 420]⁶⁰. Она является весьма характерной для олигархического государственного строя Херсонеса первых веков нашей эры. Первый архонт руководил деятельностью коллегии, судя по воинским доспехам (паноплию), изображенным на надгроб-

таком-то». Далее следовал список των σφραγισμένων во главе с царицей Девой [308, № 359, 360, 361 и др.; 227, с. 155].

60

В литературе для доказательства этого ино-

гда ссылаются на надгробие первого архонта Газурия [308, № 471]. Однако датировка памятника I в. н. э. вызывает сомнения, и В. В. Латышев со свойственной ему осторожностью относил памятник к римскому времени. Вероятно, надгробие следует датировать II в. н. э., поскольку к этому периоду относятся другие надписи с упоминанием Газурия, сына Метродора [308, № 412, 385 (?), 389 (?)].

61

Например, в упоминавшейся надписи I в. н. э. указано, что чествуемый гражданин исполнял должность первого архонта трижды [308, № 420].

62

Первым архонтом 129/130 г. был Т. Флавий Аристон, а в следующем году — его брат Т. Флавий Агеполис.

63

В Афинах появление коллегии номофилаков связывается с

бии первого архонта Газурия, сына Метродора, командовал херсонесским ополчением. О высоком положении первого архонта в херсонесском государстве свидетельствует место, которое он занимал в списке лиц, скреплявших своими печатями декреты от имени Совета и Народа. Как правило, это было первое место. Известны случаи, когда должность первого архонта исполнялась одним и тем же лицом неоднократно⁶¹. Появление первых архонтов, которые возглавляли высшую магистратуру (и притом неоднократно) и заменили коллегиальный орган стратегов в командовании войском, свидетельствует о концентрации гражданской и военной власти в их руках. Можно отметить еще одну особенность изучаемой эпохи. Должность первого архонта, особенно во II в. н. э., очень часто занимали лица, получившие римское гражданство [308, № 359, 361, 404; 227, с. 155], иногда члены одной семьи⁶². Естественно предположить, что являясь римскими гражданами, они проводили политику, угодную римским властям.

Коллегия номофилаков. Аристотель рассматривал ее как аристократический институт [12, IV, 5, 13]. Опираясь на это свидетельство, а также на некоторые другие, Р. И. Новикова пришла к выводу, что в Херсонесе, где существовала коллегия номофилаков, издавна был аристократический строй [163, с. 106]. На наш взгляд, такой вывод свидетельствует о формальном подходе к указаниям источников. Даже если признать, что номофилаки — аристократический институт (а так было далеко не всегда⁶³), то и тогда их наличие не может являться бесспорным доказательством существования в Херсонесе аристократического строя, поскольку наряду с коллегией номофилаков существовали Народное собрание и совет, которые тот же Аристотель считал демократическими учреждениями [12, IV, 12, 8—9]. Следовательно, можно говорить о том, что в государственном строе Херсонеса наблюдалось сочетание аристократических (номофилаки) и демократических институтов (Народное собрание, совет), что было свойственно умеренной рабовладельческой демократии — политике [12, IV, 6, 2]. Наконец, если следовать выводу Р. И. Новиковой и довести его до логического завершения, то нужно признать, что по мере аристократизации государственного строя Херсонеса в первых веках нашей эры (а это не вызывает сомнений) должна была бы возрастать роль коллегии номофилаков. Однако сама Р. И. Новикова вынуждена признать, что политическое значение номофилаков в римское время падает [163, с. 107].

По нашему мнению, наличие коллегии номофилаков не мо-

жет служить свидетельством существования в Херсонесе аристократического строя. Своим появлением она обязана метрополии — Мегаре, где это был аристократический институт. Номофилаки в мегарских колониях утратили во многих случаях свое первоначальное значение благодаря возникновению в этих государствах демократических институтов. Например, номофилаки были известны в Калхедоне [297, с. 144; 85, с. 121, прим. 5] и Месембрии [89, с. 65 сл.]. Весьма вероятно их существование в Византии [161, с. 54].

Следовательно, коллегия номофилаков — одна из древнейших магистратур Херсонеса, возникшая при основании государства и сохранившаяся до первых веков нашей эры.

Первые упоминания о номофилаках содержатся в эпиграфических источниках III в. до н. э. [308, № 343]. Встречаются они и в декретах II—I вв. до н. э. [308, № 347, 351, 369] и в надписях первых веков нашей эры до II в. включительно [308, № 359, 364, 423; 227, с. 155; 232, с. 59]. Более поздние свидетельства пока не известны. В течение всего периода своего существования коллегия номофилаков состояла из трех человек. О том, что такое число было с момента основания Херсонеса, свидетельствует состав коллегии номофилаков Калхедона, состоявшей из трех человек. Встречающиеся в литературе утверждения о том, что в III—II вв. до н. э. коллегия номофилаков якобы состояла из пяти человек, а в первых веках нашей эры сузилась до трех [26, с. 105; 56, с. 83], являются ошибочными⁶⁴.

Обязанности номофилаков в различных греческих государствах были разными. Например, в Спарте, Локрах и других дорийских городах номофилаки следили за исполнением законов, в Афинах они контролировали Ареопаг, Народное собрание, должностных лиц, в Керкире — расходование общественных денег, в Абдере наблюдали за государственным архивом, декретами, вырезаемыми на стелах [153; 283]. Однако в большинстве случаев (а главное, в родственных Херсонесу дорийских государствах) номофилаки следили за соблюдением законов [283]. Что понимали в древности под этим, можно судить по высказыванию Цицерона: «Греки заботились об этом больше: у них избирались «номофилаки» и они следили не только за записями, но и за поступками людей которых они заставляли соблюдать законы» (Cic. De leg., III, 20, 46).

В Херсонесе Таврическом номофилаки также следили за исполнением законов. Об этом свидетельствуют декреты, где обычно указывались имена номофилаков [308, № 343, 347, 351,

демократическими реформами Эфиальта [144, с. 171, 228].

64

Мнение о том, что в III—II вв. до н. э. номофилаков насчитывалось пять или даже больше человек, неоднократно высказывал В. В. Латышев [147, с. 70; 138, с. 21; 141, с. 102; 146, с. 328]. Однако после публикации Р. Х. Лепера [149, с. 40 сл.], который убедительно доказал, что номофилаков было три, В. В. Латышев согла-

сился с Р. Х. Лепером [139, с. 132 сл.] и во втором издании IOSPE при восстановлении начальных строк херсонесских декретов исходил из этого числа.

69

Последний такой известный нам декрет относится к 45 г. до н. э. [308, № 691].

66

Впервые с законодательной инициативой проедры выступили в 17—7 гг. до н. э. [308, № 354].

67

В декрете в честь Папия указаны следующие номофилаки: Геронд, сын Геронда, Гикезий, сын Гикезия, и Понтик, сын Гилара, тогда как в декрете 129/130 г. [308, № 359] номофилаками названы: Зет, сын Аполлония, Пифодор, сын Хрестюна, и Демокл, сын Лагорина.

359, 364, 423, 691 и др.]. Этим подчеркивался законный характер документов. Имена номофилаков в херсонесских декретах находятся всегда в строго установленных местах: до I в. до н. э. они указывались первыми, так как декреты вносились на рассмотрение Народного собрания по их предложениям, а позднее (с утратой ими законодательной инициативы) имена номофилаков стали помещаться в конце списка лиц, скреплявших своими печатями декреты. Последнее указывает на то, что номофилаки присутствовали на заседаниях совета и Народного собрания и, видимо, могли не допустить голосования за декреты, которые казались им незаконными, а также следили за текстами публикуемых постановлений. Другой важной функцией номофилаков была законодательная инициатива. Об этом свидетельствует тот факт, что от их имени предлагались декреты. Этим правом номофилаки пользовались примерно до середины I в. до н. э.⁶⁵ Позднее, между 45 и 17 гг. до н. э., эти функции перешли к проедрам, и в первых веках нашей эры декреты предлагались от имени последних [308, № 357, 359, 362, 364, 366, 367 и др.]⁶⁶. Следовательно, в первых веках нашей эры значение коллегии номофилаков уменьшилось. Но должность номофилаков оставалась выборной. Благодаря декрету в честь Папия, сына Гераклеона (130/131 г.) [227, с. 153 сл.], можно с уверенностью утверждать, что номофилаки избирались сроком на один год, после чего к исполнению обязанностей приступили новые⁶⁷. Новыми номофилаками иногда становились члены совета предыдущего года⁶⁸.

Итак, в Херсонесе Таврическом, как и в других мегарских колониях, существовала ежегодно переизбираемая коллегия номофилаков. Она функционировала в течение многих веков и имела важное значение в политической жизни государства, охраняя его конституционные основы. Однако в изучаемый период номофилаки утратили часть своих функций, а следовательно, и свое первоначальное значение.

Продик. В изучаемый период в Херсонесе появилась новая магистратура — продик. Установить ее функции при имеющихся в нашем распоряжении источниках не представляется возможным. Но совершенно очевидно, что продики не могли исполнять обязанности, близкие к прокурорским, как полагает Г. Д. Белов [26, с. 136]. Против этого говорит этимология термина: *πρόδικος* — «защитник» («право» заступник». Следовательно, это скорее адвокат, чем прокурор. В Спарте продиками называли опекунов малолетних царей из числа ближайших родственников по мужской линии (Xen. Hist., IV, 2, 9; Plut. Lyc., 3). Видимо,

продик имел какие-то юридические функции, возможно адвоката, но отнюдь не прокурора⁶⁹.

В отличие от других магистратур должность продика не являлась коллегиальной. Его обязанности исполняло одно лицо, но должность была выборной сроком на один год⁷⁰. Однако при сохранении выборности в условиях олигархического государственного строя Херсонеса первых веков нашей эры эту должность иногда поочередно занимали представители одной семьи⁷¹. Судя по месту, которое занимал продик в списке должностных лиц, эта магистратура имела меньшее значение, чем номофилаки. Должность продика занимали в начале своей политической карьеры некоторые первые архонты [308, № 420] и другие должностные лица⁷². То, что продик был в числе лиц, скреплявших своими печатями декреты, указывает на важность этой магистратуры и позволяет предполагать, что продики присутствовали на заседаниях совета. По мнению В. В. Латышева, участие продика служило доказательством законности декрета [146, с. 328]. Не исключено, что продик доказывал законность нового декрета, выступая в роли посредника между проедрами, предлагавшими законопроект или проект декрета, и номофилаками. После сложения своих полномочий продики становились членами совета. Например, продик 129/130 г. Метродор, сын Диоскурида [308, № 359], в следующем году вошел в состав совета [227, с. 155].

Дамиурги. В некоторых греческих государствах, например в Ахейском союзе (Polyb., XXVIII, 6, 9) и дорийских городах [34, с. 197], к числу высших магистратур относились дамиурги (демиурги). Известны они среди должностных лиц в Мегаре [297, с. 145]. Упоминаются дамиурги и в херсонесских надписях [308, № 401, 420, 423, 424, 429]. Однако исследователи по-разному интерпретируют эти свидетельства. Одни считают, что под термином «дамиурги» следует понимать общее название выборных должностных лиц, а не определенную магистратуру [26, с. 135], другие полагают, что «демиург обозначал просто почетное звание, дававшееся гражданам, потрудившимся для города в тех или иных случаях» [94, с. 225, прим. 4]. Наконец, третьи рассматривают дамиургов как вполне определенную магистратуру [146, с. 158; 34, с. 197; 314, р. 540]. Нам представляется справедливой последняя точка зрения.

О том, что дамиурги являлись магистратурой с вполне определенными функциями, свидетельствует наличие такой магистратуры в Мегаре и Херсонесская присяга, где неоднократно говорится о дамиургах как о вполне определенной магистратуре

68

Например, Понтик, сын Филатра, в 129/130 г. н. э. был членом совета, а в следующем году стал номофилаком.

69

В пользу адвокатских функций продика говорит надпись первых веков нашей эры из Смирны, упоминающая о продике — городском адвокате (IGRP, IV, № 1397).

70

Например, в 129/130 г. продиком был Метродор, сын Диоскурида, а в следующем, 130/131 г. — Бониск, сын Диоскурида [308, № 359; 227, с. 155].

71

Продики 129/130 и 130/131 гг., имевшие одинаковый патронимикон, были родными братьями.

72

Например, Аристон, сын Аттинны, был продиком, номофилаком, дамиургом, казначеем и (неоднократно) послом на Боспор и в Рым [308, № 423].

[308, № 401]. В отношении изучаемого периода такие свидетельства содержатся в трех надписях [308, № 420, 423, 424], где дамиурги упоминаются при перечислении магистратур, которые исполняли чествуемые граждане Херсонеса. А это неоспоримо указывает на то, что речь идет о вполне определенной должности.

Первые упоминания о дамиургах в Херсонесе относятся к III в. до н. э. [308, № 401, 429]. Однако эта магистратура существовала вплоть до II в. н. э. включительно. Дамиургов было несколько, а следовательно, они составляли коллегию. На это указывает форма множественного числа в присяге при упоминании этих должностных лиц [308, № 401]. В Мегаре дамиургов было пять (IG, VII, № 41), но в более раннее время — шесть, о чем свидетельствует надпись III в. до н. э., где перечислены имена шести дамиургов (RIG, № 1060), т. е. по два от каждой филы. По-видимому, шесть дамиургов было и в Херсонесе, но это пока только предположение.

Дамиурги в Херсонесе относились к должностным лицам, в обязанности которых входила охрана существующего государственного строя. Именно им граждане обязаны были сообщать о заговорах, направленных против государства [308, № 401]. Вероятно, эти функции сохранялись и в изучаемый период. Некоторые дамиурги за ревностное исполнение своих обязанностей удостоены почестей и наград, о чем свидетельствуют надписи в честь Аристана и неизвестного гражданина с упоминанием о наградах [308, № 423, 424].

Агораномы. В обязанности агораномов (контролеров рынка) входило наблюдение за порядком на рынках, совершением торговых сделок. Они отвечали за состояние торговых помещений, собирали арендную плату с лавок в пользу государства, осматривали товары, особенно продукты, проверяли весы, следили за тем, чтобы на рынке не торговали люди, не уплатившие соответствующих рыночных сборов, улаживали возникавшие споры. В тех случаях, когда отсутствовали специальные магистраты — ситоны, агораномы занимались снабжением зерном [299, с. 215].

В Херсонесе первое упоминание об агораноме содержится в декрете в честь Агасикла, который датируется III в. до н. э. [308, № 418]. Но появилась эта магистратура, видимо, значительно раньше и ведет свое происхождение из метрополии, поскольку агораномы известны в Мегаре и мегарских колониях [147, с. 71; 297, с. 147, 149; 85, с. 121]. В изучаемый период должность агораномы не только сохранилась, о чем свидетельствуют надписи II—III в. н. э. [308, № 440; 213, № 26; 214, № 129], но и приобрела важное значение во внутренней жизни Херсо-

неса, который превратился в значительный торговый центр. О важности этой магистратуры говорят следующие факты. Дельф, сын Стратоника, являвшийся первым архонтом, в свое время исполнял обязанности агораномы, и составители надгробной эпитафии сочли необходимым это подчеркнуть [27, с. 269]. Другой агораном после окончания своих полномочий пожертвовал крупную сумму (3 тыс. денариев) на строительство храма Афродиты [308, № 440], причем эта сумма осталась из средств, которыми распоряжались агораномы. Во время пребывания в должности агораномы Феаген, сын Диогена, на свои средства построил рыбный рынок в Херсонесе [206, с. 245; 215, № 129]. Следовательно, агораномы при исполнении своих обязанностей распоряжались значительными суммами денег, что указывает на важность этой магистратуры в условиях Херсонеса. Что касается числа агораномов, то при существующих источниках решить этот вопрос не представляется возможным⁷³.

Государственные финансы и магистраты. Общий надзор за государственной казной был одной из функций совета. Но существовали и специальные должностные лица (ΕΠΙ ΤΗΣ ΔΙΟΙΚΗΣΕΩΣ), а также казначей, следившие за поступлениями доходов в казну и выдававшие требуемые ссуды в соответствии с законами, декретами Совета и Народа или распоряжениями высших магистратов. Последние по своему положению являлись младшими магистратами [299, с. 241].

Обычно государственные доходы складывались из таможенных, портовых и торговых пошлин и сборов, литургий⁷⁴ и даров граждан, доходов от государственной собственности, поступавших от откупщиков или арендаторов этой собственности, из налогов на ксенов, из штрафов и конфискаций имущества и т. п. [271, с. 126; 299, с. 244; 311, с. 63].

Судя по имеющимся свидетельствам, в изучаемый период в Херсонесе государственные доходы также поступали в казну от литургий, даров граждан, таможенных, портовых и торговых пошлин и из некоторых других источников.

О существовании литургий и даров граждан свидетельствуют факты сооружения оборонительных укреплений [308, № 438, 439], рынка [206, с. 245; 214, № 129], терм [214, № 133], денежных пожертвований на колонны [308, № 441—444, 446] и постройку храма Афродиты [308, № 440], а также снаряжения посольств частными лицами [308, № 425]. В декрете в честь Демократа, сына Аристогена, наряду с перечислением других заслуг, прямо говорится об исполнении всяких литургий [308, № 425]. Следует отметить, что дары делали не только граждане,

73

В родственной Херсонесу Мессембрии, например, в III в. н. э. было два агораномы (IGBR, 1², № 317).

74

Литургии, в свою очередь, подразделялись на обычные и экстраординарные. Последние были связаны с войнами и празднествами.

но и ксены, постоянно проживавшие в городе, а также иноземцы из других городов [213, № 5]. Например, гераклеот Маркиан, сын Гая, пожертвовал на колонны [308, № 445].

Свидетельством существования таможенных и портовых пошлин в Херсонесе могут служить многочисленные проксении иноземцам (имевшим заслуги перед государством), где говорилось о даровании права «въезда и выезда в мирное и военное время без ущерба и договора, и ему, и потомкам и имуществу его», т. е. права беспошлинного ввоза и вывоза [308, № 356—359, 364, 365, 377—380; 227, с. 155; 213, № 6, 7; 214, № 113—115, 118]. Поскольку проксении даровались гражданам Малой Азии, иногда навклерам, речь идет о ввозе и вывозе на кораблях. Что касается сухопутных пошлин, то какие-либо данные о них у нас отсутствуют. Не располагаем мы также сведениями о размерах этих пошлин. В Афинах пошлина на ввоз и вывоз составляла $\frac{1}{60}$ стоимости товара. Сухопутные пошлины — большая редкость, они известны на Крите и в эолийских городах [271, с. 139]. О повсеместном распространении портовых пошлин как вида государственных доходов свидетельствует известный анекдот о жителях малоазийского города Кимы. Их считали тупоумными, так как они только через 300 лет после основания города стали собирать портовые пошлины [222, XIII, III, 6].

О взимании проституционного налога и существовании его специальных откупщиков или арендаторов, вносящих установленную государством сумму этого налога, свидетельствуют эпиграфические источники [308, № 404, 705], на которых мы уже подробно останавливались.

Наличие агоры, специализированного рыбного рынка, и агораномов, в функции которых входил сбор торговых пошлин⁷⁵, указывает на то, что последние являлись источником государственных доходов.

Вероятно, какие-то доходы поступали в государственную казну от рыболовства и соляного промысла, получивших широкое развитие, а следовательно, дававших значительные доходы, поскольку эти отрасли не только облагались налогами, но и нередко были государственной монополией, например в родственном Херсонесу Византии (Ps. Arist. Oecon., B, II, 3). Монополия на соль существовала в Пальмире [299, с. 245].

Можно предположить, что налогами облагались постоянно проживавшие в Херсонесе иноземцы, хотя прямых свидетельств у нас нет. Ксены обычно не имели права торговать на рынке, не уплатив налога (*τέλος ξενικόν*) [153].

75

Обычно это *ἑξ-ατοστῆ*, т. е. 1%-ная пошлина, но Андреадес считает, что сумма была не фиксированной, а пропорциональной сумме обложения налогом [271, с. 145].

Все перечисленные источники составляли доходы государственной казны, которая существовала отдельно от так называемой священной. Заведовали священной казной особые казначей [308, № 344, 349, 352]. Однако нередко для государственных нужд прибегали к использованию средств, находящихся в священной казне. Первое свидетельство этого относится еще в III в. до н. э. [308, № 344]. В конце II в. до н. э. по постановлению Совета и Народа для сооружения медной статуи и постамента с надписью в честь полководца Диофанта средства предоставлял казначей священной казны [308, № 352]. Позднее, как уже говорилось, для государственных нужд средства неоднократно брали из казны храма Девы. Это объясняется финансовыми затруднениями, что подтверждают эпиграфические документы [309, № 355; 76, с. 127 сл.].

Уже в III в. до н. э. государственной казной заведовал не только казначей, но и еще одно должностное лицо — «стоящий во главе управления» [308, № 343]. Об этом свидетельствуют также примеры из Афин и Приены, где известны такие финансовые должности [299, с. 241], и декрет II в. н. э. в честь Аристана, сына Аттины, который, занимая указанную должность, выяснил состояние финансов Херсонеса, что было поставлено ему в заслугу [308, № 423]. При определении этой должности исследователей, видимо, смущало то, что «стоящий во главе управления», наряду с номофилаками, выступал с законодательной инициативой [56, с. 84]. Однако факты предложения декретов от имени финансовых магистратов известны в Клазомене [310, с. 845, прим. 29] и вполне объяснимы, так как в декретах речь идет о расходах из казны, которой они заведовали. Следовательно, на наш взгляд, эта финансовая магистратура (по рангу более высокая, чем казначей) сохранялась в изучаемое время, но, подобно номофилакам, утратила право предложения декретов.

Гимнасиархи. Одним из характерных институтов древнегреческих полисов был гимнасий, который в изучаемую эпоху стал местом физической подготовки и умственного развития граждан. Здесь были не только помещения для физических упражнений, умощения тела, баня, но и библиотеки, залы для беседований и лекций, что превратило гимнасии в центры общественной жизни. В крупных городах имелось несколько гимнасиев, рассчитанных на разные возрастные группы граждан⁷⁶.

Содержали гимнасии и руководили ими гимнасиархи, которые в одних случаях были литургами, а в других — магистратами. Последняя должность относилась к почетным и ответ-

три гимнасия [299, с. 220], а в Пергаме — четыре, но в начале II в. н. э. число их возросло до 6 или 7 [310, с. 853, прим. 36].

ственным государственным должностям. Гимнасиархи следили за физической, интеллектуальной и моральной подготовкой граждан, заботились об оборудовании здания, его отоплении и освещении, снабжении маслом. Средства для этого выделялись из государственной казны, а также частными лицами, но нередко расходы оплачивали полностью или частично сами гимнасиархи [299, с. 221; 310 с. 62].

Судя по эпиграфическим данным, в Херсонесе гимнасиархи являлись магистратами. Первое упоминание о них относится к III в. до н. э. [308, № 418], но появились они, видимо, раньше. Можно полагать, что эта магистратура была заимствована из метрополии, поскольку гимнасиархи хорошо известны в Гераклее [297, с. 146], Каллатии [85, с. 92] и дорийской Месембрии [85, с. 120]. Существовали они в Херсонесе и в изучаемый период [308, № 424, 436, 437]. Нам даже известно имя херсонесского гимнасиарха II в. н. э. — Демотел, сын Феофила [308, № 436], — который по случаю победы своих питомцев за свой счет заказал мраморную стелу с гимном в честь Гермеса — покровителя гимнасиев. Следовательно, можно сделать вывод, что херсонесские гимнасиархи были попечителями гимнасиев и избирались из состоятельных граждан, которые при исполнении своих обязанностей часть расходов брали на себя.

Эпимелеты. Кроме перечисленных ординарных магистратов, образывывавших исполнительный аппарат государства, время от времени избирались экстраординарные магистраты — эпимелеты. В их обязанности входило наблюдение за проведением тех или иных срочных мероприятий либо руководство ими, выполнение специальных государственных заданий. Например, во II в. н. э. избранный эпимелетом Намух наблюдал за постройкой оборонительной стены, средства на которую дал один из богатых херсонесских граждан [308, № 438].

Концентрация политической власти. Одной из характерных черт государственного строя Херсонеса изучаемого периода, которая четко прослеживается со II в. н. э., является сосредоточение власти в руках верхушки господствующего класса, в том числе фамилий, обладавших римским гражданством, на что указывают имена высших должностных лиц, в составе которых — римские императорские имена (праепомен и помен). Особенно наглядно это видно на примере двух декретов с полностью сохранившимися списками лиц, скрепивших их своими печатями. В одном из них (129/130 г.) первым в списке стоит имя первого архонта Т. Флавия Аристона, сына Флавия Аристона, внука Агеполиса [308, № 359]. Во втором декрете (130/

131 г.) на первом месте — имя первого архонта Т. Флавия Агеполиса, сына Флавия Аристана [227, с. 155], т. е. родного брата первого архонта предыдущего года. Следовательно, два года подряд первыми архонтами Херсонеса являлись херсонеситы — римские граждане, принадлежавшие к одной и той же влиятельной семье. В 129/130 г. н. э. один брат был архонтом, а второй — членом совета и в списке занимал пятое место. В следующем году первым архонтом стал Т. Флавий Аристон, а его брат вошел в состав совета с высоким положением, о чем свидетельствует третье место в списке. Таким образом, братья Аристон и Агеполис — римские граждане и представители влиятельной херсонесской семьи — в течение двух лет попеременно занимали высшую магистратуру. Следовательно, формально первые архонты переизбирались, а фактически власть находилась в руках представителей одной семьи. Аристон и Агеполис упоминались в первом ряду списка членов совета и магистратов еще в одной надписи, которую Р. Х. Лепер датировал 140—145 г. н. э. [149, с. 62 сл.]. Это указывает на то, что они были у власти не два года, а более длительное время. Следует отметить, что высокое общественное положение занимал в 129/130 г. н. э. еще один представитель этой семьи — Т. Флавий Пифодот, который, судя по имени, приходился дядей упомянутым братьям. Он являлся членом совета и занимал третье место в списке [308, № 359]. Если Т. Флавий Аристон, сын Флавия Аристана, внук Агеполиса — первый архонт 129/130 г. — в следующем году занял третье место в списке, то можно предположить, что его дядя Т. Флавий Пифодот, занимавший это место в 129/130 г., был первым архонтом предыдущего года, т. е. 128/129 г. н. э. Таким образом, три представителя одной семьи занимали соответственно первое, третье и пятое место среди высших должностных лиц Херсонеса. Два из них были первыми архонтами, в отношении третьего это можно сказать пока предположительно. Следует отметить, что отец Аристана и Агеполиса, Т. Флавий Аристон, в свое время исполнял обязанности жреца Девы, а значит, имел большое влияние в Херсонесском государстве. Итак, представители этой семьи, вероятно, в течение нескольких десятилетий первой половины II в. н. э. являлись высшими должностными лицами.

Важную роль в политической жизни Херсонеса изучаемого времени играли и другие херсонеситы, получившие римское гражданство⁷⁷. В указанных декретах упомянуты еще три херсонесита с римскими именами: Т. Флавий Парфенокл, сын Флавия Насона, Луций Антоний Руф и Тит Флавий Ксанф, сын

77

Членами совета
и на высших
должностях бы-

ли не только римские граждане, однако благодаря номенклатуре последних легче проследить родство, что и заставляет нас подробно останавливаться на этих лицах.

78

Ргаепотен и по-мен Т. Флавий получали вместе с римским гражданством в течение всей эпохи правления Флавиев [322, с. 8].

Флавия Насона. Два первых были членами совета в 129/130 и 130/131 гг. н. э. и занимали соответственно шестое и восьмое места в списке, а третий (судя по имени, родной брат первого) был жрецом Девы и эпонимом 130/131 г. Братья Парфенокл и Ксанф принадлежали к другой богатой херсонесской семье, получившей римское гражданство в эпоху Флавиев⁷⁸. Позднее Парфенокл получил должность первого архонта [214, № 113]; его потомки (сын, внук) — также богатые херсонеситы. Известно, что у сына Парфенокла, Т. Флавия Парфенокла, был сын с таким же именем и невестка по имени Лаодика [308, № 431]. Что касается Луция Антония Руфа, то это, видимо, выходец из семьи римского вольноотпущенника [108, с. 85], ставший членом совета в Херсонесе.

Известны и другие херсонеситы с римским гражданством, занимавшие высокие посты в государственном аппарате. Например, в конце II в. н. э. первым архонтом был М. Аврелий Василидиан Александр, а потомок, вероятно, первой семьи Флавиев Т. Флавий Аристон — послом в Рим [308, № 404].

Итак, в изучаемый период в Херсонесе Таврическом установилась олигархический строй, а власть оказалась в руках наиболее богатых и влиятельных семей. Среди них были римские граждане (из числа коренных херсонеситов, римских отпущенников и их потомков). Эти лица занимали высшие магистратуры, являлись членами совета, исполняли обязанности жрецов Девы. В течение своей политической карьеры они последовательно проходили все ступени должностей государственного аппарата — от сравнительно скромной должности секретаря совета до первого архонта; затем становились членами совета, что позволяло им выполнять законодательные и исполнительные функции, которые они нередко наследовали от ближайших родственников. В изучаемое время наблюдался процесс отмирания коллегиальных органов управления: одни прекратили свое существование (коллегия стратегов, симмонаонов, астиномов), другие пережили упадок, утратив некоторые свои функции (коллегия номофилаков), в третьих произошло сосредоточение власти в руках одного члена коллегии (коллегия архонтов). В числе антидемократических тенденций в государственном строе Херсонеса того времени следует назвать появление обычая скреплять печатями декреты, издаваемые от имени Совета и Народа. В круг лиц, скреплявших печатями эти акты, входили, как правило, члены совета и высшие магистраты, что указывает на упадок роли Народного собрания и возрастание значения совета.

4

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ХЕРСОНЕСА

В первых веках нашей эры в составе населения города произошли изменения, однако степень этих изменений остается не выясненной, поскольку исследователи придерживаются различных точек зрения по данному вопросу. Кроме того, на наш взгляд, распространено преувеличенное представление об удельном весе туземного элемента среди жителей Херсонеса, что и заставляет нас вновь обратиться к изучению проблемы этнического состава населения Херсонеса в рассматриваемый период.

Источники по данной проблеме представлены отрывочными свидетельствами древних авторов, агнографических сочинений и довольно значительным числом эпиграфических документов (среди которых важное место занимают данные просопографии, полностью еще не введенные в научный оборот), а также многочисленными археологическими источниками, особенно материалами некрополя.

Литературные источники не позволяют представить этнический состав населения города в целом, поскольку их свидетельства малочисленны и фрагментарны. Однако некоторые данные этих источников имеют большую важность и требуют к себе пристального внимания. К их числу относятся свидетельства Плиния Старшего и агнографических источников.

Плиний Старший в своей «Естественной истории» писал, что «...Херсонес, которому дарована свобода римлянами; он раньше назывался Мегарикой и был блестящим пунктом на всем этом пространстве благодаря сохранению греческих обычаев» (Plin. NH, IV, 85). Это указание, относящееся к I в. н. э., по-видимому, можно рассматривать как доказательство преобладания в городе греческого населения, сумевшего сохранить свои обычаи. Оно подтверждается эпиграфическими памятниками, сохранившими дорийский диалект вплоть до середины II в. н. э., а также данными просопографии.

Среди агнографических источников особый интерес представляет «Страдание святых священномучеников и епископов херсонских Василяя, Капитона и иных с ними» [см. 143]. В этом житии, которое восходит к VII в. н. э., среди жителей города в конце III — начале IV вв. н. э. упоминаются греки и иудеи. Однако

присутствие последних не подтверждается другими источниками. В Херсонесе пока не зафиксированы семитские имена, нет упоминаний о синагогах, т. е. отсутствуют свидетельства, известные на Боспоре, где в составе населения были иудеи.

Все это заставляет с осторожностью отнестись к сведениям из жития о присутствии иудеев в Херсонесе, а также к попыткам некоторых исследователей говорить о проникновении в город иудеев [214, с. 268] и культов семитического характера [213, с. 188]. Последний вывод делает Э. И. Соломоник на основе наличия в Херсонесе культа Бога Высочайшего [213, с. 188]. Однако предлагаемая ею реконструкция надписей [213, с. 162 сл., № 84, 85] нам представляется очень смелой, поэтому нет полной уверенности в том, что эти памятники указывают на наличие культа этого божества. Кроме того, далеко не все исследователи признают за упомянутым культом непосредственную связь с еврейским населением, тем более что в первых веках нашей эры этот культ получил широкое распространение и среди других народов [154, с. 421], а под Богом Высочайшим нередко подразумевался Сабазий [116, с. 110]. Итак, при существующих источниках нам представляется преждевременным говорить о наличии в изучаемый период в Херсонесе иудеев.

Что касается свидетельства жития относительно греков, то оно показательно в том смысле, что они являлись той силой, которая успешно сопротивлялась распространению христианства, а следовательно, именно они составляли основную массу населения города.

При изучении этнического состава населения эпиграфические источники могут быть использованы как: а) содержащие просопографические, или ономастические, данные; б) упоминающие о различных этнических элементах в составе населения; в) содержащие данные и формулы, характерные для определенных областей, следовательно, указывающие на влияние или присутствие выходцев из этих областей.

Одним из важных источников при изучении этнического состава являются свидетельства херсонесской просопографии. В процессе многолетних исследований Херсонеса накоплен значительный материал об именах херсонеситов, что может помочь при решении многих вопросов, связанных с этническим составом населения города. Однако далеко не весь этот материал введен в научный оборот; изучение его только начинается.

Всего в лапидарных памятниках и среди граффити первых веков нашей эры зафиксировано свыше 400 имен, принадлежав-

ших примерно 360 лицам⁷⁹. Большинство имен — греческие, нередко в дорийской форме. Следует отметить, что часть этих имен ранее в Херсонесе, как и вообще в Северном Причерноморье, известна не была. В значительном количестве встречаются римские имена в греческой и латинской транскрипции. Известны полные римские имена, но чаще ргаепотеп и потеп, потеп или согпотеп. Следует отметить появление в ономастиконе греческих имен, образованных от римских. Имеются единичные имена фракийского, иранского, малоазийского происхождения, а также такие, происхождение которых пока неясно.

Все указанные имена по их происхождению можно подразделить на следующие: а) греческие — 287 (70,5%); б) латинские — 103 (25,5%); в) варварские и неясного происхождения — 17 (4%). В последней группе можно выделить имена: иранского происхождения — 3, фракийского — 3, малоазийского — 6, неясного происхождения — 5. Эти данные показывают, что в Херсонесе имена варварского происхождения крайне редки, что отличает его от других городов Северного Причерноморья.

Греческие имена. Мужские имена в своем большинстве сопровождалась патронимиконом в родительном падеже. Известны имена и без отчества, но встречаются они крайне редко либо на поврежденных памятниках, а также среди граффити. В отдельных случаях кроме имени отца указывалось еще и имя деда. В некоторых надписях после имени сына появляется указание ΥΙΟΥ — «сын», что характерно для римских надписей [244, с. 83 сл.], но прежде в Херсонесе не наблюдалось. Особенно часто такие указания встречаются в именах с римскими ргаепотеп и потеп и греческим согпотеп, например, Т. Флавий Аристон, сын Флавия Аристона [308, № 359; 227, с. 155].

Для обозначения женских имен, как и в предыдущий период [84, с. 137], существовало три варианта: указание личного имени; личное имя и имя отца (для незамужних); личное имя, имя отца и мужа (для замужних).

Одной из особенностей рассматриваемого времени является постепенное исчезновение дорийских имен, характерных для более раннего периода, и замена их именами в форме койнэ. Например, если в IV—II вв. до н. э. дорийских имен было свыше 17%, то в I—II вв. н. э. — только около 6%. Наряду с исчезновением дорийских имен наблюдалась также тенденция замены в некоторых именах дорийской формы формой койнэ. Так, вместо имени ΔΑΜΑΤΡΙΟΥΣ появляется ΔΗΜΗΤΡΙΟΥΣ [308, № 359, 454], вместо ΔΙΟΥΣΚΟΥΡΙΔΑΣ — ΔΙΟΥΣΚΟΥΡΙΔΗΣ [308, № 441], вместо ΠΑΠΑΣ, Α — ΠΑΠΙΑΣ, ΟΥ. Одновременно с сохра-

Число лиц установлено предположительно, так как одинаковые имена могли принадлежать разным лицам.

нившимися еще именем Матрадор довольно широко используется имя Мегродор [308, № 359, 389, 412, 458, 471, 513; 227, с. 155]. Распространение в Херсонесе дорийских имен, тогда как в других городах Северного Причерноморья они были неизвестны, позволяет считать, что их носители являлись коренными херсонеситами — выходцами из Гераклеи и их потомками. Это подтверждается высоким положением херсонесских граждан, носивших эти имена даже во II в. н. э.

Кроме имен в дорийской форме коренным херсонеситам, вероятно, принадлежали и те греческие имена, которые хорошо известны в других дорийских городах, но нигде больше в Северном Причерноморье не встречались. В Херсонесе эти имена появились задолго до нашей эры и присваивались гражданам на протяжении веков. К ним относятся: Боиск — известно в Мегариде (IG, VII, № 188; SEG, XIII, № 327), в Кирене (SEG, XVIII, № 327), на Родосе (SEG, XV, № 504); Евридам — известно в Гераклее [180, с. 124, № 109, 110]; Ксанф — известно в Месембри (IGRP, I, с. 291, № 332); Сополий — известно в Эпидавре [317, с. 35, № 56a]; Пифодот — известно в Гераклее [75, с. 190] и на Родосе (SEG, XII, № 360) — и некоторые другие. Носители этих имен, подобно херсонеситам с дорийскими именами также занимали высокое общественное положение. Среди них известны архонты [227, с. 155], номофилаки [308, № 359] и другие должностные лица. О близости имен херсонеситов с именами указанных двух групп свидетельствует тот факт, что нередко у сына было дорийское имя, а патронимикон принадлежал к рассматриваемой группе (ΔΑΜΟΚΛΗΣ ΛΑΓΟΡΕΙΝΟΥ) [318, № 359]. И наоборот, имя сына принадлежало к перечисленным выше, а патронимикон был дорийский — ΒΟΙΣΚΟΣ ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΔΟΥ [227, с. 155]. Хотя генетив патронимикона не в дорической форме, но имя Диоскурид дорийское. В Северном Причерноморье оно неизвестно, но распространено в дорийских центрах [297; 34, с. 255].

Значительно сложнее выяснить происхождение носителей таких имен, как Агафон, Аполлодор, Аристон, Геродор, которые известны в дорийских центрах, но вместе с тем и в других греческих городах Понта и Средиземноморья. Однако появление их в Херсонесе в IV—II вв. до н. э. и бытование вплоть до первых веков нашей эры, вероятно, может свидетельствовать в пользу принадлежности их коренным херсонеситам.

Среди греческих имен херсонеситов имеется значительная группа имен, хорошо известных в других городах Северного Причерноморья, а также Средиземноморья. Среди них можно

назвать мужские — Афеней, Александр, Алким, Аполлоний, Диоген, Дионис, Зет, Героксен, Феаген, Феоген, Феофан, Феодосий, Феофил, Гикезий, Гилар, Калликл, Каллистрат, Кулий, Критобул, Менофил, Метродор, Мирон, Парфенокл, Поликрат, Понтик, Стратоник, Тесмофей и др.; женские — Гемера, Лаодика, Ойнанфа. Наиболее распространенными были имена Александр, Аполлоний, Диоген, Зет, Феаген. В херсонесских надписях имя Александр встречалось в 5 случаях, Аполлоний — в 10, Диоген — в 9, Зет — в 9, Феаген — в 4, Парфенокл — в 4 случаях. Только часть имен этой группы известна в Херсонесе в IV—I вв. до н. э. — Афеней, Александр, Алким, Аполлоний, Дионисий и Зет. Все остальные появляются и получают распространение в первых веках нашей эры. Обращает на себя внимание то, что многие имена теофорные (Афеней, Аполлоний, Диоген, Дионисий, Героксен, Феаген, Феоген, Феофан, Феодосий, Феофил, Менофил, Метродор, Тимофей и др.), другие в свое время принадлежали выдающимся политическим деятелям (Александр, Поликрат), а некоторые, видимо, привлекали своей значимостью (Стратоник). Есть и имена явно рабского происхождения (Гилар, Гикезий).

Сравнительно позднее проникновение названных имен в Херсонес, при наличии среди них теофорных, широко распространенных в среде вольноотпущенников [162, с. XXIX сл.], и имен рабского происхождения, позволяет поставить вопрос о том, что часть этих имен принадлежала вольноотпущенникам и выходцам из других городов, а также их потомкам. В пользу такого вывода свидетельствует тот факт, что отдельные имена (Александр, Аполлоний, Феаген) встречаются на надгробиях с эпитафиями малоазийского типа, ранее в Херсонесе не известных. Не исключено, что некоторые имена проникали из городов, с которыми Херсонес поддерживал оживленные экономические связи. Показательным в этом смысле является и имя Гикезий. В Херсонесе оно упомянуто только в декрете в честь Папия (130/131 г.) [227, с. 155], но очень распространено в Ольвии [308, № 132, 160, 201], Синопе [68, с. 190], Милете [273, с. 531], Фазосе (SEG, XVII, № 427; XVIII, № 354) и на Боспоре [126, № 1072, 1102].

Малоазийские имена. Среди имен херсонеситов есть несколько таких, которые появляются в первых веках нашей эры и имеют, вероятно, малоазийское происхождение. Это Аппа, Элис, Лилис, Мирисм и женское имя Мата.

Имя АППΑΣ встречено дважды в надписях первой половины II в. н. э. среди имен должностных лиц: один раз в качестве

патронимикона [308, № 363], а другой — как имя с патронимикомом ХР[ΗΣΤΙΩΝΟΣ?] [214, № 111]. В остальных городах Северного Причерноморья это имя неизвестно. Поскольку оно редкое, можно полагать, что его носители — родственники, вероятно, отец и сын⁸⁰. Но в Малой Азии имя Аппа, очень распространенное в Вифинии, Мизии, Фригии, Писидии (МАМА, VII, № 4, 55, 67 и др.; [345, с. 71]) и Ликии, было, по-видимому, туземным. К туземным малоазийским Л. Згуста относит также имя ΗΛΙΣ. В Херсонесе оно зафиксировано дважды. В одном случае это имя херсонесита [308, № 582], в другом — амастрийца [308, № 542].

Имя ΛΙΛΛΙΣ, которое Л. Згуста считает малоазийским [345, с. 271], встречено на херсонесском надгробии с портретным изображением [308, № 491]. Будучи присоединенным с помощью Ο ΚΑΙ к имени с патронимикомом ΣΗΒΗΡΑΣ ΛΙΛΛΩΝΟΣ, оно служило агномен⁸¹. В Риме 26% агνομένα принадлежали варварам [302, с. 14]. В пользу точки зрения Л. Згуста говорит патронимикон ΛΙΛΛΩΝΟΣ, так как близкое ему имя ΛΙΛΛΙΟΝ известно в Вифинии [316]. О малоазийском происхождении умершего свидетельствует также то, что в эпитафии указан его возраст.

Среди мужских имен известно еще одно — ΜΥΡΙΣΜΟΣ, которое, вероятно, малоазийского происхождения [345, с. 340]. В Херсонесе оно появилось не ранее III в. н. э. [213, с. 55], а в других городах Северного Причерноморья не встречалось.

Из женских имен к малоазийским можно отнести имя ΜΑΤΑ. В Херсонесе оно появилось не ранее II—III вв. н. э. [254, с. 76—77]), но в Малой Азии встречалось неоднократно [345].

Присутствие данной группы имен в Херсонесе (в других городах Северного Причерноморья они не обнаружены) позволяет предположить, что в городе жили уроженцы Малой Азии. Такой вывод хорошо согласуется с наличием в Херсонесе значительной группы малоазийских эпитафий, содержащих некоторые из этих имен.

Иранские имена. Несколько имен, имеющих иранское происхождение [346, с. 107, 120], впервые появляются в Херсонесе в первых веках нашей эры. Все они — мужские: Катнион, Намух, Фарнак. Имя Катнион упоминается в надгробной надписи [308, № 451] и больше ни в Херсонесе, ни в других городах Северного Причерноморья не найдено. Не встречалось нигде, кроме Херсонеса, и имя Намух, обнаруженное в строительной надписи II в. н. э. [308, № 438]. Намух исполнял обязанности старейшины города и эпимелета. Имя Фарнак встречалось в Херсо-

80

Такого же мнения придерживается и Э. И. Соломоник [214, с. 36].

81

По мнению И. Каянто, агномен типичен для номенклатуры простонародья и происходит с греческого Востока.

несе неоднократно. В одном случае его носил уроженец Амастрии [308, № 358], все остальные принадлежали херсонеситам [308, № 442; 254, с. 77]. Имя Фарнак широко известно на Боспоре [126, № 319, 500, 526, 1133, 1141 и др.], в Амисе [154, с. 240 сл.] и Синопе [154, с. 351; 325, с. 278]. Его носителями были не только персы [248, I, 129, 1; II, 67, 1], но и греки. В первых веках нашей эры в Херсонесе появляется грецизированная форма этого имени — Фарнакион [213, № 52]. Особенно популярным оно было на Боспоре [126, № 947, 1128, 1129, 1140, 1147 и др.], но известно и в Ольвии [160, № 143, 145].

Наличие указанных имен в Херсонесе свидетельствует о контактах с Малой Азией, а возможно, с туземным элементом иранского происхождения. Однако указаний на присутствие этих элементов в городе (за исключением носителя имени Фарнакион, который несомненно был уроженцем Малой Азии), на наш взгляд, нет.

К вопросу об имени Скиф. Это имя требует специального рассмотрения, поскольку некоторые исследователи признают его важнейшим доказательством присутствия скифов в составе населения Херсонеса [74, с. 81 сл.; 183, с. 251; 182, с. 183]. На этом же основании считают, что скифы в городе были землевладельцами, занимали магистратуры, исполняли обязанности прокшенов, а следовательно, являлись полноправными гражданами и даже принадлежали к верхам херсонесского общества. Такие выводы создают превратные представления о взаимоотношениях между херсонеситами и туземным населением.

В нашей литературе имеется также мнение о том, что имя Скиф не указывает на негреческое происхождение его носителей [126, с. 676; 17, с. 158 сл.]. Аналогичную точку зрения высказал болгарский эпиграфист Г. Михайлов (IGBR, I, с. 38). Однако мнение о скифской принадлежности носителей имени Скиф не только сохранилось, но и находит себе новых сторонников [84, с. 167]. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют против того, что это имя указывает на негреческий этникон.

В числе имен, воспроизводящих племенные названия и широко известных в греческой среде, кроме имени Скиф встречаются Айгипт, Армен, Ассирий, Перс, Киммерий и многие другие. Но это не значит, что все их носители были египтянами, армянами, ассирийцами, персами, киммерийцами. Некоторые из них действительно могли принадлежать рабам или вольноотпущенникам (по-видимому, соответствующего происхождения), получившим свои имена как клички от работоторговцев или хозяев. Так, Скифом звали раба Помпея (Plut. Rom., 78). Некоторые

же несомненно принадлежали грекам. Например, брат Гесиода, живший в VIII в. до н. э., получил имя Перс [61, 10, 27, 213 и др.] в честь мифического родоначальника персов, от которого последние якобы и получили свое название [60, VII, 61]. Имя Киммерий носили жители Эфеса [273] и Родоса (SEG, XII, № 360), по-видимому, греческого происхождения, так как иначе, следуя логике сторонников мнения, что личное имя — показатель этноса, нужно признать, что в Эфесе и на Родосе в V—III вв. до н. э. жили киммерийцы.

Имя Скиф широко известно среди жителей греческих городов на берегах Понта, в Восточном Средиземноморье и даже на Сицилии с VI в. до н. э. до первых веков нашей эры. В большинстве случаев носители этого имени не только имеют греческие патронимиконы, но и занимают видное общественное положение, выступая в качестве должностных лиц, землевладельцев, проксенов и т. п. В VI в. до н. э. имя Скиф носил правитель города Занклы (Сицилия), уроженец Коса, который, как и его сын Кадм, слыл честнейшим среди греков [60, VI, 23—24; VII, 163—164]. В V в. до н. э. носители имени Скиф известны в дорийских городах Спарте, где так звали начальника гоплитов, а позднее — посла (Xen. Hell., III, 4, 20; Plut Ages., 16), Галикарнассе (Ditt. Syll., I, № 46) и Гераклее Понтийской, а также на острове Фазосе, где его носил отец архонта [319, с. 313]. В III в. до н. э. имя Скиф встречалось на Делосе [286, с. 463] и Эвбее, в Элейте (Этолия) [346, с. 337], в Горгиппии и колониях Гераклеи Понтийской — Каллатии и Херсонесе⁸². Вероятно, к тому же времени относится появление имени Скиф в Эпидавре (IG, IV, 1234). В начале I в. до н. э. это имя зафиксировано в Магнезии на Меандре [306, с. 100], а в I—II в. н. э. — в Бизоне, где его носили жрецы: ΘΕΟΓΕΝΗΣ ΣΚΥΘΟΥ, ΠΡΟΚΛΟΣ ΣΚΥΘΟΥ, ΣΚΥΘΗΣ ΘΕΟΓΕΝΟΥ, ΘΕΑΙΓΗΣ ΣΚΥΘΟΥ (IGBR, I², № 6). Носители имени Скиф жили в дорийском Калхедоне [346, с. 337], на Самосе [149, с. 353], в Эфесе, Милете, Колофоне, Илионе (Трое) [324, с. 520—521], а также в Македонии. Так звали сына мифического героя Геракла [60, IV, 10], а версию о пребывании Геракла в Скифии и имена сыновей Геракла, по словам Геродота, передавали припонтийские греки [60, IV, 8—10].

Следовательно, имя Скиф было достаточно распространенным среди греков. Носители его жили в различных районах метрополии и в колониях, не только на Понте, но и в Западном Средиземноморье, где о скифах имели, вероятно, довольно смутные представления. Оно употреблялось, по меньшей мере, в течение восьми веков, что указывает на его популярность в гре-

На Эвбее было несколько лиц с этим именем или патронимиконимом (IG, XII, 9, № 183, 245B, 246).

ческой среде. Об этом свидетельствует и наличие производных форм от ΣΚΥΘΗΣ—ΣΚΥΘΙΟΣ, ΣΚΥΘΩΝ, ΣΚΥΘΙΝΟΣ. При таком положении объяснить появление имени Скиф в греческих городах только присутствием в них скифов, видимо, можно только в исключительных случаях, как, например, в Афинах, где скифы-рабы использовались в качестве полицейских [70, с. 232]. Однако этот источник распространения данного имени был незначительным, поскольку именно в Афинах зафиксирован только один гражданин по имени Скиф [334, с. 152]. В других случаях, на наш взгляд, наличие этого имени, а возможно и этнического названия скифы (σκύθαί), в греческой среде объясняется возникновением их именно в этой среде⁸³, поскольку сами скифы себя так не называли, а получили это название от греков. Это свидетельство Геродота [60, IV, 6] вызвало сомнения. Одни исследователи уверены в иранском происхождении термина скифы [158, с. 281; 336, с. 227], другие указывают на присутствие αḡgūzaai и iškūzaai соответственно в анналах и оракуле ассирийского царя Асархаддона (VII в. до н. э.) передававших название «скифы», [175, с. 81]. Однако иранское происхождение термина далеко не бесспорно, а наличие слов «ашкуза» и «ишкуза» в ассирийских источниках показывает только, что и другие народы, а не только греки, называли так скифов. Геродот же прав в том смысле, что именно греки называли скифов σκύθαί. А того, что это греческая форма, независимо от этимологии термина, не оспаривают даже сторонники его иранского происхождения [см. 336, с. 316]. Иногда это имя образовывалось из прозвища, что можно видеть на примере спартанца Деркиллида, которого за хитрость и жестокость называли Σκύθος [329, с. 316]. В дорийских городах, особенно в Геракле и ее колониях, где весьма почитался Геракл, могло быть популярным имя его сына Скифа.

Греческое происхождение имени Скиф находит подтверждение и в этимологии. По мнению А. А. Белецкого [17, с. 158], греческое собственное имя Σκύθης могло быть связано с корнями таких греческих слов, как σκῦδαίνειν, σκῦζεσθαι — «сердиться» или σκῦθρος — «мрачный», «печальный» и т. п. То, что σκύθαί — производное от глагола σκῦζεσθαι, утверждали еще древние, например Стефан Византийский [329, с. 265].

Таким образом, имя Скиф, которое считалось важнейшим доказательством против греческой принадлежности его носителей, имеет этимологические корни в греческом языке, что наряду с приведенными выше историческими данными свидетельствует в пользу принадлежности его грекам⁸⁴.

Не будучи специалистом в этой области, автор не берется решать данный вопрос. Отметим лишь, что и среди лингвистов нет единой точки зрения по поводу происхождения термина σκύθαί, хотя дискуссия длится около 150 лет. Долгое время его рассматривали только как греческую форму иранского asku-ḡa. Но даже не все сторонники иранского происхождения скифов (например, В. И. Абаев) придерживались этой гипотезы [4, с. 243]. Недавно В. И. Абаев вернулся к этому вопросу и теперь полагает, что скифы получили свое название от германцев. По мне-

нию А. А. Беллечкого, греческий термин «скифы» мог повлиять на негреческое племенное название [32, с. 83].

84

Следует отметить, что и в указателях личных имен имя Скиф обычно относят к числу греческих [346; IGBR, 12, с. 451]. В свое время Ф. Юсти не включил его в число иранских [300].

85

По свидетельству Б. Н. Гракова, скифы-кочевники появляются в степном Крыму в конце VII в. до н. э., а скифские поселения — «только в конце IV в. до н. э. по долинам предгорных рек

Указывая на присутствие скифов в составе населения Херсонеса, обычно ссылаются на херсонесских граждан, которые имели имя или патронимикон Скиф: Скифа, сына Сополия, — астинома, Гимна, сына Скифа, — дельфийского проксена, Гимна, сына Скифа, — астинома, Гимна, сына Скифа, — землевладельца, еще одного землевладельца с патронимиконом Скиф и Феогена, сына Скифа [74, с. 81, 88]. Перечисленные лица считаются представителями скифской семьи, проживавшей в Херсонесе в III—II вв. до н. э., а Скиф, сын Феагена, упоминаемый во II в. н. э., рассматривается как прямой потомок этого семейства [182, с. 183].

Однако обращает на себя внимание тот факт, что имя Скиф известно не только в Херсонесе, но и в его метрополии — Гераклее Понтийской, где его носили «фабриканты» и эпонимные магистраты [74, с. 81 сл.; 75, с. 185, 190; 48, с. 227; 181, с. 19]. Б. Н. Граков, который первым обратил на это внимание, пытался доказать, что имя Скиф в Гераклее «... могло появиться только тогда, когда оно было в ходу в ее северной колонии, а именно, в IV—III вв. до н. э. [74, с. 82]. Но это утверждение противоречит имеющимся у нас данным, поскольку в Херсонесе имя Скиф появляется не ранее второй половины III в. до н. э. [13, с. 111; 97, с. 149; 308, № 403] и единственная точная дата—195/194 г. до н. э.—указана в дельфийском списке проксенов, где упомянут херсонесит Гимн, сын Скифа [70, с. 249, № 14]. В Гераклее же, по свидетельству Б. Н. Гракова, имя Скиф известно среди «фабрикантов» и магистратов уже в IV в. до н. э. [69, с. 88]. Уточнение хронологии гераклейских клейм, начатое Б. Н. Граковым, а в последнее время продолженное другими исследователями, позволяет считать, что имя было известно в Гераклее еще в первой четверти IV в. до н. э., а возможно, в конце V в. до н. э. [48, с. 220], т. е. как минимум на сто лет раньше, чем в Херсонесе. Следовательно, в Гераклее Понтийской имя Скиф носили магистраты и «фабриканты» тогда, когда в Крыму еще не было скифских поселений⁸⁵, а значит, оно не могло проникнуть в Херсонес в результате «близкого и живого соприкосновения со скифами» [74, с. 80]. Не следует также забывать о характере отношений Херсонеса со скифами, которые всегда были враждебными, и это прекрасно показали А. И. Тюменев [241, с. 48 сл.] и Б. Н. Граков [74, с. 80—81].

Итак, факты свидетельствуют о том, что имя Скиф не из Херсонеса проникло в Гераклею, а наоборот, из метрополии в Херсонес. Такой вывод хорошо согласуется с присутствием носителей этого имени в другой колонии Гераклеи — Каллатии. Там в надписи III в. до н. э. упоминается фиасит Аристион, сын Скифа,

внесший на постройку храма 15 эргатов [34, с. 254, № 23]. Известно имя Скиф и среди жителей еще одной мегарской колонии — Калхедона [346, с. 337]. Следует также отметить, что во всех названных городах это имя употреблялось в дорической форме (ΣΚΥΘΑΣ, Α), причем в Херсонесе — до II в. н. э. включительно [308, № 493], когда количество имен в такой форме было уже ничтожным. Все это свидетельствует о том, что в Херсонесе и Каллатии имя Скиф появилось вместе с колонистами из Гераклеи Понтийской, а следовательно, его носители были коренными херсонеситами. В пользу греческой принадлежности носителей имени Скиф свидетельствует и тот факт, что оно всегда сопровождалось греческим патронимиконом (Сополий, Феаген), а в тех случаях, когда оно было именем отца, сын носил греческое имя (Гимн).

Наконец, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в античных городах Северного Причерноморья, в частности в городах европейского Боспора и в Ольвии, по соседству с которыми жили скифы, имя Скиф не встречается. А среди жителей Горгииппии известны ΠΑΣΙΩΝ ΣΚΥΘΑ, ΑΡΙΣΤΟΚΛΗΣ ΣΚΥΘΑ, ΣΚΥΘΑΣ ΑΡΙΣΤΟΔΗΜΟΥ, ΣΚΥΘΑΣ ΘΕΟΔΩΡΟΥ, ΑΡΙΣΤΟΔΗΜΟΣ ΣΚΥΘΑ и др. Все имена — в дорийской форме и сопровождаются греческими патронимиконами [126, № 1137]. Соседями этого города были синды, тореты и другие туземные племена, однако скифов поблизости не было⁸⁶. Если бы носителями имени Скиф в античных городах были лица скифского происхождения, то более естественным было бы их присутствие в Ольвии, которая поддерживала со скифами тесные экономические связи и некоторое время зависела от них и по соседству с которой проживали каллипиды или эллиноскифы [60, IV, 17].

Станным поэтому кажется, что в Херсонесе, находившемся со скифами во враждебных отношениях, не только принимали скифов, но и представляли им гражданство, позволяли владеть землей, избирали магистратами, отправляли послами в Дельфы и т. п. Такими правами могли обладать только коренные жители Херсонеса, т. е. лица, оба родителя которых принадлежали к гражданской общине, основанной гераклеотами. Об этом свидетельствуют не только дорийские имена херсонеситов, но и дорийский диалект официальных и частных документов вплоть до II в. н. э. Иноземцы могли, конечно, в отдельных случаях за особые заслуги перед херсонесским государством получить гражданство. Но следует подчеркнуть, что, допуская в свою среду новых граждан, а это делалось в мегарских колониях значительно реже, чем в других городах [125, с. 69 сл.], греческие гражд-

и на западном морском побережье» [73, с. 72—73]. Однако раскопки последних лет на западном побережье Крыма (т. е. в том районе, где могли происходить контакты херсонеситов со скифами) показывают, что скифские поселения появляются там не ранее середины II в. до н. э. [267, с. 36], и только в одном случае имеются следы оседлого населения, относящиеся к III в. до н. э. [86, с. 299].

86

Очень заманчивым представляется связать появление имени Скиф в Горгииппии с переселенцами из Каллатии, прибывшими на Азиатский Боспор во времена боспорского царя Эвмела (310—304 гг. до н. э.) [90, XX, 25]. В свое время В. В. Латышев, указывая на наличие в Горгииппии дорийских имен, делал вывод о присутствии в городе дорийцев [146, с. 258].

данские общины стремились оградить себя от «нежелательных» элементов, которыми считались бедняки и варвары [203, с. 48]. Скифы относились именно к таким элементам. Поэтому нельзя согласиться с тем, что им предоставлялись гражданские права, магистратуры, земельная собственность в таком городе, как Херсонес, который значительно дольше других городов Северного Причерноморья сохранял греческие обычаи (Plin. NH., IV, 85), дорийский диалект, где еще в первых веках нашей эры помнили о мифическом родоначальнике дорян Доре [308, № 436].

Нам представляется, что приведенные выше факты достаточно убедительно свидетельствуют против отнесения имени Скиф к скифскому семейству, якобы проживавшему в Херсонесе. На наш взгляд, это имя принесли в Херсонес гераклейские колонисты. При таком толковании становится понятной принадлежность носителей имени Скиф к числу землевладельцев и к гражданской общине, а также та заметная роль, которую они играли в политической жизни города.

Фракийские имена. Среди имен, известных в Херсонесе в первых веках нашей эры, можно с большей или меньшей вероятностью выделить группу имен фракийского происхождения: Басс, Газурий, Герман, Дулон, Местрис, Сирион. По поводу их принадлежности ведется дискуссия среди специалистов. Например, И. Руссу не включил в число фракийских имя Газурий, которое Г. Матееску и Д. Дечев рассматривают как фракийское. Нет в списке И. Руссу и имени Местрис, которое Г. Матееску считает фракийским. Вместе с тем, по мнению И. Руссу, к фракийским следует отнести имя Дулон, хотя другие исследователи не считают его фракийским [327, с. 318 сл.; 312, с. 227 сл.; 286, с. 97, 450, 472; 31, с. 35]. Однако если даже принадлежность этих имен к группе фракийских вызывает дискуссию, в еще большей степени сомнительно, что их носили представители фракийского элемента, хотя в Херсонесе обнаружены некоторые археологические свидетельства его пребывания [265, с. 135 сл.; 64, с. 56]. Если не исключена принадлежность к фракийским имени Сирион, которое всеми признается фракийским [327, с. 330; 312, с. 238; 31, с. 35] и в Херсонесе, вероятно, принадлежало вольноотпущеннику и его сыну, то это весьма сомнительно по отношению к именам Басс и Герман, широко использовавшимися как *cognomen* римлянами, провинциалами, солдатами и офицерами. Среди носителей *cognomen* Басс — легат М. Антония [235, V, 9], консул 64 г. [234, XV, 33], лирический поэт (Suet. Pers., 3), историк (Tac. Dial., 23), командир XI легиона

[235, III, 50], командир Мизенской и Равеннской эскадр [235, II, 100, 108; III, 12, 13, 36, 40] и многие другие лица, которых трудно заподозрить в фракийском происхождении. Кроме того, это одно из рабских имен, иногда указывающих этникон. Й. Каянто считает данное имя этрусским или латинским [303, с. 524].

Имя Герман могло образоваться от этникона (германец) или от латинского прилагательного *germanus* — «родной», «единокровный» [296, с. 98]. Его носили рабы [296, с. 98] и свободные. Среди последних есть лица явно восточного происхождения. Известен легионер из Тира *S. Valerius Germanus* [292, с. 247, № 68, III, 1]. Сомнительна принадлежность к фракийским имени Газурий. Оно встречалось в Херсонесе неоднократно [308, № 385, 389, 412, 471; 214, № 112]. Его носили представители господствующей верхушки, занимавшие высшие магистратуры вплоть до первого архонта. В имени ΔΟΥΛΩΝ ясно читаются только первые четыре буквы, и оно могло быть ΔΟΥΛΟΣ [213, с. 99], т. е. обычным греческим.

Итак, вероятность наличия фракийского элемента в составе населения Херсонеса имеется, но она очень невелика. Более возможно присутствие в ономастиконе фракийских имен. Однако до сих пор продолжается дискуссия по поводу того, каким образом они могли появиться среди населения Северного Причерноморья. Одни исследователи связывали эти имена с киммерийцами [200, с. 32; 315, с. 37], другие представляли их как результат недавнего переселения фракийцев в Северное Причерноморье [312, с. 223 сл.] В настоящее время первой точки зрения придерживаются И. Руссу [327, с. 318 сл.] и В. Д. Блаватский [36, с. 22 сл.]. Проблема, однако остается нерешенной [247, с. 71].

Судя по данным просопографии Херсонеса, здесь фракийские имена прослеживаются главным образом с первых веков нашей эры⁸⁷. Появление их, равно как и фракийских памятников материальной культуры, по-видимому, можно связать с проникновением провинциалов из Подунавья, но особенно с пребыванием в составе римского гарнизона в Херсонесе солдат-фракийцев, а также членов их семей. На это указывает присутствие фракийских имен в латинской транскрипции на надгробиях солдат херсонесского гарнизона.

Римские имена, которые встречаются в Херсонесе, можно подразделить на имена в греческой и латинской транскрипциях. В свою очередь, среди них можно выделить полные римские имена (*tria nomina*) и неполные.

В греческой транскрипции полные римские имена встречаются редко. Из двух известных в настоящее время одно при-

Попытка Э. И. Соломоник отнести к фракийским имя ΔΑΛΙΣ, обнаруженное на надгробии IV—III вв. до н. э. [215, с. 71], представляется нам неправомерной.

надлежало должностному лицу, упоминаемому в декрете 130/131 г. н. э., Луцию Антонию Руфу [227, с. 155]. С точки зрения ономастики имя не вызывает сомнений в смысле принадлежности римлянину. Однако общественное положение Луция Антония Руфа заставляет с осторожностью отнестись к вопросу о его этнической принадлежности. Обычно римляне, поселившиеся в провинциальных городах, не получали гражданских прав, а образовывали особую группу, которая занимала привилегированное положение, а поэтому не считала нужным пользоваться гражданскими правами и участвовать в работе совета и Народного собрания⁸⁸. Если бы Луций Антоний Руф был римлянином, проживавшим в Херсонесе, он не входил бы в состав совета, куда избирали граждан города. Судя по имени, Л. Антоний Руф — несомненно римский гражданин, но по происхождению грек, а имя получил с правами римского гражданства или от своего отца — римского отпущенника.

88

Подробно о правовом положении римлян указано в работе [203, с. 131].

Другое полное римское имя — Гай Юлий Эмилиан — упоминается в декрете около середины II в. н. э. [308, № 363; 214, № 112] и также принадлежало архонту или члену совета — херсонеситу, принявшему имя вместе с правами римского гражданства. Иначе нужно признать, что в составе херсонесского совета и среди магистратов были римляне, что не подтверждается источниками, которыми мы располагаем.

Неполные римские имена были двойные (с отсутствующими *граепотіна* или *согнопіна*) и такие, которые содержали либо *граепотен*, либо *согнопен*. Последние составляли большинство. Известны также имена, по происхождению римские, но имевшие греческую структуру — имя и патронимикон.

Среди двойных имен можно назвать следующие: Марк Ульпий [308, № 363; 214, № 112], Гай Юлий [308, № 702], Эмилиан Сабин [214, № 111]. Все три имени принадлежали херсонесским должностным лицам, и видеть в них римлян у нас нет оснований.

Граепотіна и *согнопіна* представлены следующими: Марк, Валериан, Валерий, Приск, Руф, Руфин. В двух случаях имя Марк [308, № 392, 393] — сохранившаяся часть императорского имени Марк Ульпий, т. е. это имена херсонеситов, получивших их с правами римского гражданства. Имя Валериан встречено дважды: в одном случае это имя херсонесского богача, пожертвовавшего 500 денариев [308, № 446], а в другом — патронимикон в генетиве [308 № 501]. Оба имени, вероятно, принадлежали грекам, так как по своей структуре они греческие. Римское имя Валерий носил сын ветерана Аврелия Домна [308, № 484];

и отец и его сын обладали римским гражданством, но, судя по греческому надгробию, были греками. Имя Приск в Херсонесе известно в качестве патронимикона Аврелия Дионисия. Последнее имя с греческим *cognomen* принадлежало греку, а следовательно, и Приск не был римлянином. Имя Руф было частью имени херсонесского должностного лица [308, № 363]. Наконец, Руфин, как и два предыдущих, относится к числу *cognomina*. Встречено в качестве патронимикона у Гераклида [213, № 19] — одного из херсонеситов, поставивших приношение божеству. Следовательно, и в данном случае имя римское только по происхождению⁸⁹.

К числу римских по происхождению, но греческих по структуре относятся имена Юлиан, Аквила [308, № 363], Петроний Марин [227, с. 155], Валериан Гай [308, № 446]. Их носители, как уже отмечалось выше, не были римлянами.

Римские имена с греческим *cognomen*. Примерами таких имен могут служить Т. Флавий Аристон, Флавий Партенокл [308, № 359, 389, 404, 431, 432, 702]. Они появились в Херсонесе в первых веках нашей эры и принадлежали херсонеситам, получившим права римского гражданства. Получая эти права, жители Херсонеса к своим греческим именам, сохранявшимся в виде *cognomina*, присоединяли *praenomina* и *nomina* римских императоров, при которых были дарованы права римского гражданства⁹⁰.

Среди подобных имен, бытовавших в Херсонесе, встречаются *praenomina* и *nomina* Флавиев и Ульпиев [308, № 363, 392, 453, 701], *nomina* Элиев [308, № 701], *praenomina* и *nomina* Аврелиев [308, № 393, 442; 213, № 19]. Последний встречается в сокращении [308, № 393, 443], что характерно для имен со времени Каракаллы⁹¹.

Таким образом, судя по именам, в Херсонесе проживали римские граждане из числа местных жителей, получавшие гражданство при Флавиях, а также при Антонинах (Ульпии, Элии, Аврелии) и даже в III в. н. э. после эдикта Каракаллы. Наибольшее распространение имели имена Флавиев (Т. Флавий ...). Среди херсонеситов, носивших эти имена, несомненно, были родственники, на что в свое время обратил внимание В. В. Латышев [146, с. 314, сл.]. Он считал их членами одной семьи, и это мнение распространилось в литературе, посвященной Херсонесу [26, с. 104; 214, с. 254]. Однако Флавии принадлежали по меньшей мере к трем-четырем семьям, о чем свидетельствуют их греческие имена, употребленные в качестве *cognomina*.

В исследовании аналогичных имен из Ольвии Т. Н. Книпович пишет, что рассматривать их носителей как лиц с римским граж-

89

Оно появляется в конце I в. н. э., наиболее широкое распространение имело среди солдат [284, с. 47; 293].

90. Подробно этот вопрос освещен в работах [135, с. 224 сл.; 258, с. 257; 31, с. 24 сл.; 322, с. 6 сл.; 274].

91

Впервые на это обратил внимание У. Рамсей [322, с. 8].

данством можно только предположительно, поскольку их появление в Ольвии относится ко времени, когда город еще не вошел в состав провинции [114, с. 192, 195]. Однако, на наш взгляд, автор не только проявил излишнюю осторожность, но и искажил истинную картину, так как в Ольвии проживали вольноотпущенники и ветераны, получившие римское гражданство до переселения в город. А возможно, римляне предоставляли права гражданства местной знати в процессе подготовки к включению Ольвии в состав провинции. В пользу этого свидетельствуют имена с *praenomen* и *cognomen* императоров, которые имели право носить только римские граждане. Самовольное присвоение такого имени каралось римскими властями⁹².

Среди римских имен в Херсонесе есть небольшая группа, не связанная с получением римского гражданства. По своей структуре это имена греческие, так как употреблялись с патрионикомом в генетиве (Луций, сын Гилара [227, с. 155], Бассиан, сын Афenea [212, с. 97], Юлиан, сын Мирона [308, № 576], Марциан, сын Александра [308, № 486] и патрионимиконы у них греческие⁹³. Появляются эти имена во II в. н. э. и ранее известны не были. По-видимому, они вошли в ономастикон под влиянием Рима, но носили их не римляне. Первое из этих имен принадлежало, вероятно, сыну вольноотпущенника, о чем говорилось выше.

Таким образом, изучение римских имен в греческой транскрипции показывает, что носили их не римляне, а в основном херсонеситы, обладавшие правами римского гражданства, но некоторые принадлежали вольноотпущенникам, их потомкам из числа провинциалов, возможно, ветеранам, поселившимся в городе.

Римских имен в латинской транскрипции меньше, чем в греческой. Их можно подразделить на полные (*tria nomina*), неполные (*namen*, *cognomen* или *praenomen*, *namen*) и содержащие римские и греческие *cognomina*. Если последние все же указывают на этническую принадлежность их носителей, то с первыми дело сложнее, поскольку даже носитель полного римского имени далеко не всегда был уроженцем Рима или Италии. Ясно только одно, что все эти имена указывают на присутствие в Херсонесе иноземцев, происходивших из провинций Римской империи.

Полные римские имена встречены в нескольких случаях. Одно принадлежало Титу Флавию Цельсину [213, № 59]. *Cognomen Celsinus* встречался в Норике, Паннонии, Фракии, т. е. в Придунайских провинциях. С одним именем из Паннонии совпадает и *namen* [213, с. 125]. Можно отметить, что в Италии такой *cognomen* неизвестен и вообще встречается довольно редко.

92

Способы получения гражданства были разнообразные, поэтому решать данный вопрос отрицательно только основываясь на том, входил ли город в состав провинции, нам представляется неверным.

93

Большинство исследователей (Тиландер, Тэйлор) считают имя Гилар греческим, однако Каянто относит его к латинским именам [303, с. 522].

[321; 304]. Поэтому, несмотря на то что это полное имя и принадлежало оно бенефициарию консуляра XI Клавдиева легиона, у нас нет уверенности, что его носитель был римлянином.

К полным римским можно отнести еще два имени, принадлежавших отцу и двухлетнему сыну: Л. Аврелий Антигон и Л. Аврелий Север [308, № 565]. Л. Аврелий — одно из имен императора Коммода [321, I, с. 201], которое присваивалось лицам, получавшим римское гражданство при этом императоре [31, с. 25]. О том, что имя отца принадлежало не римлянину, а греку, указывает *cognomen* Антигон — имя нескольких эллинистических династий, начиная с Антигона Одноглазого. Любопытно, что Л. Аврелий Антигон и своему сыну присвоил царское имя — *cognomen* императора Севера. Возможно, это было вызвано политическими соображениями. Получив римское гражданство при Коммодe, Антигон в дальнейшем, стремясь показать свою лояльность, дал сыну имя основателя этой династии.

К полным римским относится имя солдата II Луцензиевой когорты, похороненного в Херсонесе во II в., — М. Антоний Валент [308, № 555]. Во вспомогательные войска, к которым относилась когорта, набирались, как правило, перегрины, следовательно, несмотря на полное римское имя, его носитель римлянином не был. Когорта первоначально была укомплектована уроженцами Испании, однако во II в. н. э. пополнения поступали обычно из провинции по месту расквартирования [281, с. 58—59]. Этому не противоречит и имя, которое принадлежит к числу типичных солдатских, особенно широко распространенных в Подунавье [284, с. 54] и на Востоке [292, № 1, 2, 4, 87].

Неполные римские имена из Херсонеса можно подразделить на имена без *cognomen* и имена без *praenomen*. Известно одно имя без *cognomen* — Марк Мэцилий, — принадлежавшее солдату I когорты Бракараугустанцев [308, № 553]. Имена без *praenomen* — обычное явление в римской ономастике второй половины II в. н. э. и более позднего времени. Аналогичная картина наблюдалась и в Херсонесе. Некоторые из имен состояли из трех элементов, например: Элий Клавдий Приск [308, № 563], Флавий Сергиан Сосибий [308, № 417]. В первом — два *nomina* и *cognomen*. *Cognomen Priscus* — один из очень распространенных в первых веках нашей эры, особенно среди солдат из перегринов [304, с. 30, 77, 59; 292, № 1, 15, 78, 87]. Во втором имени два *cognomina* — Сергиан Сосибий — оба довольно редкие. Первый (*Sergianus*) образован от *nomen* с помощью суффикса *-anus*⁹⁴, а второй (*Sosibius*) — греческого происхождения [290]. Следовательно, характер имен позволяет полагать, что и солдат, и три-

новление или принадлежность, если это имя раба или вольноотпущенника.

бун I Италийского легиона — носители этих имен — не были римлянами. Еще с большей уверенностью это можно сказать о другом трибуне римской армии, Аррии Алквиаде, носившем явно греческое имя [308, № 404].

Остальные мужские имена этой группы — двойные: Атилий Приммиан [308, № 404], Аврелий Валент [308, № 554], Аврелий Сальвиан [308, № 551], Аврелий Виктор [308, № 547], Юлий Валент, [308, № 549], Элий Юлий [308, № 554]. Принадлежали они римским солдатам и трибуну. Аврелий Валент и Элий Юлий, служившие в I Киликийской когорте, — несомненно перегрины. Это можно сказать и об остальных, обладавших императорскими *poti*na, свидетельствующими о получении римского гражданства при зачислении в армию, в составе которой они и попали в Херсонес. На это указывают их имена, широко распространенные в солдатской среде и среди перегринов, особенно Виктор и Валент [304, с. 30, 263]. Исключение составляет трибун Атилий Приммиан, у которого плебейский *poten* и сравнительно редкий *сognoten*. Его имя не содержит указаний на то, что он не римлянин, но и не опровергает такой возможности. Например, Атилий Космин был консуляром от Сирии [292].

Значительно реже мужских встречаются в Херсонесе женские римские имена. Они представлены именами, состоящими из *poten* и *сognoten*. Их известно три: Валерия Марция, Валерия Бесса [308, № 547] и Антония Прокула [213, № 65]. Все имена принадлежали членам семей римских солдат. Валерия Марция и Валерия Бесса — мать и дочь. В данном случае Валерия — имя, производное от распространенного римского *poten* [321, III], а Марция — *сognoten*, образованный от *граепoten*. И. Каянто выделил целую группу таких *сognoti*na (гр. 2) [304, с. 39 сл.]. *Сognoten* дочери — Бесса — среди римских имен не известен. По-видимому, он фракийского происхождения. К такому же выводу в свое время пришел М. И. Ростовцев [140, с. 14]. На это указывают и близкие этнические и топонимические названия во Фракии. В. Георгиев относит к фракийским слово *bessa-paga*, где *bessa* — местное фракийское название, а *paga* (*παρά*) — «брод» [58, с. 62]. У фракийцев было племя *бессов* (*bessi*) (SHA. Vita Marci, 22, 1). Следовательно, можно думать, что Валерия Бесса, ее мать, а также отец Аврелий Виктор, о котором упоминалось выше, были уроженцами Фракии.

Среди имен в латинской транскрипции встречаются такие, которые состоят из римского *граепoten* или *poten* и греческого *сognoten*. Это имена Аврелий Демас, сочетающее императорский *poten* с греческим *сognoten* [213, № 63], и П. Лик [308, № 557]—

ргаепотеп и согпотеп. Второе образовано от греческого *λύκος* — «волк» и было широко распространено у греков [290]. Оба имени принадлежали лицам греческого происхождения⁹⁵.

Имена вольноотпущенников, зафиксированные на одном из херсонесских надгробий, — римские с греческими *согнопна* [308, № 562]. Два из них содержат ргаепотеп и потеп хозяина — Т. Цинций, а в качестве согпотеп — греческие имена Василий и Епиктет, что на наш взгляд, позволяет предполагать греческое происхождение обоих вольноотпущенников. На это указывал и автор первой публикации памятника [193, с. 56]. Третий отпущенник, П. Ведий Фрепт, также имеет греческий согпотеп, так как имя Фрепт происходит от греческого *φρέπτος* — «вскормленный». Имена, образованные от этого термина, хорошо известны в греческой ономастике [см. 290]. Следовательно, можно полагать, что и он был греком. Косвенно на это указывает его дружба с греком Эпиктетом.

К числу римских имен с греческими *согнопна* относится женское имя Аврелия Тихе, обнаруженное на саркофаге с надписью на латинском и греческом языках [308, № 508]. Имя состоит из императорского потеп и греческого теофорного согпотеп. Именно последнее указывает этникон погребенной. Косвенным подтверждением ее греческого происхождения служит наличие греческой надписи.

Таким образом, изучение римских имен показывает, что их носители из числа граждан города, солдат римского гарнизона и членов их семей в основном не были римлянами. Больше всего среди них греков, встречаются фракийцы и уроженцы других восточных провинций. О присутствии римлян можно говорить только в исключительных случаях.

Наконец, изучение ономастикона Херсонеса в целом показало, что количество негреческих и неримских имен очень невелико (около 4%) даже во II—III вв., тогда как в других греческих городах Северного Причерноморья, например в Ольвии, городах Боспора, их значительно больше. Это может указывать на то, что, как и раньше, основную массу населения Херсонеса составляли греки, хотя часть из них были не гражданами, а иноземцами.

В эпиграфических источниках содержатся прямые указания на присутствие в городе иноземцев. О наличии в составе населения гераклеотов свидетельствуют три надписи. В одной из них упоминается Маркиан, сын Гая, пожертвовавший деньги на колонны или колонну [308, № 445]. Две другие надписи — надгробные: Гераклеона, сына Менюфонта (он же Сисир), прожившего 39 лет

96

После длительной дискуссии, вызванной выводом Т. Фрэнка о том, что «носители греческих имен в общем с Востока или потомки восточных рабов» [294], в последнее время у него появляются все больше сторонники.

К их числу относятся Тиландер [338, с. 159 сл.], Тэйлор [337, с. 127] и Каянто, исследовавший имена жителей девяти италийских городов [303, с. 524 сл.].

{308, № 544}, и Понтика, сына Немерия [308, № 545]. Факт захоронения гераклеотов в херсонесском некрополе свидетельствует о том, что они были постоянными жителями Херсонеса. Кроме гераклеотов, в Херсонесе в I—II вв. н. э. проживали амастрийцы. На это указывают саркофаг амастрийца Илия, сына Илиты [308, № 542], а также надгробная стела Аристоники, прожившего 30 лет, поставленная амастрианкой Хресимой [308, № 543].

Имеются данные, позволяющие предположить присутствие выходцев из других областей Малой Азии. Среди херсонесских надгробий есть такие, эпитафии которых содержат нетипичные для Херсонеса и для Северного Причерноморья формулы и сведения. Речь идет о двух сравнительно небольших группах эпитафий, появившихся в Херсонесе не ранее II в. н. э.

К первой группе мы относим эпитафии, которые заканчивались формулой ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ, т. е. «памяти ради». Такие эпитафии, по мнению финского эпиграфиста Й. Каянто, являются типичными малоазийскими [301, с. 44]. Мы решили проверить степень распространения их в Западном и Северном Причерноморье, а также в Малой Азии. Оказалось, что в греческих городах Западного побережья Понта такие эпитафии известны только в Одессе (IGBR, I², № 162) и Месембри (IGBR, I², № 343), причем по одному экземпляру. Редко встречаются они и в Северном Причерноморье. Например, в городах Боспора они известны в Пантикапее (12) [126, № 434, 632, 641, 656, 660, 675, 705, 710, 717, 727, 732, 783], Гермонассе (2) [126, № 1087, 1089] и Нимфее (1) [126, № 935]. В Горгииппии, Фанагории, Мирмекии и других городах они отсутствуют. В тех случаях, когда указан ойконим, эпитафии принадлежат уроженцам Малой Азии [126, № 705, 732]. Одна такая эпитафия известна в Тире [308, № 9] и шесть — в Ольвии [308, № 202 — 207; 160, № 102]. Таким образом, среди множества надгробий первых веков нашей эры, обнаруженных в некрополях указанных городов Западного и Северного Причерноморья, имеется только 24 надгробия, в эпитафиях которых употреблена формула «памяти ради». Подобные эпитафии, относящиеся к более раннему времени, в рассматриваемом районе совсем не встречались. А в Малой Азии они были распространены в значительном количестве. Об этом свидетельствуют Й. Каянто [301, с. 29, 44], а также публикации эпитафий, обнаруженных в приморской Вифинии [287, № 91, 134, 138] и в более удаленных областях, например в Галатии [270, № 75, 98—100; 103—104, 106, 108—114, 116—122 и др.] и Кари (SEG, XII, № 431, 443 и др.).

Все это позволяет поставить вопрос о том, что указанные эпитафии в городах Западного и Северного Причерноморья принадлежали лицам, прибывшим из Малой Азии и проживавшим на положении ксенов, о чем свидетельствует указание ойконима, и на правах граждан. Среди последних встречаются такие, которые обладали римским гражданством.

В Херсонесе обнаружено пять эпитафий, заканчивающихся формулой «памяти ради». Четыре датируются II в. н. э. [308, № 484, 501, 508, 543] и одна [308, № 541], от которой сохранился незначительный фрагмент, — вероятно, также этим временем, о чем свидетельствуют лигатуры и характер шрифта. Эпитафия с ойконимом (амастриец) [308, № 543] безусловно принадлежала выходцу из Малой Азии, в другой [308, № 484] указан возраст погребенного, что также характеризует ее как малоазийскую. Типичны и падежи имен: сначала имя дедиканта в номинативе, а затем имя умершего в дативе [301, с. 23—24]. В двух случаях [308, № 484, 508], судя по именам, эпитафии принадлежали римским гражданам — сыну ветерана Аврелия Домна и вольноотпущеннице Аврелии Тихе. В третьей эпитафии — также римское имя Валериан [308, № 501], однако плохая сохранность надписи не позволяет добавить что-либо.

Итак, рассмотрение эпитафий с формулой «памяти ради» показало, что во II в. н. э. в Херсонесе поселялись романизованные выходцы из Малой Азии, в числе которых были римские ветераны и их потомки, отпущенники и рабы.

О присутствии в Херсонесе выходцев из Малой Азии могут свидетельствовать и другие эпитафии II—III вв. н. э., в которых указан возраст умерших. Для херсонесских эпитафий более раннего времени это не характерно. Очень редко встречаются такие указания и на Боспоре. Например, в Пантикапее они зафиксированы в пяти случаях [126, № 134, 703а, 732, 733, 739], тогда как в эпитафиях Фанагории, Гермонассы, Горгиппии, Нимфея, Мирмекия они отсутствуют, а в Ольвии обнаружены только дважды [308, № 206, 225].

По мнению И. Каянто, специально изучавшего греческие эпитафии Рима, указание возраста очень редко встречается в Аттике, Сирии, Фригии, но широко было распространено в Вифинии и Египте⁹⁸. В связи с этим возникает вопрос, откуда появились лица, упоминаемые в эпитафиях, — из далекого Египта или из Вифинии, с которой города Северного Причерноморья имели постоянные и оживленные экономические и культурные связи?

Исследование пяти пантикапейских эпитафий показывает, что

98

Отмечая, что возраст указывали также в римских эпитафиях, И. Каянто считает, что эта

традиция пришла в Рим и Египет независимо. Он также подчеркивает, что латинские эпитафии, в отличие от греческих, содержали не только год, но и месяц, день и час [301, с. 12—13].

четыре из них принадлежали уроженцам городов, входивших в состав провинции Понт-Вифиния, образованной после поражения Митридата [181, с. 70]. Обе ольвийские эпитафии с указанием возраста составлены по малоазийскому образцу: имя дедиканта в номинативе, имя умершего в дативе. Одна из них заканчивается формулой «памяти ради».

В Херсонесе эпитафий с указанием возраста найдено 17, т. е. больше, чем во всех других городах Северного Причерноморья. В трех из них прямо указано, что они принадлежали выходцам из городов провинции Понт-Вифиния. Самая ранняя из этих надписей (115 г. н. э.) принадлежала упоминавшемуся выше Аристонику из Амастрии [308, № 543], другие гераклеотам [308, № 544, 545]. Таким образом, эпитафии Херсонеса, как и Пантикапея, принадлежали выходцам из провинции Понт-Вифиния. Следовательно, материалы Северного Причерноморья указывают на вифинское происхождение таких эпитафий, но принадлежали они выходцам с более широкой территории, охватывающей Южный берег Понта.

Эпитафии этого типа, но без ойконима [308, № 453, 457—460, 470, 486, 491, 493, 497, 515; 213, № 52, 56] принадлежали уроженцам той же территории, но, поскольку это были римляне или лица с римским гражданством, в эпитафиях отсутствует ойконим. Указание же на этникон или ойконим встречается обычно в эпитафиях иноземцев. Следовательно, здесь сказывалось различие в правовом и соответственно в социальном положении. Это подтверждают и надгробия, изготовленные, за редким исключением [308, № 491], из мрамора, в основном с рельефом со сценой загробной трапезы или портретными изображениями умерших [308, № 457, 459, 460, 491, 493; 213, № 52 56]. На присутствие среди указанных лиц римских граждан указывают их имена: Ульпия Макария [308, № 453], Элий Гераклиан [308, № 476], Аврелия [308, № 459]. Среди остальных обращают на себя внимание уже упоминавшийся Север, сын Лиллона, он же Лиллис, носивший малоазийское имя, и Конха [308, № 457], сожительница иеродула Сотериха. Имя рабыни Конхи не имеет греческих аналогов, поэтому не исключено его малоазийское происхождение. Некоторые из эпитафий составлены по стандартному малоазийскому образцу: имя дедиканта в номинативе, а имя умершего или заменяющее его слово в дативе [308, № 486]. Иногда называется имя деда [213, № 56], что не характерно для Херсонеса.

Все эти данные позволяют считать, что надгробные эпитафии с указанием возраста (ΖΗΣΑΣ ΕΤΗ или ΕΤΩΝ) принадлежали

выходцам из Малой Азии. Среди них были, вероятно, греки из городов Южного берега Понта, а также эллинизированные представители туземного населения. В Херсонесе эти лица либо проживали на правах римских граждан, либо становились гражданами города. Некоторые же из них, будучи рабами, попали в Херсонес, видимо, со своими хозяевами.

Имеются свидетельства, позволяющие предположить, что в городе постоянно проживали уроженцы Боспора. На это указывают два надгробия, открытые еще в 1928—1929 гг., но впервые опубликованные Э. И. Соломоник [213, № 53, 54]. На одном из них (№ 53) — рельеф, сюжет которого нехарактерен для Херсонеса, но хорошо известен по надгробиям Боспора. Это изображение женщины, сидящей в кресле, рядом с которой на уровне головы висит круглое зеркало с ручкой, а справа у ее ног — раб-слуга. Под рельефом эпитафия из четырех строк, но буквы сильно повреждены, и угадывается только ее формула, напоминающая эпитафии Боспора, в которых обычно указывалось: такая-то, дочь такого-то, жена такого-то, прощай. В пользу принадлежности иноземке свидетельствует и третья строка, где после имени мужа, вероятно, был указан ойконим. Другое надгробие также с рельефом, изображающим четыре женские и мужские фигуры в рост, одетые в тоги и плащи. Первая женщина слева значительно крупнее всех остальных и, по-видимому, она изображает покойную. Подобные рельефы в Херсонесе не были известны, но имеются на Боспоре [306, т. XXIX, XXX]. От эпитафии сохранилась только аккламация ΧΑΙΡΕ.

Все указанные особенности обоих надгробий, характерные для аналогичных памятников Боспора, позволили, на наш взгляд справедливо, автору публикации указать на их связь с Боспором.

Археологические источники. В качестве источников при изучении состава населения Херсонеса могут служить также материалы Херсонесского некрополя: погребальный обряд и сооружения, ориентировка покойников, инвентарь, антропологические данные и т. п.

Из погребальных обрядов, известных в Херсонесе, характерными были трупоположение и трупосожжение. Последнее в V—IV вв. до н. э. практиковалось довольно редко [19; 21]. Покойников хоронили в это время в простых грунтовых могилах, обложенных мелким камнем и каменными плитами, в деревянных гробах и без гробов. Захоронения в деревянных гробах очень редки [92, с. 157], но следует учитывать, что часть из них не сохранилась. Для захоронения маленьких детей использо-

вали амфоры или крупные фрагменты амфор [21, с. 276]. Положение покойника при захоронении — вытянутое на спине или скорченное. Последние рассматривались как погребения таврские. Они составляли 40% от общего числа захоронений в некрополе [21, с. 278]. Ориентированы покойники головой на В, С-В, С, Ю, З, но преобладала восточная ориентировка [92, с. 158]. Отсутствие дорогостоящих погребальных сооружений, богатого инвентаря позволили сделать вывод о том, что среди населения древнейшего Херсонеса еще отсутствовала глубокая имущественная дифференциация. На наш взгляд, именно бедность херсонеситов не позволяла им широко практиковать трупосожжение. Что касается этнического состава погребенных, то, по нашему мнению, совершенно неправильно считать скорченных таврами, тем более, что аргументов, кроме скорченного положения костяков, в пользу этого нет⁹⁷.

97

Можно отметить, что скорченных в некрополях других античных городов относят к скифам [111, с. 172] и к фракийцам [9, с. 370].

В эллинистическое время в херсонесском некрополе господствующим по-прежнему оставался обряд трупоположения, хотя число сожжений возросло [22, с. 158]. Прах сожженных помещался в глиняные (иногда чернолаковые) и бронзовые урны со свинцовыми крышками, а затем в каменные гробницы так называемой египетской кладки — ступенчатые каменные гробницы, сложенные из довольно крупных блоков [129, с. 64, № 1536, 1537]. Особенно много таких погребений обнаружено в той части некрополя, которая находилась в периболе у южной оборонительной стены.

Трупоположения этого времени в большинстве встречаются в простых грунтовых могилах, в грунтовых могилах, обложенных черепицей, а также в могилах, вырубленных в скале, иногда сверху перекрытых каменными плитами [22, с. 157, сл.]. Покойники здесь лежали на спине с вытянутыми конечностями. Ориентированы они по-разному (на С, В, З), но преобладала восточная ориентировка [22, с. 158]. Для захоронения детей, как и раньше, использовались амфоры. В некоторых семьях практиковали оба обряда — трупосожжение и трупоположение, о чем свидетельствуют погребения в подстенном склепе № 1012 [127, с. 4 сл.; 77].

Таким образом, в эллинистическую эпоху (если не считать увеличения числа трупосожжений, появления более дорогих погребальных сооружений, богатого и разнообразного инвентаря, что было обусловлено возросшей имущественной дифференциацией херсонеситов) существенных изменений в погребальных обрядах не произошло. Это указывает на сохранение прежнего этнического состава основной массы населения.

В изучаемое время в херсонесском некрополе произошли изменения по сравнению с предыдущей эпохой. Они заметны в появлении новых видов погребальных сооружений, обряде захоронения и некоторых других чертах.

Именно в это время появляются и получают распространение семейные склепы, вырубленные в материковой скале. Они были разных размеров, различными по форме в плане (квадратными, трапециевидными, ромбовидными), с подпорным столбом или без него. В большинстве случаев в стенах этих склепов вырубали лежанки для покойников [167, с. 64; 129, с. 85, сл.; 130, с. 113], но встречаются склепы и без лежанок, [168 с. 65; 130, с. 113]. Обычно в такие склепы вел дромос с одной или несколькими ступеньками. Стены склепов иногда штукатурили, а в отдельных случаях расписывали фресками [168, с. 4; 131, с. 45; 130, с. 118, 123].

Захоронения в склепах были в виде трупоположений (как в гробах, так и без них) и трупосожжений. Общим для захоронений в склепах является то, что их всегда несколько. Следовательно, эти погребальные сооружения принадлежали к числу фамильных усыпальниц зажиточных херсонеситов. Связывать их с какой-либо этнической группой населения только на основе конструктивных особенностей вряд ли будет правильно.

Новое для херсонесского некрополя — появление крупных наземных каменных гробниц типа пристенных склепов № 1013 и 1014 с богатыми захоронениями в виде трупоположений и трупосожжений [127, с. 10 сл; 23, с. 105 сл.]. Некоторые исследователи видят в них сходство с мавзолеем Неаполя Скифского (что весьма сомнительно) и таким образом пытаются решать вопрос об этнической принадлежности погребенных [185, с. 73 сл.] Однако, на наш взгляд, для этого нет оснований.

Во II в. н. э. появляются также роскошные мраморные саркофаги, украшенные рельефами на различные мифические сюжеты [27, с. 266 сл.; 19, сл. 38 сл.].

Появление дорогостоящих погребальных сооружений — результат углубления имущественной дифференциации среди херсонеситов в первых веках нашей эры. Это наблюдалось также в различных областях Римской империи [339, с. 49 сл.] и, видимо, не может служить указанием на какие-то изменения этнического состава населения.

Можно отметить исчезновение грунтовых могил, обложенных черепицей, и увеличение числа могил, обложенных каменными плитами. Последний тип погребальных сооружений иногда связывают с присутствием таврско-о элемента на том основании, что

такие могилы якобы имеют генетическую связь с таврскими каменными ящиками. Однако изучение показывает, что могилы, обложенные каменными плитами, имеют аналогии в других античных городах Северного Причерноморья [255, с. 84], где тавров не было. И хотя эти сооружения встречаются в Юго-Западном Крыму [52, с. 106], с таврскими каменными ящиками они ничего общего не имеют даже в генетическом плане, поскольку получили широкое распространение в Херсонесе только в первых веках нашей эры и пришли на смену могилам, обложенным черепицей. Захоронения из могил, обложенных каменными плитами, нередко представлены трупосожжениями (например, в мог. 38, 1891 г.; мог. 392, 1892 г.; мог. 449, 1894 г.; мог. 2672, 1908 г.), т. е. захоронениями, в греческой принадлежности которых до сих пор не сомневались [251, с. 75; 255, с. 84; 114, с. 274]. Урны с кремацией в каменных ящиках из плит хорошо известны и на территории Римской империи [339, табл. 23]. Все сказанное не позволяет связывать эти могилы с таврами.

В изучаемое время еще больше возросло количество трупосожжений. Они помещаются не только в глиняных и бронзовых, но и в свинцовых урнах, иногда с указанием имени погребенного [165, с. 141]. В некоторых случаях прах после кремации помещали в специальные каменные оссуарии, сделанные в виде саркофагов с двускатной крышей⁹⁸.

98

Отдельные исследователи считают, что подобные саркофаги в Северном Причерноморье известны только в Херсонесе [182, с. 186], то они известны и в Боспоре.

Следует указать на изменения в характере надгробий. Вместо распространенных в более раннее время антропоморфных надгробий [22, с. 160; 120, с. 37 сл.], высоких прямоугольных стел с фронтонами и акротериями, часто расписанных краской, но выполненных просто и строго [83, с. 29 сл.; 119, с. 44 сл.], появляются надгробные рельефы с портретными изображениями умерших, со сценами загробной трапезы [101; 136] и т. п. Эти рельефы в основном местной работы, но выполнены под большим влиянием римского провинциального искусства, особенно малоазиатского и западнопонтийского [102, с. 79 сл.]. Появление таких надгробий в Херсонесе отражает новые культурные веяния и стремление херсонесской верхушки приспособиться к новой обстановке в условиях римской оккупации, а также, как мы видели выше, присутствие в составе населения выходцев из Малой Азии, которые не только были носителями новых культурных веяний, но и привозили с собой эти надгробия.

Во II в. н. э. в Херсонесском некрополе появляются могилы с одним или двумя подбоями в продольных стенках [150, № 47, 48, 66; 233, № 5, 11, 18]. Раньше такие могилы здесь не были известны.

Итак, большинство отмеченных выше новых черт в погребальных сооружениях херсонесского некрополя можно связать с изменениями социального характера, происшедшими в местном обществе, в частности с имущественным расслоением. Однако некоторые черты, вероятно, можно связать не только с новыми культурными влияниями, но и с новыми этническими элементами в составе населения Херсонеса. К числу таких черт следует отнести появление некоторых надгробий и особенно подбойных могил с погребениями, которые ранее не были известны в городе. Речь идет прежде всего о подбойных могилах, в которых обнаружены покойники с деформированными черепами. Отнести все подбойные могилы к новым этническим элементам у нас нет оснований, поскольку, как и склепы с лежанками, они известны в античном мире [243, с. 14]. Несколько таких могил — вырубных в скале, с подбоями на две и три стороны — обнаружены в некрополе у Карантинной бухты [150, с. 217; 233; с. 21]. Судя по инвентарю, их можно датировать не раньше, чем второй половиной II—III вв. н. э., и связаны они, по-видимому, с сарматами, которые начали проникать в состав населения города.

Наряду с изменениями погребальных сооружений, в херсонесском некрополе изучаемого времени наблюдаются некоторые новые черты в погребальном обряде, проявившиеся в инвентаре, положении покойников, их ориентировке. В основном именно они дали возможность исследователям Херсонеса высказать мнение о значительных изменениях этнического состава населения города. Это заставляет нас внимательно рассмотреть все новые черты погребального обряда, а также аргументацию авторов, использующих эти черты в качестве источника для своих выводов.

К числу важнейших фактов, свидетельствующих об изменениях этнического состава населения Херсонеса, обычно относят: скорченные захоронения; погребения на спине, но с руками в области таза; погребения с деформированными черепами; антропоморфные каменные надгробия; захоронения с шейными гривнами, напутственной пищей и такими предметами, как сера, точильные бруски, амулеты «грубого варварского стиля» и т. п.

Скорченные захоронения. Вопрос об этнической принадлежности скорченных погребений в херсонесском некрополе имеет принципиальное значение не только для изучаемого времени, но для истории Херсонеса в целом. Поэтому его следует рассмотреть не в хронологических рамках данной работы, а с момента появления этих погребений в некрополе.

Долгое время все исследователи безоговорочно считали скорченные погребения принадлежащими негреческому (туземному) населению, и разногласия были только по поводу того, какому именно. Г. Д. Белов рассматривал эти погребения как таврские, полагая, что часть скорченников — тавры, жившие здесь еще до основания города [19, с. 195; 22, с. 158 сл.; 26, с. 20; 21, с. 283; 24, с. 13 сл.]. На таврскую принадлежность скорченных погребений указывали Н. В. Пятышева [184, с. 123], А. И. Тюменев [241, с. 86], П. Н. Шульц [260, с. 248] и другие исследователи [92, с. 26; 151, с. 181 сл.]. С. Ф. Стржелецкий относил к таврским не только скорченные погребения. Он считал таврским весь некрополь, в котором эти погребения были найдены [223, с. 145 сл.; 226, с. 95]. Иной точки зрения придерживалась С. И. Капошина, предлагавшая рассматривать скорченные погребения херсонесского некрополя как скифские [111, с. 172]. Однако эта гипотеза не нашла сторонников и вызвала критические замечания и возражения других исследователей [241, с. 86; 260, с. 248, 151, с. 182].

Таким образом, несмотря на разногласия при определении этнического происхождения скорченных погребений херсонесского некрополя, все исследователи считали их принадлежащими туземному населению — таврам или скифам. В ходе возникшей полемики отмечались слабые стороны обеих гипотез, но других решений проблемы никто не предлагал⁹⁹.

Несколько лет назад В. В. Лапин в работе, посвященной греческой колонизации Северного Причерноморья [137, с. 212 сл.], выдвинул новую гипотезу, согласно которой скорченные погребения херсонесского некрополя — греческие. Точка зрения автора вызвала довольно резкие возражения рецензентов [256], но, несмотря на это, на наш взгляд, она заслуживает самого пристального внимания при решении вопроса об этнической принадлежности скорченных погребений раннего херсонесского некрополя.

Несомненно, В. В. Лапин не сумел полностью доказать принадлежность скорченных погребений грекам, так как сразу пытался решить проблему в целом и при этом, используя сравнительно-исторический метод, больше опирался на логические построения, чем на свидетельства источников. Увлечшись генезисом скорченных погребений, В. В. Лапин привлек мало фактов для подтверждения своей гипотезы. Кроме того, он допустил несколько досадных ошибок в ссылках на литературу и источники, которые должны были подтвердить его вывод. За это его совершенно справедливо критиковали рецензенты.

99

В ином аспекте пытался решить проблему В. Д. Блаватский, обративший внимание на социальное положение скорченников. Он видел в них рабов, но в этническом плане эта гипотеза примыкала к первой [35, с. 133, прим. 2].

Однако, несмотря на ошибки; допущенные автором гипотезы о греческой принадлежности скорченных погребений, и на довод его оппонентов о том, что скорченные погребения в некрополях северопонтийских городов «принято считать во всей мировой науке» [256, с. 162] принадлежащими местному населению, нам представляется необходимым обратить на эту гипотезу самое серьезное внимание. Тем более что и сами оппоненты вынуждены были отметить следующее: «Но этот этюд не «работает» на концепцию автора, так как в лучшем случае *может свидетельствовать о возможности для греков иметь скорченные погребения*, но не доказать действительную принадлежность этих погребений грекам» [256, с. 170] (курсив наш.— В. К.). Следовательно, оппоненты признали, что скорченные погребения могли быть у греков, но доказать этого, по их мнению, В. В. Лапин не смог.

Не касаясь проблемы скорченных погребений в целом, так как это не входит в нашу задачу, постараемся, насколько это возможно при существующих источниках, показать, что скорченные погребения раннего херсонесского некрополя принадлежали греческому населению города. По нашему мнению, эти ранние скорченные погребения (не позднее первой половины III в. до н. э.) следует отличать от скорченников первых веков нашей эры, которые принадлежали другому этническому элементу, на чем подробно мы остановимся ниже.

В древнейшем некрополе Херсонеса, открытом на северном берегу Г. Д. Беловым в 1935 г., оказались скорченные погребения, которые и автор раскопок, и другие исследователи считают таврскими. Посмотрим, какие для этого имеются основания. Главным доводом в пользу таврской принадлежности скорченных погребений обычно выдвигается положение костяка — его скорченность, т. е. поза погребенного, якобы характерная для тавров. Однако обряд, при котором покойнику придавали такое положение, уходит своими корнями в глубокую древность и связан со своеобразными представлениями, характерными для определенного уровня общественного развития, идеологии. Он был распространен у многих племен и народов, включая греков [237, с. 42], а следовательно, не являлся специфически таврским обычаем. Поэтому само по себе скорченное положение покойника не может служить определением этнической принадлежности, тем более что в некрополях других припонтийских городов скорченные захоронения относят к скифам (Ольвия) [205, с. 172], фракийцам (Аполлония) [126, с. 370], а также объясняют их присутствие синдо-меотским влиянием (Фанагория) [155, с. 115]. Другим доказательством принадлежности скорченных захоро-

нений таврам считалось то, что они проживали на Гераклейском полуострове до основания Херсонеса. Особенно убедительным этот довод казался первоначально, когда Г. Д. Белов утверждал, что часть скорченных погребений принадлежала таврам, жившим здесь до основания города греками. Это убедило в таврской принадлежности скорченников даже самого осторожного сторонника гипотезы, А. И. Тюменева, который всячески подчеркивал отсутствие «...сношений тавров не только с херсонессцами, но и с греками вообще...», в том числе и у ближайших, непосредственно соседствующих с городом тавров [241, с. 81 сл.]. Однако в ходе дальнейших исследований этот довод был сильно поколеблен, так как оказалось, что некрополь в основном датируется IV — началом III вв. до н. э. [226, с. 92], а следовательно, нет оснований говорить о таврских захоронениях, предшествующих основанию Херсонеса.

Еще одним доводом в пользу таврской принадлежности скорченных погребений служила ссылка на находки фрагментов «типично таврской посуды», причем указывалось на большое их количество [241, с. 86]. Однако на территории некрополя найден лишь один лепной горшок без всякой орнаментации, к тому же в погребении вытянутом, где костяк лежал на спине головой на север-восток [19, с. 167, рис. 6], т. е. в погребении, которое к числу таврских не относили. Что касается фрагментов таврской посуды на городище, то, как показало специальное исследование, проведенное О. Я. Савелей, «большое количество черепков типично таврской посуды» в действительности представлено всего шестью обломками лепной посуды с врезным орнаментом [201, с. 48 сл.], т. е. той посуды, которую можно считать таврской [87, с. 205 сл.]. В связи с этим возникает вопрос: почему так мало обломков таврской посуды в городе, северный некрополь которого, по словам одних исследователей, содержал не менее половины таврских погребений [24, с. 14], а по мнению других, весь был таврским [226, с. 69 сл.]?

Таким образом, доводы, выдвигавшиеся сторонниками таврской принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя, вызывают сомнения. Кроме того, имеются факты, которые свидетельствуют против отождествления скорченных погребений с таврами. Это прежде всего большое количество скорченных погребений в древнейшем некрополе на северном берегу (около 40% общего количества захоронений, обнаруженных за все время раскопок)¹⁰⁰. Но не слишком ли много тавров проживало в то время в Херсонесе? Этот вопрос возникал у автора раскопок, но поскольку дать ответ на него Г. Д. Белов не

смог, появилось предположение, что часть погребений принадлежала таврам, жившим здесь до основания Херсонеса [26, с. 32; 21, с. 283]. Однако это предположение ничем не аргументировалось и противоречило датировкам самого автора. К тому же следует отметить, что скорченные погребения оказались не только в одном некрополе с другими видами захоронений, но и попеременно с ними. Получалось, что тавров хоронили рядом с греками — гражданами Херсонеса ¹⁰¹. Погребальный инвентарь при скорченных погребениях состоял из вещей греческого производства и ничем не отличался от инвентаря остальных погребений некрополя. В своем отчете 1936 г. Г. Д. Белов указывал, что «при скорченных погребениях был инвентарь не местного, греческого производства» [19, с. 195]. Этот инвентарь обнаружен в пяти погребениях: в погребении 16 (ориентировано на восток) возле левого плеча находился чернолаковый килик и тарелочка; в погребении 32 (ориентировано на В—Ю-В) возле головы стоял одноручный кувшин, украшенный поперечными полосами; в погребении 55 (ориентировано на восток) возле рук — детский рожок; в погребении 83 (ориентировано на восток) возле таза — разбитый кувшинчик с носиком; в погребении 67 (ориентировано на восток) возле бедра — херсонесская монета III в. до н. э., а над костяком — маленький кувшинчик [19, с. 168 сл., рис. 7, 12, 16]. Среди скорченных погребений херсонесского некрополя господствовала восточная ориентировка, обычно характерная для греческих захоронений. Она зафиксирована в скорченных погребениях № 2—4, 16, 24, 27—29, 53, 55, 59—61, 66, 83, 85, 89, 90; восточная ориентировка с отклонением к югу — в № 32—39, 63, 67, т. е. в 22 из 29 погребений, открытых в 1936 г., что составляло 78% общего числа раскопанных скорченных погребений. Восточная ориентировка считается характерной для греческих погребений [251, с. 70—71; 255, с. 92], точнее, она была преобладающей. Можно отметить, что восточная ориентировка, по версии Плутарха, практиковалась при погребениях в Мегаре (Plut. Sol., 10). В отличие от скорченных погребений Байдарской долины [190, с. 127 сл.], послуживших аналогией при определении этнической принадлежности, скорченные захоронения херсонесского некрополя не были коллективными, находились не в каменных ящиках, и при них отсутствовал характерный для таврских погребений инвентарь, в частности специфические украшения, известные в могильниках Байдарской долины [190, с. 147 сл., рис. 28, 29; 152, с. 73 сл., рис. 3] и Южного берега Крыма [132, с. 78, рис. 26].

скорченных погребений составляет около 39% общего количества захоронений в некрополе на северном берегу.

101

Именно этот факт послужил основанием для вывода о независимом положении тавров в Херсонесе [19, с. 195] и о их гражданском равноправии с греками [226, с. 95].

Следует отметить еще одно обстоятельство, которое свидетельствует против таврской принадлежности херсонесских скорченных погребений. Среди детских захоронений в амфорах, найденных в древнейшем херсонесском некрополе на северном берегу, также встречаются скорченные: на левом или правом боку, иногда на спине с согнутыми ногами, т. е. точно в таких же позах, как и взрослые скорченники в этом некрополе. Это погребения № 42, 64, 79 (1936 г.), а также костяк ребенка на правом боку в амфоре, обнаруженной в 1965 г. в квартале XXV [347, л. 3]. Скорченных погребений в амфорах, видимо, было значительно больше, но часть их погибла из-за плохой сохранности костей младенцев. Кроме скорченных погребений в амфорах обнаружены вытянутые захоронения детей с руками вдоль туловища, поднятыми вверх или сложенными на животе [19, с. 176 сл.] — в позах, которые наблюдаются в погребениях взрослых. Среди детских амфорных погребений преобладала восточная ориентировка, встречались также восточная с отклонениями к северу и югу и ориентировка на север и юг. Таким образом, детские захоронения в амфорах, не вызывающие сомнений в их греческом происхождении¹⁰², полностью воспроизводят обряды захоронения взрослых (как вытянутые, так и скорченные) в некрополе на северном берегу Херсонеса. Следовательно, если считать скорченные детские погребения в амфорах греческими, то необходимо признать таковыми и скорченные погребения взрослых.

Против таврской принадлежности скорченных погребений в древнейшем херсонесском некрополе свидетельствуют также находки этих погребений в одной могиле с детскими захоронениями в амфорах. Примером могут служить погребения, обнаруженные в 1965 г. в четырехугольном вырубке, сделанном в материковой скале, в квартале XXV [347, л. 3]¹⁰³. Здесь были найдены два взрослых костяка, детский и костяк младенца в амфоре. Оба взрослых костяка (один на правом, а другой на левом боку) положены в скорченном положении головой на восток, руки от локтей подняты вверх и прижаты к груди. Детский костяк, ориентированный головой на запад, с руками вдоль туловища и ногами, согнутыми под прямым углом, лежал на правом боку в углублении, сделанном в северной стене вырубка. Захоронение младенца обнаружено в амфоре, положенной горлом на северо-восток. Костяк лежал, как обычно, головой к горлу амфоры на левом боку, в слегка скорченном положении. Амфора, вероятно, херсонесского производства на горле имела греческую букву М, написанную красной краской.

102

Погребения детей в амфорах обычно считаются греческими и хорошо известны в некрополях античных городов Северного Причерноморья [116, с. 92; 155, с. 112]. Известны они в некрополях Аполлонии [51, с. 7 сл.], Каллатии [320, с. 280], а также Афин [342, с. 81], Олифа [288, с. 139 сл.]. В таврских же могильниках эти погребения еще не встречались [151, с. 182, прим. 57].

Сторонники гипотезы присутствия таврских захоронений в древнейшем херсонесском некрополе относят к «богатой таврской семье» погребальное сооружение IV—III вв. до н. э., обнаруженное в квартале XVIII [20, с. 161 сл., рис. 1]. Речь идет о наземной постройке, имевшей в плане форму квадрата со стороной 12 м. В ее пределах найдено десять могильных ям, часть которых предназначалась для скорченных погребений. Сами погребения обнаружены не были, могилы оказались пустыми. Против вывода о таврской принадлежности сооружения свидетельствуют: 1) наличие среди захоронений по меньшей мере трех ям для вытянутых погребений (№ 6, 7, 8), ориентированных на восток (об этом свидетельствует большая ширина могилы в восточном конце), а не на запад, как это указано в отчете; 2) находка в северном углу погребального сооружения обломка мраморной вставки от надгробия с греческой надписью, содержащей имя с окончанием на ...ΟΣ, и патронимикон, от которого сохранилось окончание ...ΝΟΥ (Э. И. Соломоник датирует эту надпись по палеографическим особенностям III в. до н. э. [213, с. 88]); 3) наличие наземного погребального сооружения, которое, судя по находкам обломков керамид, калиптеров, а также капители дорического ордера, представляло собой типично греческую постройку с черепичной крышей и колоннами; 4) полное отсутствие в соответствующем слое посуды или вещей, которые можно было бы связать с таврами, при наличии огромного количества фрагментов греческой посуды, тары и обломка терракотовой статуэтки.

Следует отметить еще одну находку, указывающую на греческий характер некрополя на северном берегу. Во время наших совместных с Г. Д. Беловым раскопок в 1963 г. на территории XXV квартала, под домом II у 13-й поперечной улицы в слое материковой глины было обнаружено небольшое известняковое надгробие (высота 0,35 м, ширина 0,14 м), увенчанное рельефным фронтоном с карнизом и имевшее гнездо для мраморной вставки. В нижней части оно имело шип для соединения с постаментом [106, с. 114, рис. 2]. Датируется находка, по видимому, III в. до н. э. Кроме надгробия в этом слое была найдена нижняя челюсть человека средних лет. Встречались человеческие кости и под соседним домом, составлявшим южный угол XXV квартала. Эти находки, как и погребения, открытые в 1965 г., показывают, что западная граница некрополя доходила до 13-й поперечной улицы. Наличие греческих надгробий, наземных погребальных сооружений меняют наши представления

Поскольку тела младенцев клали в амфоры не через горло, а через специальное отверстие в боку, причем значительных размеров, это позволяло придавать им соответствующее положение, в зависимости от избранного обряда. Следовательно, скорченное положение придалось сознательно, а не являлось результатом тесноты амфоры. Это подтверждают находки скорченных погребений младенцев в амфорах из некрополя Афин [342, с. 110, мог. 51].

и о характере некрополя, и об имущественном положении погребенных.

Итак, в пользу греческой принадлежности скорченных погребений раннего херсонесского некрополя свидетельствуют: большое число погребений, составляющих около 40% общего количества захоронений в некрополе; наличие в них греческого инвентаря при отсутствии таврских вещей и преобладание восточной ориентировки, господствующей среди греческих погребений; нахождение скорченных погребений в ближайшем соседстве с греческими, а иногда и в одном погребальном сооружении с ними¹⁰⁴; наличие среди детских захоронений в амфорах, не вызывающих сомнений в их греческом происхождении, скорченных погребений наряду с вытянутыми; открытие скорченных погребений в греческой усыпальнице под черепичной крышей и с колоннами дорического ордера, где обнаружена мраморная вставка от надгробия с именем и патронимиконом; полное отсутствие каменных ящиков с коллективными захоронениями, характерными для таврских некрополей вплоть до IV—III вв. до н. э. На греческую принадлежность погребений указывает и весь облик некрополя с правильной планировкой и расположением могил¹⁰⁵, наличием надгробий и различных видов захоронений, включая и трупосожжения. В некрополе на северном берегу Херсонеса только в 1936 г. было обнаружено трупосожжение (погребение № 11) и четыре места, где производились сожжения покойников [19, с. 178, 182, 184, 186].

Наконец, в пользу греческой принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя свидетельствуют находки аналогичных погребений в различных областях Греции. Скорченные погребения известны в древнейших греческих некрополях не только второй половины II тысячелетия до н. э. [33, с. 105; 253, с. 107], но и более поздних (IX—VIII вв. до н. э., в могилах с посудой протогеометрического и геометрического стилей). Они обнаружены в Микенах [285, с. 240, табл. 46], Коринфе [275, с. 567, рпс. 11; 343, с. 12 сл., табл. 7, а], Аргосе [280, с. 298 сл., табл. 74, 8], Мессении [313, с. 228, табл. 40, с]. Скорченные погребения известны на территории Аттики. В Элевсинском некрополе они датируются VIII—VII вв. до н. э., в Керамике — началом VI в. до н. э. [307, с. 68]. К концу VII—VI вв. до н. э. относятся скорченные погребения в каменных ящиках, открытые на Истме недалеко от Коринфа (ВСН, XXXI, II, 1957, с. 526). Элементы скорченности зафиксированы в погребении конца V в. до н. э. в Олинфе [288, табл. VIII, 37, в].

104

В Греции еще со времен Солона существовал запрет хоронить в могилах посторонних людей (Cic. De leg., II, 64).

105

На это в свое время указывал Б. Ф. Стржеleckий [226, с. 94 сл.].

Еще больший интерес представляет открытие скорченных погребений в некрополе родственного Херсонесу города Каллатия, основанного выходцами из Гераклеи Понтийской. Здесь, как и в Херсонесе, скорченные погребения имели восточную ориентировку, а в одном из них обнаружен греческий глиняный сосуд. Датируются погребения IV—III вв. [320, с. 278], как и херсонесские. Наряду со скорченными в некрополе Каллатия обнаружены погребения вытянутые, детские в амфорах, а также трупосожжения. Следовательно, по своему характеру этот некрополь напоминает херсонесский. Инвентарь в могилах довольно бедный, что наблюдалось и в херсонесском некрополе того времени.

Таким образом, в различных районах греческой метрополии зафиксированы скорченные погребения первой половины I тысячелетия до н. э., а в двух дорийских колониях — Каллатии и Херсонесе — еще более поздние — IV—III вв. до н. э.

Все сказанное позволяет поставить вопрос о том, что скорченные захоронения, обнаруженные в древнейшей части херсонесского некрополя на северном берегу, как детские, помещенные в амфорах, так и взрослые, являются греческими.

При такой интерпретации скорченных погребений раннего херсонесского некрополя становится понятным большое количество этих погребений и присутствие их рядом с греческими вытянутыми захоронениями на спине и детскими в амфорах, а также наличие одинакового инвентаря и ориентировки. При таком истолковании не нужно относить скорченные погребения IV—III вв. до н. э. к представителям догреческого населения или «наделять» тавров гражданскими правами, как это делали сторонники таврской принадлежности скорченных погребений.

Что касается скорченных погребений первых веков нашей эры, которые иногда встречаются в херсонесском некрополе, то они либо вообще без погребального инвентаря, либо, что бывает редко, с очень бедным инвентарем [150, с. 197; 189, с. 182]. Датировка погребений без инвентаря определяется местонахождением могил на территории некрополя первых веков нашей эры и залеганием в насыпи на небольшой глубине [189, мог. 2516, 2552, 2570, 2674, 2773, 2803]. Эти погребения, по нашему мнению, также не имели отношения к таврам, а, вероятно, принадлежали появившимся в то время в составе населения города сарматам, причем беднейшим их представителям.

У сармато-аланских племен скорченные погребения были признаком подневольности. Принадлежали они обычно женщинам и зависимым слоям населения [177, с. 76]. По археоло-

гическим данным, скорченные погребения у сарматов известны еще в IV—III вв. до н. э. [159, с. 22, табл. 3, 9; 4, 1], а позднее — у сарматов Поволжья [208, с. 59, сл., рис. 20, 4; 22, 2].

У аланских племен, живших по берегам Дона [246, с. 262 сл.] и Северского Донца [177, с. 75; 176, с. 187], этот обряд был распространен до раннего средневековья. Известны такие захоронения и у племен салтовской культуры на территории Болгарии [220, с. 113].

Итак, скорченные погребения раннего херсонесского некрополя принадлежали греческому населению, сохранившему пережитки архаических погребальных обрядов. Что касается скорченных погребений первых веков нашей эры, то они, по видимому, сарматские.

Погребения на спине с руками в области таза. В этих захоронениях исследователи обычно усматривают сарматские погребения [255, с. 91; 210, с. 113]. Известны они и в некрополе Херсонеса. В частности, такие костяки зафиксированы среди погребений V—III вв. до н. э. [22, с. 158], когда сарматов в Юго-Западном Крыму еще не было, и, следовательно, говорить о сарматской принадлежности захоронений не приходится. Однако погребения с таким положением рук известны в первых веках нашей эры (всего 59 захоронений). Это по большей части костяки, лежащие на спине, с правой рукой вытянутой вдоль туловища, а левой положенной на область таза. Встречаются захоронения с правой рукой на груди, а левой в области таза [233, с. 22], значительно реже — с правой рукой на тазе, а левой вдоль туловища или обеими руками в области таза [189, с. 149—150]. Наличие таких захоронений в древнейшем некрополе Херсонеса, а также присутствие в подобных погребениях первых веков нашей эры «оболов Харона» [189, с. 155, 170] предостерегают от безоговорочного отнесения их к сарматскому элементу. Против сарматской принадлежности, во всяком случае костяков с левой рукой в области таза, свидетельствует и факт присутствия таких погребений в Афинском некрополе [342, с. 102 сл.].

Таким образом, у нас имеются основания для того, чтобы поставить под сомнение сарматскую принадлежность большинства рассматриваемых захоронений, хотя не исключено, что некоторые из них могли быть сарматскими. Однако установить последнее можно при наличии дополнительных данных. Например, видимо, сарматскими являются погребение с руками в области таза, ориентированное головой на С-В, с серолощенным горшочком в ногах [189, с. 156], а также костяк с деформирован-

ным черепом (правая рука расположена на тазе), но без всякого инвентаря [189, с. 162].

Итак, на наш взгляд, только небольшая часть погребений с руками в области таза могла принадлежать сарматам в некрополе Херсонеса первых веков нашей эры.

Погребения с деформированными черепами относятся к антропологическим указаниям присутствия сарматов в составе населения Херсонеса. Деформация достигалась искусственным путем в младенческом возрасте [95, с. 81 сл.]. У сарматов она получает распространение со II в. н. э. [5, с. 105]. В херсонесском некрополе погребения с деформированными черепами встречались в различных его частях: на берегу Карантинной бухты [130, мог. 1653, 1673, 1960; 189, мог. 2525, 2587, 1618 и др.], у загородного крестообразного храма [129, мог. 1595], у южной [166, мог. 98, 104; 167, мог. 343, 353 и др.] и западной [18, с. 248, 253] оборонительной стен, т. е. практически на всей территории некрополя. Это может указывать на то, что сарматы жили не в одном районе города, а в разных местах. Погребения с деформированными черепами найдены в склепах [18, с. 248 сл.; 151, с. 199], в могилах, вырубленных в скале [130, мог. 1960], в могилах, обложенных камнями [166, мог. 98, 104; 168, мог. 483, 506], и в обычных грунтовых [168, мог. 467, 470; 51, мог. 1653, 1657], а также в подбойных могилах [150, с. 211, 217; 233, с. 21]. Следовательно, эти погребения нельзя связать с какими-то определенными погребальными сооружениями, характерными для сарматов. За исключением подбойных могил, обнаруженных на склонах Девичьей горы, погребения с деформированными черепами оказались в могилах и склепах, которые широко использовались всеми жителями Херсонеса. Это же касается и ориентировки. Погребения с деформированными черепами имели ориентировку (она установлена у 15 костяков) головой на юг [130, мог. 1653, 1673], на север и с отклонениями к востоку [190, мог. 2587, 1618, 2633] и западу [190, мог. 8588]. Встречалась и западная ориентировка [190, мог. 1525]. Погребальный инвентарь обнаружен только в части захоронений, что затрудняет их датировку. Сарматские вещи зафиксированы в единичных случаях, хотя полной уверенности в том, что они принадлежали сарматам, нет. Среди этих вещей можно указать на браслет со змеиными головками [130, мог. 1960], серебряные позолоченные серьги с гранатовыми круглыми вставками [166, мог. 104], литые поясные пряжки с геометрическим орнаментом и сценой борьбы двух зайцев [231, с. 125 сл.].

Судя по монетам, погребения с деформированными черепами датируются концом II в. н. э. [233, с. 21], но чаще — III—IV вв. н. э. [130, с. 96; 129, с. 86; 167, с. 63, 65]. Поэтому можно, по-видимому, говорить о появлении первых представителей этой этнической группы, вероятно аланской, на рубеже II—III вв. н. э., но в большинстве своем позднее — в III—IV вв.

Погребения с сарматскими зеркалами очень редки в некрополе Херсонеса. В настоящее время известно три таких зеркала. Одно из них сохранилось частично и на обратной стороне имеет рельефное изображение тамгообразного знака. Происходит оно из могилы 11/1911 г., раскопанной Р. Х. Лепером. Другое зеркало сохранилось полностью. Его диаметр 7 см. На обратной стороне — орнамент из двух рельефных перекрещенных линий и ушко, но без отверстия, а сбоку, вероятно, остатки литника. Найдено зеркало в могиле № 2529 у Карантинной бухты при костяке, ориентированном головой на С—В, с руками, вытянутыми вдоль туловища [189, с. 154]. Третье зеркало диаметром 4,7 см с ушком, расположенным сбоку, и орнаментом на обратной стороне из шести перекрещенных линий с округло загнутыми концами [217, с. 150]. Аналогичные зеркала известны среди сарматских [249, с. 65 сл.] Их присутствие в погребениях херсонесского некрополя, наряду с другими фактами, может свидетельствовать о присутствии сарматского элемента в составе населения города. Датируются зеркала в пределах II—III вв.

Антропоморфные надгробия появились в Херсонесе еще в IV в. до н. э., поскольку они обнаружены в древнейшем некрополе на северном берегу [19, с. 192, рис. 41]. Особенно широко они были распространены в эллинистическое время. К сожалению, в большинстве своем надгробия найдены в насыпи некрополя [129, с. 75; 130, с. 67 сл.; 169, с. 173 сл.]. Отдельные памятники встречаются также в некрополе первых веков нашей эры [101, с. 108, рис. 2; 266, с. 214 сл.]. Обычно это схематизированное изображение головы, шеи и плеч, вертикально обрезанные по бокам. При этом лицевая сторона совершенно плоская, а обратная — округло-выпуклая. Часть этих памятников внизу имеют выступ-шип, служивший для соединения с постаментом. Другим типом таких надгробий были антропоморфные рельефы, помещенные в нишу-эдикулу, увенчанную фронтоном с акротериями [101, с. 109, рис. 1]. В первых веках нашей эры появляются врезные антропоморфные изображения, которые делались на стелах [266, с. 219, рис. 5, 3, 4] и на стенах при входе в склепы. Примером последних могут служить схематические изображения бюстов погребенных у входа в склеп № 1480, где

обнаружены довольно богатые захоронения II—III вв. н. э. [128, с. 92].

Антропоморфные надгробия первого типа широко известны на Боспоре, где они появились в IV—III вв. до н. э. и применялись без надписей или с греческими надписями. Использовались они также в качестве стел для сюжетного надгробного рельефа [100, с. 239 сл.]. Любопытным примером сочетания антропоморфной стелы со стелой с чисто архитектурным оформлением является так называемая стела Парменонта, где над карнизом возвышается схематическое изображение головы¹⁰⁸.

Несмотря на целый ряд черт, свидетельствующих о греческом происхождении этих стел (греческие надписи, сочетание антропоморфной стелы с рельефным изображением, греческое архитектурное оформление), все они считались памятниками туземными или в лучшем случае греко-варварскими [100, с. 243; 118, с. 64]. При этом антропоморфные надгробия в одних античных городах (Херсонес) относили к памятникам таврским [185, с. 81], в других (Пантикапей) — скифским [100, с. 246], а в третьих (Фанагория) — синдо-меотским [155, с. 115]. Таким образом, одинаковые памятники, при наличии во всех названных городах общего (одинакового) этнического элемента (греков, проживавших в окружении разных племен), при существовании целого ряда греческих черт на антропоморфных памятниках, относили к памятникам туземного населения.

Значительную роль в этом сыграли труды А. П. Ивановой, которая подвела своего рода «теоретическую» базу под гипотезу принадлежности туземному элементу антропоморфных надгробий, гипотезу, в дальнейшем превратившуюся в постулат, на который опирались другие исследователи. Рассматривая антропоморфные надгробия как попытку передать «общий абстрактный образ умершего», А. П. Иванова, сопоставляла их с менгирами, идолами неолита и эпохи бронзы, искала аналогии среди надгробий Осетии (?), а затем на основе, по ее собственным словам, этих довольно отдаленных параллелей делала вывод: «Антропоморфные надгробия Северного Причерноморья восходят к традициям, идущим от первобытного общества с характерным для него коллективистским мышлением, продуктом которого и явился такой общий, абстрактный образ умершего». Далее А. П. Иванова указывала, что «на Боспоре антропоморфные надгробия, по-видимому, восходят к догреческим художественным традициям скифской и, может быть, киммерийской монументальной скульптуры» [100, с. 246].

108

Правда, А. П. Иванова и здесь усматривала «схематическое изображение скифского головного убора, остроугольный верх которого обломан», но при этом указывала, что это «обычная греческая стела IV—III вв. до н. э. с чисто архитектурным оформлением» [100, с. 249].

Вот эти выводы, первоначально предположительные, в трудах других исследователей постепенно превратились в категорические утверждения о принадлежности антропоморфных надгробий представителям туземного населения Северного Причерноморья.

Но если первую часть вывода о том, что антропоморфные надгробия восходят к первобытным традициям, с известными оговорками принять можно, то со второй, относящей эти надгробия к скифам, согласиться нельзя, поскольку в ней проявляется вольная или невольная идеализация греков, а все грубое, примитивное по сути относится на счет туземного населения и его традиций. А между тем в греческом первобытном обществе было немало первобытных пережитков, невежества, примитивных представлений, уходящих своими корнями в далекое прошлое.

На наш взгляд, антропоморфные надгробия (за небольшим исключением ¹⁰⁷, о чем будет сказано ниже), если и восходит к традициям первобытного общества, то к традициям греческим, а отнюдь не киммерийским, скифским, таврским и т. п. Ведь известно, что в архаической Греции поклонялись богам, которых олицетворяли вертикально поставленные камни с округлым верхом или деревянные столбы. Широко распространенные у греков изображения Гермеса — гермы — в своей основе произошли от таких каменных и деревянных столбов [295, с. 53]. Эти древнейшие идолы и умощенные камни в некоторых областях Греции сохранялись вплоть до первых веков нашей эры [145, с. 37] и пользовались почитанием у определенных кругов населения. Следовательно, антропоморфные надгробия, схематически передававшие верхнюю часть человеческого тела, имели корни и в греческой среде, а поэтому их нельзя безоговорочно относить к памятникам туземного населения Северного Причерноморья, как это делалось до сих пор.

Изучение антропоморфных надгробий и стел показывает, что подавляющее их большинство принадлежало греческим погребениям. Об этом свидетельствуют надписи с указаниями имен и патронимиконов [126, № 702, 720, 1071, 1073], имена в характерной для греков форме — имя в номинативе, а патронимикон в генетиве [126, № 218, 410]. Все имена на стелах, найденных в Пантикапее, — греческие, в том числе и Пармата [345, с. 405], которое А. П. Иванова относил к туземным [100, с. 249]. Среди стел, обнаруженные в Гермонассе, только имя Ханак считается иранским, однако патронимикон у него, по-видимому, греческий. Таким образом, надписи греческие и оформлены по греческому обычаю. Что касается отдельных имен негрече-

107

К числу этих исключений, по нашему мнению, следует отнести некоторые антропоморфные стелы первых веков нашей эры с врезным схематическим изображением черт лица.

ского происхождения, то они не могут служить указанием этникона погребенных, поскольку нередко бытовали в греческой среде. Но если даже признать, что в этих отдельных случаях речь идет о туземцах, то и тогда именно они, судя по надписям, подражали грекам, а не наоборот, как это пыталась доказать А. П. Иванова.

Аналогичная картина наблюдалась и в Херсонесе, где подавляющее большинство антропоморфных надгробий следует отнести к греческим памятникам¹⁰⁸. С уверенностью это можно говорить об антропоморфных надгробиях с шипами-выступами для соединения с постаментом, антропоморфных надгробиях с гнездами для эпитафий-вставок, а также о надгробиях, помещенных в нишу-эдикулу, увенчанную фронтоном с акротериями, т. е. с традиционным греческим архитектурным оформлением. В пользу их греческой принадлежности свидетельствует не только техника обработки, но и остатки росписи водяной и восковой красками, которая широко практиковалась при оформлении стел и зданий, а также установка антропоморфных надгробий на одном постаменте с типично греческими надгробными стелами. О греческой принадлежности свидетельствуют факты находок этих памятников в насыпи наиболее богатой части некрополя у южной оборонительной стены, которую еще К. К. Косцюшко-Валюжинич считал аристократической частью некрополя Херсонеса [129, с. 75]. Греческими были и некоторые врезные антропоморфные изображения, появившиеся в первых веках нашей эры. Например схематические врезные антропоморфные изображения на стенах склепа № 1480, погребения в котором датируются II—III вв. н. э., принадлежали представителям богатой херсонесской семьи [128, с. 92, сл., рис. 44].

Однако среди антропоморфных надгробий первых веков нашей эры имеются и такие, которые, вероятно, можно отнести к числу памятников туземного населения. Это, в частности, стелы с врезным изображением черт человеческого лица [266, с. 217, рис. 3, 4]. Такие памятники напоминают соответствующие сарматские стелы с врезным изображением человека [259, с. 196 сл.]. В Крыму они были обнаружены в могильнике у с. Заветное [41, с. 250, рис. 1, 2 (1)]. Следует отметить, что на некоторые из херсонесских стел врезное изображение человеческого лица было нанесено при вторичном использовании их в качестве надгробия. Первоначально, в эллинистическое время, памятник имел на лицевой поверхности не врезное изображение, а соответствующую роспись [266, с. 217, рис. 4], сделанную греческим художником.

К такому выводу независимо от нас пришла Л. Г. Колесникова, опубликовавшая сводку херсонесских антропоморфных надгробий [120, с. 37—38].

Погребения с точильными брусками и другими «варварскими» предметами. Отнесение таких захоронений к числу туземных восходит еще к М. И. Ростовцеву [199, с. 371], который указывал, что точильный брусок является точным варварским признаком. Это положение без всяких доказательств принимается и в наше время, и на этом основании погребения, в которых найдены точильные бруски, считаются негреческими [185, с. 74]. В связи с этим возникает вопрос: разве у греков не было ножей, а следовательно, и точильных брусков? Были, несомненно. Существовал и обычай класть в могилу предметы быта, орудия труда и инструменты. Об этом свидетельствуют типично греческие захоронения в Херсонесе. Например, точильные бруски найдены в урнах с трупосожжением [150, с. 207 сл.], в греческом погребении палестрита со стригилом и бальзамарием, обнаруженном в семейной усыпальнице с обрядом кремации [165, с. 141]. Встречались точильные бруски и в погребениях с «оболами Харона» [189, с. 172]. Все эти факты заставляют отказаться от безоговорочного отнесения указанных херсонесских погребений к числу захоронений туземного населения.

Нельзя признать «варварскими» и погребения, в которых встречаются кремни и кресала, поскольку с помощью этих приспособлений добывали огонь не только варвары, но и греки. Об этом свидетельствуют находки указанных предметов с костяками в сколоченных деревянных гробах с «оболами Харона» [189, с. 157].

Серу обычно считают признаком, характерным для погребений сарматов [71, с. 105; 88, с. 71]. Однако она иногда встречается в типично греческих захоронениях с «оболами Харона» [150, с. 191], а значит, ее использовало и греческое население Херсонеса. Встречаются также погребения с кусочками серы (костяк с руками в области таза, в ногах серолощенный горшок, ориентировка на север с отклонением к востоку), которые с большой вероятностью можно отнести к сарматским [189, с. 156].

Следовательно, пытаясь выяснить этническую принадлежность погребенных, нужно более внимательно и комплексно изучать материалы некрополя, так как тот или иной предмет или признак, взятый сам по себе, не может служить полноценным указанием на присутствие в городе представителей туземного населения, а это, к сожалению, не всегда учитывалось при исследовании Херсонесского некрополя.

Итак, обзор погребальных сооружений и обрядов херсонесского некрополя первых веков нашей эры позволяет сделать

вывод о некоторых изменениях этнического состава населения города. Вместе с тем следует отметить, что существующие в литературе утверждения, основанные на материалах некрополя, сильно преувеличивают удельный вес туземного компонента среди херсонеситов. Указания на присутствие тавров и скифов не подтверждаются. До настоящего времени сильно преуменьшалась роль сарматов, тогда как последние, начиная с конца II в. н. э., все в большем числе проникали в город, превращаясь в один из этнических элементов населения. Таким образом, положение о том, что Херсонес благодаря своему географическому положению остался свободным от сарматского влияния и проникновения [199, с. 612 сл.; 38, с. 68], справедливо только до известного времени. Третья волна сарматской миграции на Крымский полуостров [88, с. 79] захватила и Херсонес.

Что касается других этнических компонентов в составе населения Херсонеса (иудеи, сирийцы, кавказские элементы), которые упоминаются исследователями [182, с. 184 сл.; 185, с. 79 сл.], то археологические материалы не позволяют выделить их присутствия, а опираться при определении этнического состава на находки отдельных привозных вещей, которые могли попасть в город разными путями, или на памятники без точной датировки нам представляется неверным. Тем более для решения этого вопроса нельзя привлекать данные херсонесского раннесредневекового ономастикона [218, с. 119 сл.], так как этнический состав населения Херсонеса к тому времени сильно изменился.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Херсонес Таврический, утративший свою независимость в конце II в. до н. э., и вошедший в состав Понтийского царства после гибели Митридата VI получил автономию, но в дальнейшем попал в зависимость от Рима. Последний, сообразуясь с политической обстановкой, то подчинял Херсонес Боспору, превратившемуся в вассальное царство, то предоставлял Херсонесу «свободу», когда правители Боспора проявляли излишнюю самостоятельность, пользуясь затруднениями Рима. «Свободу» Херсонес получал при Цезаре и при Августе, однако после 14 г. до н. э. город был принужден к военному союзу с Боспором, что для Херсонеса означало утрату автономии. Это положение продолжалось вплоть до римско-боспорской войны 45 г. н. э. После этой войны Херсонес, освободившись от боспорской зависимости, оказался под протекторатом Рима, но в довольно привилегированном положении.

В 60-х гг. I в. н. э. осада скифами Херсонеса заставила Рим отправить свои войска под командованием наместника Мезии Т. Плавция Сильвана на помощь городу. Поход явился началом римской оккупации Херсонеса и Южного берега Крыма. После этого римские власти стали более активно вмешиваться во внутренние дела Херсонеса, что отразилось на чеканке монеты. На возросшую зависимость Херсонеса от Рима при Флавиях указывают статуи наместников Мезии, практика наделения херсонеситов правами римского гражданства, которые предоставлялись местной аристократии за пределами провинций обычно в тех случаях, когда Рим вел подготовку включения той или иной области в состав провинции.

Осложнение обстановки на Дунае, необходимость мобилизации больших воинских контингентов для борьбы с даками и их союзниками при одновременном усилении боспорской армии, успешно отражавшей нападения скифов, заставили Рим, вероятно при Траяне, вывести свои войска из Херсонеса. В результате город временно вновь оказался в зависимости от Боспора. Однако в 30-х гг. II в. н. э. после очередного конфликта с боспорским царем Реметалком Рим сначала разрешает Херсонесу золотую чеканку, а позднее, после настойчивых ходатайств Херсонеса и его метрополии, дарует городу статус

«свободного». Судя по монетам, произошло это около 145 г. н. э. С этого времени в течение последующих 150 лет Херсонес пользовался «свободой» и только в самом конце III в. н. э. эдиктом Диоклетиана был превращен в обычный провинциальный город.

«Свобода», полученная Херсонесом, была свободой в римском смысле, с определенным статусом, согласно которому город был лишен права вести внешнеполитические дела, но сохранял внутреннюю автономию, свои институты и магистраты, право управлять на основе своих законов, чеканить медную монету, право собственности на землю, на налоги и пошлины. Город мог обращаться к императору и наместнику Нижней Мезии, что херсонеситы и делали, когда у них возникали конфликты с римским гарнизоном и с непосредственным представителем римской администрации в лице военного трибуна. Все эти годы «свободный» Херсонес содержал римский гарнизон, состоявший из подразделений I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева легионов, а также вспомогательных войск. В его гавани находились корабли Мезийского флота. Возглавлял гарнизон и эскадру военных трибун, под командованием которого были, вероятно, подразделения и посты бенефициариев, охранявшие подступы к Херсонесу на побережье и сухопутные дороги Юго-Западного Крыма.

Присутствие римского гарнизона и флота позволило оградить город от нападений соседних племен, обеспечить безопасность на дорогах и морских путях сообщения, что способствовало оживлению торговли и развитию ремесел и промыслов. В Херсонесе появились не только члены семей и наследники солдат, но и выходцы из других греческих городов, по большей части вольноотпущенники, в том числе и римские, а также ветераны римской армии.

Содержание римского гарнизона, увеличение налогов, злоупотребления солдат вызывали недовольство херсонеситов и приводили к конфликтам.

Несмотря на присутствие римского гарнизона, угроза со стороны местных племен, видимо, сохранилась, поскольку во II—III вв. н. э. городские власти неоднократно ремонтировали и укрепляли оборонительную систему Херсонеса. Особенно серьезная угроза возникла в III в. н. э. в связи с походами готов и их союзников. Хотя город оказался в стороне от направлений основных ударов этих племен, их походы вызвали сокращение внешней торговли, так как пострадали многие торговые партнеры Херсонеса.

В конце III в. н. э. Херсонес принял участие в римско-бос-

порском конфликте на стороне Рима, за что получил ателию. Однако позднее в связи с реформами императора Диоклетиана город был лишен прав «свободного» и перешел в непосредственное подчинение провинциальных властей. С этого времени Херсонес с его институтами, законами, самобытными обычаями прекращает свое существование как государство и превращается в провинциальный город на периферии Римской империи.

В первых веках нашей эры значительно усложнилась социальная структура Херсонеса. Хотя юридически продолжали существовать три основные социально-правовые группы — граждане, ксены и рабы, — но фактически структура была более сложной, поскольку в каждой из этих групп выделились новые, отличавшиеся своим социально-политическим положением. Произошло это в результате внутренних социально-экономических процессов, происходивших в обществе, также вследствие политики Рима, направленной на поддержку богатых слоев населения. Среди херсонесских граждан существовали по меньшей мере три различные группировки. Булеты образовали особое сословие, державшее в своих руках высшие магистратуры и входившее в состав совета. Это были богачи, нередко обладавшие правами римского гражданства. Другую, наиболее многочисленную группировку составляли демоты, к которым относились граждане среднего достатка. Они добывали себе средства самостоятельным трудом или с помощью нескольких рабов в мастерских, лавках, на рынке, в море или на земельных участках. И, наконец, были граждане, не имевшие собственности, которые даже в официальных документах именовались «чернь». Последние, недовольные своим положением, нередко устраивали волнения, что указывает на глубокие социальные противоречия в херсонесском обществе, а также в среде самих граждан. Неоднородны в социальном отношении были ксены, являвшиеся иноземцами. Среди них были и довольно зажиточные и бедные люди. В Херсонесе существовало также несколько категорий рабов — как по положению, так и по происхождению. Они использовались в мастерских, в храмах, в домашнем хозяйстве, для обслуживания и развлечения рабовладельцев. Некоторые из рабов, в свою очередь, владели рабами. По происхождению среди рабов были греки, малоазиатцы, а также, вероятно, представители туземного населения Крыма. В Херсонесе жило немало вольноотпущенников из греческих городов и римских провинций. Римские отпущенники появились здесь во второй половине I в. н. э. и были людьми состоятельными. Первоначально они не участвовали в полити-

ческой жизни города, однако в дальнейшем, пользуясь поддержкой римских властей, выходцы из этих семей наряду с местными богачами и знатью заняли главенствующее положение, получив доступ к магистратурам и в Совет. Таким образом, потомки римских отпущенников и местная знать превратились в социальную опору Рима и стали проводниками его политики. Развитие социально-экономических отношений привело к преобразованиям в политическом строе. Этому способствовало и вмешательство римских властей. В Херсонесе было сокращено число коллегияльных магистратур, и власть сосредоточилась в руках немногих наиболее богатых и влиятельных семей, при сохранении номинальной роли Народного собрания и усилении влияния совета. Исполнительная власть принадлежала главе коллегии архонтов — первому архонту. Таким образом, фактически установился олигархический строй, при котором представители одних и тех же фамилий, в том числе и херсонеситы, получившие права римского гражданства, занимали важнейшие должности в государстве. Эти лица входили также в состав совета, исполняли почетные обязанности жрецов Девы, а следовательно, в их руках находилась политическая власть.

Наблюдалась в Херсонесе и новые этно-культурные явления, указывающие на изменения этнического состава населения. Следует отметить, что в нашей исторической литературе неоправданно преувеличивался удельный вес варварского элемента среди населения города. Это касается прежде всего тавров, которым приписывались все так называемые «варварские» черты, а между тем на их присутствие указывает единственное упоминание в надгробной эпитафии. Нет у нас оснований говорить и о присутствии скифов. Сарматы появились в Херсонесе только во II в. н. э. Проживали здесь греки (из городов Амастрии, Гераклеи), а также представители туземного населения Малой Азии и выходцы с Боспора. В Херсонесе находились также римские солдаты, члены их семей, наследники и вольноотпущенники. Среди них были греки, фракийцы, иногда другие этнические элементы, но главным образом уроженцы Придунайских провинций. Число римлян и италиков было, вероятно, ничтожным, поскольку даже офицеры гарнизона, расквартированного в Херсонесе и его окрестностях, в большинстве своем были греческого происхождения.

Таким образом, этнический состав населения Херсонеса изменился значительно меньше, чем других городов Северного Причерноморья.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века	НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
АО	— Археологические открытия	ОАК	— Отчет Археологической комиссии
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР	РИЖ	— Русский исторический журнал
Архив ГХМ	— Архив Государственного Херсонесского музея	СА	— Советская археология
ВДИ	— Вестник древней истории	СХМ	— Сообщения Херсонесского музея
ВМУ	— Вестник Московского университета	УИЖ	— Український історичний журнал
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения	Х. Сб.	— Херсонесский сборник
ЗНРАО	— Записки Нумизматического отделения Русского Археологического общества	ХУ	— Харьковский университет
ЗОАО	— Записки Одесского Археологического общества	AHR	— American Historical Review
ЗООиД	— Записки Одесского общества истории и древностей	AJA	— American Journal of Archaeology
ИАДК	— История и археология древнего Крыма	AJPh	— American Journal of Philology
ИАИ	— Известия на Археологический институт	BCH	— Bulletin de correspondance hellénique
ИАК	— Известия Археологической комиссии	CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры	IG	— Inscriptiones Graecae
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры	IGBR	— Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии	IGRP	— Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes
КБН	— Корпус боспорских надписей	ILS	— Inscriptiones Latinae selectae
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии	IOSPE	— Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры	JHS	— Journal of Hellenic Studies
КСОГУ и ОАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного университета и Одесского Археологического музея	JRS	— Journal of Roman Studies
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР	MAMA	— Monumenta Asiae Minoris antiqua
НО	— Надписи Ольвии	MDAI	— Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts, Römische Abteilungen
НС	— Нумизматика и сфрагистика	SC	— Scythica et Caucasica
НСб	— Нумизматический сборник	SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche
		SEG	— Supplementum epigraphicum Graecum
		Syll	— Sylloge Inscriptionum Graecarum/Ed. W. Dittenberger
		ZDMG	— Zeitschrift der deutsche Morgenländischen Gesellschaft

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и раннее христианство.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 306—314.
2. *Ленин В. И.* О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 64—84.
3. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада.— М. : Наука, 1965.— 168 с.
4. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор.— М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949.— 601 с.
5. *Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э.— СА, 1961, № 1, с. 91—110.
6. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э.— НЭ, 1963, т. 4, с. 3—88.
7. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.— XII в. н. э.).— Киев : Наук. думка, 1977.— 176 с.
8. *Антонова И. А., Аркадова Л. А.* Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе.— В кн.: АО 1970 года.— М. : Наука, 1971, с. 270—271.
9. *Аполония* : Розкопките в некрополе на Аполония през 1947—1949 гг.— София, 1963.— 605 с.
10. *Аппиан.* Гражданские войны.— Л. : Соцэкгиз, 1935.— 351 с.
11. *Аппиан.* Митридатские войны.— ВДИ, 1946, № 4, с. 231—324.
12. *Аристотель.* Политика.— Спб., 1911.— 465 с.
13. *Ахмеров Р. Б.* Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 1949, № 4, с. 99—123.
14. *Бабинов Ю. А.* Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического.— ВДИ, 1970, № 4, с. 73—80.
15. *Баранов Т. А.* Нові середньовічні пам'ятки на горі Аю-Даг.— В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., Київ, 1972, вип. 4, с. 250—253.
16. *Белецкий А. А.* О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях.— СА, 1958, т. 28, с. 72—85.
17. *Белецкий А. А., Яковенко Э. В.* Новые эпиграфические находки в скифских курганах Керченского полуострова.— ВДИ, 1969, № 3, с. 153—160.
18. *Белов Г. Д.* Западная оборонительная стена и некрополь возле нее (раскопки 1948 г.).— МИА, 1953, № 34, с. 237—254.
19. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг.— Симферополь : Крымиздат, 1938.— 351 с.
20. *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.).— МИА, 1953, № 34, с. 160—236.
21. *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической эпохи.— СА, 1950, т. 13, с. 272—284.
22. *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи.— ВДИ, 1948, № 1, с. 155—163.
23. *Белов Г. Д.* Римские пристенные склепы № 1013 и 1014 в Херсонесе.— Х. Сб., 1927, вып. 2, с. 105—146.
24. *Белов Г. Д.* Северный прибрежный район Херсонеса.— МИА, 1953, № 34, с. 11—31.
25. *Белов Г. Д.* Херсонес—Корсунь.— Л. : Сов. художник, 1969.— 47 с.
26. *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический.— Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948.— 147 с.
27. *Белов Г. Д.* Херсонесские рельефы.— ВДИ, 1940, № 3—4, с. 266—287.
28. *Беляев С. А.* К пониманию CIL VIII, № 619.— ВДИ, 1968, № 4, с. 127—136.
29. *Бертье-Делагард А. Л.* Значение монограмм на монетах г. Херсонеса.— ЗНОРАО, 1906, т. 1, вып. 1, с. 51—79.

30. *Бертье-Делагард А. Л.* Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса.— ЗООИД, 1893, т. 16, с. 68—78.
31. *Бешевлиев В.* Прочувания вверху личните имена у траките.— София, 1965.— 97 с.
32. *Білецький А. О.* Проблема мови скіфів.— Мовознавство, 1953, т. 11, с. 210—219.
33. *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция.— М.: Наука, 1966.— 255 с.
34. *Блаватская Т. В.* Западнопонтійские города в VII—I вв. до н. э.— М.: Изд-во АН СССР, 1952.— 264 с.
35. *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья.— М.: Изд-во АН СССР, 1953.— 208 с.
36. *Блаватский В. Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора.— М.: Изд-во АН СССР, 1964.— 230 с.
37. *Блаватский В. Д.* Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья.— СА, 1954, т. 20, с. 31—56.
38. *Блаватский В. Д.* Северопонтійские города в конце II—I вв. до н. э.— ВМУ, 1949, № 7, с. 55—70.
39. *Блаватский В. Д.* Харакс.— МИА, 1951, № 19, с. 250—291.
40. *Бобринский А. А.* Херсонес Таврический.— СПб., 1905.— 196 с.
41. *Богданова Н. А.* Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму.— СА, 1961, № 2, с. 249—252.
42. *Болтунова А. И.* К надписи IOSPE, II, 400.— ВДИ, 1954, № 1, с. 168—176.
43. *Бондарь Р. Д.* Археологические раскопки у с. Орловка.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1968 г., Киев, 1971, вып. 3, с. 66—70.
44. *Борисова В. В.* Черепица с клеймами римских легионов.— СХМ, 1961, вып. 2, с. 39—45.
45. *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор.— НЭ, 1974, т. 11, с. 99—124.
46. *Борисова В. В.* Херсонесское надгробие, поставленное вскормленником.— ВДИ, 1962, № 2, с. 109—112.
47. *Бузольт Г.* Очерк государственных и правовых греческих древностей.— Харьков, 1895.— 320 с.
48. *Василенко Б. А.* Заметки о гераклеийских клеймах.— СА, 1970, № 3, с. 217—224.
49. *Васильев А. А.* Готы в Крыму.— ИРАИМК, 1921, вып. 1, с. 247—344.
50. *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского.— Труды. СПб., 1912, т. 2, вып. 2, с. 351—427.
51. *Венедиков И.* Розкопките в некропола на Аполония през 1946.— В кн.: Розкопки и прочувания, т. 2.— София, 1948.
52. *Висотська Т. М.* Питання етнічного складу населення південно-західного Криму.— Археологія. Київ, 1970, т. 23, с. 91—107.
53. *Висотская Т. Н.* Поздние скифы в юго-западном Крыму.— Киев: Наук. думка, 1972.— 191 с.
54. *Висотська Т. М.* Про виробництво скла в пізньоантичному Криму.— Археологія. Київ, 1964, т. 16, с. 2—20.
55. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.— 624 с.
56. *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья, т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 23—147.
57. *Гайдукевич В. Ф.* Мнимая базилика Лаврентия.— Леонтия.— МИА, 1953, № 34, с. 299—315.
58. *Георгиев В.* Тракийский язык.— София, 1957.— 102 с.
59. *Герасимова В.* Разместване на римските помощни войски през II в. в Мизия и Дакия.— Археология, 1969, кн. 4, с. 5—11.
60. *Геродот.* История в девяти книгах.— Л.: Наука, 1972.— 600 с.
61. *Гесиод.* Работы и дни: Земледельческая поэма.— М.: Недра, 1927.— 88 с.
62. *Гилевич А. М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса.— НС. Киев, 1968, т. 3, с. 3—61.
63. *Гилевич А. М.* Прибрежный клад римских монет.— НЭ, 1965, т. 5, с. 103—111.

64. Гилевич А. М. Могила с двумя подбоями.— СХМ, 1961, вып. 2, с. 51—56.
65. Голенко К. В. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э.— ВДИ, 1964, № 4, с. 50—73.
66. Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. н. э.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.— 196 с.
67. Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н. э.— М.: Изд-во АН СССР, 1951.— 136 с.
68. Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов.— М., 1929.— 223 с.
69. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.— 240 с.
70. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифин в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 1939, № 3, с. 231—312.
71. Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов.— ВДИ, 1947, № 3, с. 100—121.
72. Граков Б. Н. Тара и хранение продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э.— ИГАИМК, 1935, вып. 108, с. 147—183.
73. Граков Б. Н. Скифы.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.— 171 с.
74. Граков Б. Н. Термин *σχιδαί* и его производные в надписях Северного Причерноморья.— КСИИМК, 1947, вып. 16, с. 79—88.
75. Граков Б. Н. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор.— Труды ГИМ, 1926, вып. 1, с. 165—206.
76. Граков Б. Н., Виноградов Ю. Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического.— ВДИ, 1970, № 3, с. 127—134.
77. Гриневич К. Э. Подстенный склеп № 1012.— Х. Сб., 1926, вып. 1, — 72 с.
78. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1927—1928 гг.— Крым, 1929, № 1, с. 14—32.
79. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического, ч. 2.— Х. Сб., 1927, вып. 2, с. 3—104.
80. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического, ч. 3.— Х. Сб., 1959, вып. 5, с. 75—115.
81. Гриневич К. Э. Херсонес и Рим.— ВДИ, 1947, № 2, с. 228—237.
82. Даниленко В. Н. Позднеантичное погребение.— СХМ, 1961, вып. 2, с. 57—62.
83. Даниленко В. Н. Надгробные стелы.— СХМ, 1969, вып. 4, с. 29—44.
84. Даниленко В. Н. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э.— АДСВ, 1966, сб. 4, с. 136—178.
85. Данов Х. М. Западният бряг на Черно море в древността.— София, 1947.— 147 с.
86. Дашевская О. Д. Исследования в северо-западном Крыму.— В кн.: АО 1968 года. М.: Наука, 1969, с. 297—299.
87. Дашевская О. Д. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом.— СА, 1963, № 4, с. 205—210.
88. Десятчиков Ю. М. Сарматы на Таманском полуострове.— СА, 1973, № 4, с. 69—80.
89. Дечев Д. Принос към историята на западнопонтийските градове.— ИАИ. София, 1950, т. 27, с. 59—70.
90. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека.— СПб., 1775.— 1941 с.
91. Дьяков В. Н. Оккупации Таврики Римом в I в. н. э.— ВДИ, 1941, № 1, с. 87—97.
92. Дьяков В. Н. Таврика в эпоху римской оккупации.— Учен. зап. МГПИ, 1942, т. 28, вып. 1, с. 3—92.
93. Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре.— В кн.: Северное Причерноморье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 82—115.
94. Жебелев С. А. Херсонесская присяга.— Там же, с. 217—247.
95. Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы.— КСИИМК, 1940, вып. 8, с. 81—88.
96. Златковская Т. Д. Мезия в I—II веках н. э.— М.: Изд-во АН СССР, 1951.— 136 с.
97. Зограф А. Н. Античные монеты.— МИА, 1951, № 16. — 264 с.
98. Иванов Е. Э. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк.— Симферополь, 1912.— 375 с.
99. Иванов Г. Ескуп в светлината на последните проучвания.— В кн.: Археологически открития в България. София, 1957, с. 111—113.

100. *Иванова А. П.* Боспорские антропоморфные надгробия.— СА, 1950, т. 13, с. 239—254.
101. *Иванова А. П.* Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями.— СА, 1941, т. 7, с. 107—120.
102. *Иванова Г. П.* Сцена «загробної трапези» на херсонеських надгробних рельєфах.— Археологія. Київ, 1970, т. 23, с. 74—90.
103. *Кадеев В. И.* Импортные светильники I—IV веков н. э. из Херсонеса.— СА, 1969, № 3, с. 159—170.
104. *Кадеев В. И.* Исследования в портовой части Херсонеса.— В кн.: АО 1968 года. М.: Наука, 1969, с. 286—287.
105. *Кадеев В. И.* К вопросу о составе херсонесского совета (‘ἡ βουλῆ) в первых веках н. э.— ВДИ, 1971, № 3, с. 127—130.
106. *Кадеев В. И.* Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя.— ВДИ, 1973, № 4, с. 108—116.
107. *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э.— Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1970.— 164 с.
108. *Кадеев В. И.* До питання про римських вільновідпущеників у Херсонесі в перших століттях н. е.— Вісн.Харк. ун-ту, № 104. Історія, 1974, вип. 8, с. 83—88.
109. *Кадеев В. И.* Про державний лад Херсонесу в перших віках н. е.— УІЖ, 1971, № 9, с. 23—31.
110. *Каллистов Д. П.* Рабство в Северном Причерноморье V—III в. до н. э. — В кн.: Рабство на периферии античного мира.— Л., 1968, с. 193—221.
111. *Капошина С. И.* Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса.— СА, 1941, т. 7, с. 161—173.
112. *Карышковский П. О.* Об эре Херсонеса Таврического.— В кн.: КСОГУ и ОАМ, 1961, с. 107—114.
113. *Карышковский П. О.* З історії греко-скіфських відносин у північно-західному Причорномор’ї.— АП УРСР, 1962, т. 11, с. 102—121.
114. *Кастанаян Е. Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности.— МИА, 1959, № 69, с. 257—295.
115. *Книпович Т. Н.* К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии в I—III вв. н. э.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.— Л.: Наука, 1968, с. 189—197.
116. *Книпович Т. Н.* Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища.— СА, 1940, т. 6, с. 92—106.
117. *Книпович Т. Н.* Танаис.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.— 179 с.
118. *Кобылина М. М.* Фанагория (По материалам археологических раскопок). — МИА, 1956, № 57, с. 5—101.
119. *Колесникова Л. Г.* Воинские надгробия.— СХМ, 1969, вып. 4, с. 44—54.
120. *Колесникова Л. Г.* Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса?— СА, 1973, № 3, с. 37—48.
121. *Колесникова Л. Г.* Спорт в античном Херсонесе.— Л.: Сов. художник, 1964.— 27 с.
122. *Колобова К. М.* Политическое положение городов в Боспорском царстве.— ВДИ, 1953, № 4, с. 47—71.
123. *Колосовская Ю. К.* Роль италийских отпущенников в романизации Паннонии.— ВДИ, 1971, № 2, с. 57—70.
124. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством.— ИГАИМК. М.; Л., 1934, вып. 90 — 73 с.
125. *Корольков Д.* Несколько неизданных мегарских надписей.— ЖМНП, 1883, сент., с. 69—70.
126. *Корпус боспорских надписей.*— Л.: Наука, 1965.— 951 с.
127. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году.— ИАК, 1901, вып. 1, с. 51—109.
128. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году.— ИАК, 1905, вып. 16, с. 37—113.

129. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году.— ИАК, 1906, вып. 20, с. 17—100.
130. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году.— ИАК, 1907, вып. 25, с. 67—71.
131. *Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году.— ИАК, 1911, вып. 42, с. 1—91.
132. *Крис Х. И.* Таврские каменные ящики у Гаспры.— КСИА, 1966, вып. 107, с. 75—79.
133. *Ксенофонт.* Греческая история.— Л.: Соцэкгиз, 1935.— 379 с.
134. *Кудрявцев О. В.* Исследование по истории Балканско-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим вопросам древней истории.— М.: Изд-во АН СССР, 1957.— 411 с.
135. *Кудрявцев О. В.* Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— 364 с.
136. *Лааров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности.— В кн.: Памятники христианского Херсонеса. М., 1906, вып. 2.— 185 с.
137. *Лалин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья.— Киев: Изд-во АН УССР, 1966.— 239 с.
138. *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г.— ИАК, 1902, вып. 3, с. 21—57.
139. *Латышев В. В.* Заметки к херсонесским надписям, изданным Р. Х. Лепером.— ИАК, 1912, вып. 45, с. 132—136.
140. *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной России.— ИАК, 1904, вып. 10, с. 1—9.
141. *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной России.— ИАК, 1905, вып. 14, с. 94—137.
142. *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной России.— ИАК, 1918, вып. 65, с. 9—21.
143. *Латышев В. В.* Жития св. епископов Херсонских: Исследования и тексты.— Записки АН: Ист.-филол. отдел, 1906, т. 8, № 3, 1906.— 81 с.
144. *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей, ч. 1.— СПб, 1897.— 373 с.
145. *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей, ч. 2.— СПб, 1899.— 326 с.
146. *Латышев В. В.* ПОНТИКА.— СПб, 1909.— 336 с.
147. *Латышев В. В.* Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического.— ЖМНП, 1884, июнь, с. 35—77.
148. *Леви Е. И.* Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г.— ВДИ, 1953, № 1, с. 177—183.
149. *Лепер Р. Х.* Херсонесские надписи.— ИАК, 1912, вып. 45, с. 23—70.
150. *Лепер Р. Х.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя.— Х. Сб., 1927, вып. 2, с. 187—256.
151. *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до н. э.— Киев: Изд-во АН УССР, 1965.— 196 с.
152. *Лесков А. М.* Раскопки каменных ящиков в Байдарской долине в Крыму.— КСИА. Киев, 1960, вып. 10, с. 70—77.
153. *Любкер.* Реальный словарь классических древностей.— СПб., 1885.— 1552 с.
154. *Максимова М. И.* Античные города юго-восточного Причерноморья.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.— 472 с.
155. *Марченко И. Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории.— МИА, 1956, № 57, с. 102—127.
156. *Машкин Н. А.* Принципат Августа.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.— 687 с.
157. *Машкин Н. А.* Эдикты Августа из Киренаики.— ВДИ, 1938, № 3, с. 180—192.
158. *Миллер В.* Эпиграфические следы иранства на юге России.— ЖМНП, 1886, октябрь, с. 232—285.
159. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— 56 с.

160. *Надписи Ольвии*.— Л. : Наука, 1968.— 130 с.
161. *Невская В. П.* Византизм в классическую и эллинистическую эпохи.— М. : Изд-во АН СССР, 1953.— 159 с.
162. *Никитский А. В.* Исследования в области греческих надписей.— Юрьев, 1901.— 290 с.
163. *Новикова Р. И.* Симнамоны и номофилаки.— ВДИ, 1961, № 2, с. 102—108.
164. *Новикова Р. И.* Эпиграфические данные о стратегах Херсонеса Таврического и родственных ему городов.— В кн.: Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1964, с. 192—209.
165. *ОАК* за 1891 год.— СПб., 1893, с. 187.
166. *ОАК* за 1892 год.— СПб., 1894, с. 173.
167. *ОАК* за 1893 год.— СПб., 1895, с. 51—75.
168. *ОАК* за 1894 год.— СПб., 1896, с. 51—76.
169. *ОАК* за 1896 год.— СПб., 1898, с. 165—198.
170. *Овидий Назон.* Скорбные элегии. Письма с Понта.— М. : Наука, 1979.— 271 с.
171. *Орешников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского.— НСб. М., 1913, т. 2, с. 1—48.
172. *Орешников А. В.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья.— ИРАИМК, 1922, т. 2, с. 113—138.
173. *Периханян А. Г.* Иеродулы и иерои храмовых объединений в Малой Азии и Армении.— ВДИ, 1957, № 2, с. 47—68.
174. *Периханян А. Г.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении.— М. : Изд-во вост. лит., 1959.— 186 с.
175. *Петров В. П.* Скифы. Мова і етнос.— Київ: Вид-во АН УРСР, 1968.— 150 с.
176. *Плетнева С. А.* О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья. В кн.: Исследования по археологии СССР : Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961, с. 182—193.
177. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— М.: Наука, 1967.— 198 с.
178. *Плиний Младший.* Письма.— М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.— 579 с.
179. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания, т. 2, 3.— М. : Изд-во АН СССР, 1963—1964.
180. *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепках Эрмитажного собрания.— Пг., 1917.— 191 с.
181. *Пругло В. И.* Эпиграфические клейма Гераклеи Понтийской из Мирмекии.— КСИА, 1972, вып. 130, с. 12—20.
182. *Пятышева Н. В.* К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I—VI вв. н. э.— В кн.: Античное общество. М. : Наука, 1967, с. 183—187.
183. *Пятышева Н. В.* Скифы и Херсонес.— В кн.: ИАДК. Киев, 1957, с. 249—263.
184. *Пятышева Н. В.* Тавры и Херсонес Таврический.— КСИИМК, вып. 29, 1949, с. 122—124.
185. *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия Херсонеса.— Труды ГИМ. М., 1956, вып. 18, 84 с.
186. *Раевский Д. С.* К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э.—II в. н. э.).— ВДИ, 1973, № 2, с. 110—120.
187. *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв.— М. : Изд-во АН СССР, 1949.— 264 с.
188. *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э.— М. : Изд-во АН СССР, 1954.— 148 с.
189. *Репников Н. И.* Дневник Херсонесского некрополя в 1908 г.— Х. Сб., 1927, вып. 2, с. 147—186.
190. *Репников Н. И.* Каменные ящики Байдарской долины.— ИАК, 1909, вып. 30, с. 127—155.
191. *Репников Н. И.* О характере римской оккупации Южного берега Крыма.— СА, 1941, т. 7, с. 121—128.
192. *Ростовцев М. И.* Новые латинские надписи из Херсонеса.— ИАК, 1907, вып. 23, с. 1—20.

193. *Ростовцев М. И.* Новые латинские надписи с юга России.— ИАК, 1908, вып. 27, с. 55—67.
194. *Ростовцев М. И.* К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи. — В кн.: Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, с. 5—16.
195. *Ростовцев М. И.* Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе.— ИАК, 1916, вып. 60, с. 63—69.
196. *Ростовцев М. И.* Понт, Вифиния, Боспор.— РИЖ, 1917, кн. 1—2, с. 110—130.
197. *Ростовцев М. И.* Цезарь и Херсонес.— ИАК, 1917, вып. 63, с. 1—21.
198. *Ростовцев М. И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове.— ЖМНП, 1900, март, с. 140—158.
199. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор.— Л., 1925.— 621 с.
200. *Ростовцев М. И.* Эллиниство и иранство на юге России.— Пг., 1918.— 190 с.
201. *Савеля О. Я.* О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса.— КСИА, 1970, вып. 124, с. 48—50.
202. *Сапрыкин С. Ю.* К вопросу о пребывании V Македонского легиона в Херсонесе.— В кн.: Тезисы докладов всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980, с. 56—57.
203. *Свенцицкая И. С.* К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии.— ВДИ, 1966, № 2, с. 44—53.
204. *Свенцицкая И. С.* Разрушение гражданского коллектива и полисной собственности в провинции Азии.— ВДИ, 1969, № 3, с. 130—141.
205. *Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей.— М.: Изд-во АН СССР, 1964.— 375 с.
206. *Семенов-Зусер С. А.* Рыбный рынок в Херсонесе.— ВДИ, 1947, № 2, с. 237—246.
207. *Сергеев М. Е.* Ремесленники древнего Рима.— Л.: Наука, 1968.— 152 с.
208. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, № 78, 1960, с. 10—168.
209. *Слонимский М. М.* Начало римской оккупации Северного Причерноморья.— Сб. науч. трудов Пятигорского гос. пед. ин-та, 1949, вып. 4, с. 199—211.
210. *Смирнов К. Ф.* Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа.— КСИИМК, 1950, вып. 32, с. 113—125.
211. *Соколова К. Ф.* Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини.— АП УРСР, 1963, т. 13, с. 124—159.
212. *Соломоник Э. И.* Две случайные эпитафические находки в Крыму.— НЭ, 1965, т. 5, с. 97—102.
213. *Соломоник Э. И.* Новые эпитафические памятники Херсонеса.— Киев: Изд-во АН УССР, 1964.— 194 с.
214. *Соломоник Э. И.* Новые эпитафические памятники Херсонеса.— Киев: Наук. думка, 1973.— 283 с.
215. *Соломоник Э. И.* Памятники с надписями.— СХМ, 1969, вып. 4, с. 55—77.
216. *Соломоник Э. И.* О римском флоте в Херсонесе.— ВДИ, 1966, № 2, с. 165—171.
217. *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья.— Киев: Изд-во АН УССР, 1959.— 178 с.
218. *Соломоник Э. И.* К вопросу о населении Херсонеса.— В кн.: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979, с. 119—125.
219. *Станчев Ст.* Некрополь до Нови Пазар.— София, 1957.— 228 с.
220. *Станчев Ст.* Новый памятник ранней болгарской культуры.— СА, 1957, т. 27, с. 107—132.
221. *Стоян И.* О некоторых до сих пор неизвестных аспектах рабства в г. Томы.— Dacia, 1960, т. 4, с. 297—307.
222. *Страбон.* География.— М.: Изд-во АН СССР, 1964.— 943 с.
223. *Стржелецкий С. Ф.* К вопросу интерпретации и датировки некоторых памятников Херсонеса из раскопок 1935—1936 гг.— Археол. сб. науч.-исслед. ин-та музейно-краеведческой работы. М., 1947, т. 2, с. 145—160.

224. *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического.— *Х. Сб.*, 1961, вып. 6. —247 с.
225. *Стржелецкий С. Ф.* Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 63—85.
226. *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году.— *Х. Сб.*, 1948, вып. 4, с. 69—95.
227. *Суров Е. Г.* Новая херсонесская надпись.— *ВДИ*, 1960, № 3, с. 154—158.
228. *Суров Е. Г.* К вопросу о херсонесских клерах.— *АДСВ*, 1966., сб. 5, с. 329—336.
229. *Суров Е. Г.* К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом.— *Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина*, 1942, т. 28, вып. 1, с. 93—128.
230. *Суров Е. Г.* Херсонес Таврический.— *Свердловск*, 1961.— 156 с.
231. *Тахтай А. К.* Археологические открытия в Херсонесе в 1942—1944 гг. — *КСИИМК*, вып. 14, 1947, с. 122—131.
232. *Тахтай А. К.* Новая надпись из Херсонеса Таврического.— *КСИИМК*, 1947, вып. 15, с. 58—62.
233. *Тахтай А. К.* Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году.— *Х. Сб.*, 1948, вып. 4, с. 19—43.
234. *Тацит.* *Анналы.*— *Соч.*, т. 1.— Л.: Наука, 1969.— 444 с.
235. *Тацит.* *История.*— *Соч.*, т. 2.— Л.: Наука, 1969.— 370 с.
236. *Тодоров Я.* Паганизмът въ Долна Мизия през първите три века следъ Христа.— *София*, 1928.— 278 с.
237. *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества.— М.: Изд-во иностр. лит., 1958.— 659 с.
238. *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте.— *Пг.*, 1918.— 168 с.
239. *Тудор Д.* Киликийская когорта в Малой Скифии и Тавриде.— В кн.: Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской народной республики. Кишинев, 1960, с. 241—258.
240. *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население. Тавры.— *ВДИ*, 1949, № 4, с. 75—86.
241. *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население. Скифы.— *ВДИ*, 1950, № 2, с. 48—56.
242. *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. V. Херсонесские проксенни.— *ВДИ*, 1950, № 4, с. 11—25.
243. *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.— *ИАК*, 1903, вып. 8, с. 1—112.
244. *Федорова Е. В.* Латинская эпиграфика.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.— 373 с.
245. *Филов Б.* Помощните войски на римската провинция Мизия.— *Известия на историческо дружество.* София, 1906, т. 2, с. 41—90.
246. *Флеров В. С.* Поселение VIII—IX вв. у ст. Богоявленской.— *СА*, 1971, № 2, с. 258—265.
247. *Фол А.* Демографска и социална структура на древна Тракия I хилядолетие преди новата ера.— *София*, 1970.— 284 с.
248. *Фукидид.* *История*, т. 1, 2.— М., 1915.
249. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— *СА*, 1963, № 4, с. 58—71.
250. *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора.— В кн.: *Античное общество.*— Л.: Наука, 1967, с. 204—208.
251. *Цветашва Г. А.* Грунтовой некрополь Пантыкапея, его история, этнический и социальный состав.— *МИА*, 1951, № 19, с. 63—86.
252. *Цехмистренко В. И.* О принадлежности вторых имен в синописных клеймах.— *НЭ*, 1968, т. 7, с. 23—36.
253. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации.— М.: Изд-во иностр. лит., 1952.— 468 с.
254. *Шангин М.* Некоторые надписи Херсонесского музея.— *ВДИ*, 1938, № 3, с. 72—87.
255. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса.— *МИА*, 1961, № 98.— 95 с.

256. Шелов Д. Б., Брашинский И. Б. Рецензия на книгу В. В. Лапина «Греческая колонизация Северного Причерноморья» (Киев, 1966).— ВДИ, 1969, № 3, с. 161—171.
257. Шляев Б. А. Стела Гокона.— ВДИ, 1955, № 2, с. 175—180.
258. Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае.— ВДИ, 1946, № 3, с. 256—266.
259. Шульц П. Н. Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке.— ЗОАО, 1967, т. 2, с. 196—201.
260. Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху.— М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 235—272.
261. Шульц П. Н. Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму.— КСИА. Киев, 1957, вып. 7, с. 62—66.
262. Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды.— ВДИ, 1965, № 2, с. 107—113.
263. Щеглов А. Н. К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом.— Eirene. Praha, 1966, t. 5, с. 99—105.
264. Щеглов А. Н. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма.— СХМ, 1961, вып. 2, с. 70—80.
265. Щеглов А. Н. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического.— МИА, 1969, № 150, с. 135—177.
266. Щеглов О. М. Херсонеські антропоморфні стели з різними зображеннями.— Археологія. Київ, 1968, т. 21, с. 214—221.
267. Яценко И. В. Исследования сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967 гг.).— КСИА, 1970, вып. 124, с. 31—38.
268. Abbot F. F. Municipal administration in the Roman Empire.— Princeton, 1962.— 599 p.
269. Anderson I. G. C. Augustan edicts from Gyrene.— JRS, vol. 27, part. 1, 1927, p. 33—48.
270. Anderson I. G. C. Exploration in Galatia cis Halym.— JHS, 1899, vol. 19, p. 52—134.
271. Andreades A. M. History of Greek public finance, vol. 1.— Cambridge, 1933.
272. Bang H. Die Herkunft der römischen Sklaven.— MDAI, 1910, Bd 25, f. 3, S. 223—251.
273. Bechtel F. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit.— Halle, 1917.— 637 S.
274. Box H. Roman citizenship in Lakonia.— JRS, 1931, vol. 31, part 2, p. 200—214.
275. Bronner O. Excavations in the Agora at Corinth.— AJA, 1933, vol. 37, No 4, p. 567.
276. Bruce F. F. Some Roman slave-names.— Proceedings of the Leeds Philos. Liter. Society, 1938, vol. 1, p. 42—49.
277. The Cambridge ancient history, vol. 10.— Cambridge, 1934.— 1057 p.
278. Cameron A. Ὀρεντοί and related terms in the inscriptions of Asia Minor.— In: Anatolian studies presented to W. H. Buckler. Manchester, 1939, p. 27—62.
279. Canarache V. Importul amforelor stampilate la Iстриa.— București, 1957.— 446 p.
280. Caskey M. E. New letter from Greece.— AJA, 1971, vol. 75, No 3, p. 298—299.
281. Cheesman G. L. Auxilia of the Roman army.— Oxford, 1914.— 197 p.
282. Cumont F. Fragment de bouclier portant une liste d'étapes.— Syrie, 1925, vol. 6, f. 1, p. 1—25.
283. Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, t. 4, p. 1.— Paris, 1905.— 808 p.
284. Dean L. R. A study of the cognomina of soldiers in the Roman legions.— Princeton, 1916.— 321 p.
285. Desborough V. R. d'A. Three geometric tombs, Mycenae 1939—1954.— Annual of British School at Athens, 1955, vol. 50, p. 239—247.
286. Detschew D. Die thrakischen Sprachreste.— Wien, 1957.— 584 S.
287. Dragendorf H. Terra Sigillata.— Bonner Jahrbücher, 1895, t. 96, p. 18—155.
288. Excavations at Olynthus, vol. 11.— Baltimore, 1942.
289. Vacmer M. Die Iranier in Südrussland.— Leipzig, 1923.
290. Fick A. Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung orklärt und systematisch geordnet.— Göttingen, 1894.— 474 S.

291. *Filow B.* Die Legionen der Provinz Moesia von Augustus bis auf Diocletian.— Klio, 1906, Bd 6, S. 89—185.
292. *Fink R. O.* Roman military records on papyrus.— Princeton, 1971.— 564 p.
293. *Fitz J.* Die Laufbahn der Staatthalter in der römischen Provinz Moesia Inferior.— Veimar, 1966.— 92 S.
294. *Frank T.* Rice mixture in the Roman Empire.— AHR, 1916, vol. 21, p. 689—708.
295. *Goldmann H.* The origin of the Greek Herm.— AJA, 1942, vol. 46, No 1, p. 58—68.
296. *Gordon M. L.* The nationality of slaves under the Early Roman Empire.— JRS, 1924, vol. 14, p. 96—111.
297. *Hanell K.* Megarische Studien.— Lundunum, 1934.— 226 S.
298. *Highbarger E. L.* The history and civilization of ancient Megara.— Baltimore, 1927.— 220 p.
299. *Jones A. H. M.* Greek city from Alexander to Justinian.— Oxford, 1940.— 393 p.
300. *Justi F.* Iranisches Namenbuch.— Marburg, 1895.— 526 S.
301. *Kajanto J.* Origin of the persons recorded in the Greek epitaphs of Rome.— Acta Instituti Romani Finlandiae. Helsinki, 1963, vol. 2, No 3, p. 1—44.
302. *Kajanto J.* Supernomina : A study in Latin epigraphy.— Helsinki, 1966.— 115 p.
303. *Kajanto J.* The significance of Non-Latin cognomina.— Latomus, 1968, vol. 27, f. 3, p. 517—534.
304. *Kajanto J.* The Latin cognomina.— Societas Scientiarum Fennicae : Commentationes Humanarum Litterarum. Helsinki, 1965, vol. 36, No 2, p. 2—418.
305. *Kern O.* Die Inschriften von Magnesia am Meander.— Berlin, 1900.— 296 S.
306. *Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabrelief aus Südrussland.— Berlin, 1909.— 1483 S.
307. *Kübler K.* Die Nekropole des späten 8 bis frühen 6 Jahrhunderts.— Berlin, 1959.— 310 S.
308. *Latyshev B.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, vol. 1, ed. 2.— Petropoli, 1916.— 594 c.
309. *Luria S.* Kureten, Molpen. Aisymneten.— Acta antiqua. Budapest, 1963, t. 11, f. 1, 2, p. 31—36.
310. *Magie D.* Roman rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ, vol. 1, 2.— Princeton, 1950.
311. *Majewski K.* Kultura rzymska w Bułgarii.— Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.— 237 S.
312. *Mateescu G. G.* Nomi traci nel territorio scito-sarmatico.— Ephemeris Dacoromana, 1924, t. 2, p. 223—238.
313. *McDonald W. A.* Excavations at Nichoria in Messenia : 1969—1971.— Hesperia, 1972, vol. 41, No 2, p. 228.
314. *Minns E. H.* Scythians and Greeks.— Cambridge, 1913.— 720 p.
315. *Mommsen T.* Römische Geschichte.— Berlin, 1885.— 659 S.
316. *Pape W., Benseler G. E.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Bd 1, 2.— Braunschweig, 1884.— 1710 S.
317. *Peck W.* Neue Inschriften aus Epidauros.— Berlin, 1972.— 63 S.
318. *Pippidi D. M.* Contributii la istoria veche a Romaniei.— București, 1967.— 597 p.
319. *Pouilloux J.* Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos.— Paris, 1954.— 313 p.
320. *Preda C.* Archaeological discoveries in the greek cemetery of Callatis-Mangalia (IV—III c.)— Dacia, 1961, vol. 5, p. 275—302.
321. *Prosopographia imperii Romani*, t. 1—3.— Berolini, 1897—1898.
322. *Ramsay W.* The social basis of Roman power in Asia Minor.— Aberdeen, 1941.— 306 p.
323. *Robert L.* Hellenica, τ. 2.— Paris, 1946.— 156 p.
324. *Robert L.* Notes d'épigraphie hellénistique.— BCH, 1926, t. 50, p. 520—521.
325. *Robinson D.* Ancient Sinope : Prosopographie Sinopensis.— AJPh, 1906, vol. 27, No 3, p. 269—279.
326. *Rostoutseff M.* Caesar and the South of Russia.— JRS, 1917, vol. 7, part. 1, p. 27—44.
327. *Russu I. L.* Elemente traco-getice in Scitia si Bosporul cimmerian.— SCIV, 1958, t. 9, N 2, S. 303—335.

328. *Schur W.* Orientpolitik Kaiser Nero.— *Klio*, 1923, t. 15, S. 62—81.
329. *Scythica et Caucasica* / Ed. B. Latyshev, vol. 1—2, 1890—1906.
330. *Sittig E.* De Graecorum nominibus theophoris.— Halle, 1911.— 167 p.
331. *Starr Ch. G.* The Roman Imperial Navy 31 B. C.— A. D. 324— N. Y., 1941.— 232 p.
332. *Stout S. E.* The governors of Moesia.— Princeton, 1911.— 97 p.
333. *Stein A.* Die Legaten von Moesien.— Budapest, 1940.— 139 S.
334. *Sundwall J.* Nachtrage zur Prosopographia Attica.— Helsingfors, 1910.— 177 S.
335. *Syme R.* Rhine and Danube legions under Domitian.— *JRS*, 1928, vol. 28, p. 41—55.
336. *Szemerényi O.* Iranica.— *ZDMG*, 1951, t. 101, S. 212—219.
337. *Taylor L. R.* Freedmen and freeborn in the epitaphs of Imperial Rome.— *AJPh*, 1961, vol. 82, No 2, p. 113—132.
338. *Thylander H.* Etude sur l'épigraphie latine.— Lundunum, 1952.— 192 p.
339. *Toynbee J. M. C.* Death and burial in the Roman World.— N. Y., 1971.— 336 p.
340. *Weaver P. R. C.* Cognomina ingenua : a note.— *The Classical Quarterly*, 1964, vol. 14, No 2, p. 311—315.
341. *Weaver P. R. C.* The status nomenclature of the Imperial freedmen.— *The Classical Quarterly*, 1963, vol. 13, No 2, p. 272—278.
342. *Webster G.* The Roman imperial army of the first and second centuries A. D.— London, 1969.— 330 p.
343. *Williams Ch. K.* Corinth, 1969 : Forum Area.— *Hesperia*, 1970, vol. 39, No 1, p. 12—33.
344. *Young H. S.* Sepulturae intra urbem.— *Hesperia*, 1951, vol. 20, No 2, p. 102—103.
345. *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen.— Praga, 1964.— 701 S.
346. *Zgusta L.* Die Personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste.— Praga, 1955.— 466 S.
347. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1965 г.— *Архив ГХМ*, д. 858, 1, л. 1—34.